

Кафедра истории древнего мира
Институт истории и международных отношений
Институт археологии и культурного наследия
Саратовского государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского

ANTIQVITAS IVVENTAE

Сборник научных трудов студентов и аспирантов

Саратов 2011
Издательский центр «Наука»

УДК 9(37+38)(082)
ББК 63.3(0)32я43
А62

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

к.и.н. *А.В. Короленков*, асп. *Е.В. Кузнецова*,
асс. *А.А. Савинов* (отв. секретарь),
к.и.н. доц. *Е.В. Смыков* (отв. редактор),
к.и.н. доц. *Н.Б. Чурекова*

А62 **ANTIQVITAS IYVENTAE**: Сб. науч. тр. студентов и аспирантов.
– Саратов: ИЦ «Наука», 2011. – 260 с.
ISBN 978–5–9999–0808–7

Данный сборник содержит материалы научных студенческо-аспирантских конференций «Antiquitas Iuventae», проводившихся на базе Института истории и международных отношений СГУ в апреле 2010 и 2011 годов. Представленные в сборнике работы посвящены различным аспектам истории античной Греции, Рима и Северного Причерноморья.

Сборник рассчитан на студентов, аспирантов и всех интересующихся историей древнего мира.

УДК 9(37+38)(082)
ББК 63.3(0)32я43

ISBN 978–5–9999–0808–7

© Кафедра истории древнего мира СГУ, 2011
© Коллектив авторов, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ -----	6
ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ -----	8

I. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Бычкова М.А. (Саратов)	
ЕХ ОРИЕНТЕ МУТНОС? («Песнь об Улликумми» и тифономахия у Гесиода) -----	10
Рахимова А.А. (Саратов)	
Вопросы ионийской миграции XII–XI вв. до н.э. -----	17
Денисова В.С. (Саратов)	
Герои и чудища: к вопросу об исторических корнях мифа о Геракле и Лернейской Гидре -----	23
Фрешер Ю.А. (Саратов)	
Участие в Панафинейях – привилегия или общее право? -----	28
Кузягина Л.Н. (Казань)	
Проблема интерпретации образа Елены Троянской: от Гомера до Исократы -----	38
Баранов Д.А. (Саратов)	
«Стела надписей» из Ксанфа: проблема датировки и интерпретации -----	47
Змитрякова Ю.О. (Казань)	
Спартанские полководцы Леонид и Павсаний: посмертная и «поэтическая» героизация -----	57
Змитрякова Ю.О. (Казань)	
Героизация образов в трагедии Эсхила «Персы» -----	69
Корнилов Ю.В. (Казань)	
«Царь Азии»: к вопросу о царской титулатуре Александра Великого -----	77
Каранаев М.Н. (Казань)	
К вопросу об участии Иоханана Гиркана в войне Антиоха VII Эвергета (Сидета) против парфян -----	82
Востриков И.В. (Казань)	
Афинская эфебия во II–I вв. до н.э. -----	93

II. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

КЛЕМЕШЕВА М.С. (САРАТОВ)	
КОРНЕЛИЯ И ДРУГИЕ:	
МАТЕРИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ДРЕВНЕМ РИМЕ-----	102
АКОПЯН П.А. (НИЖНИЙ НОВГОРОД)	
«АРМЯНСКИЙ ВОПРОС»	
НА РИМСКО-ПАРФЯНСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 92 Г. ДО Н.Э.-----	110
ЧЕРКАСОВА С.В. (САМАРА)	
К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ	
ЛУЦИЯ ЛИЦИНИЯ ЛУКУЛЛА И ГНЕЯ ПОМПЕЯ МАГНА	
В ХОДЕ III МИТРИДАТОВОЙ ВОЙНЫ-----	113
ЧЕРКАСОВА С.В. (САМАРА)	
РИМСКО-КРИТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	
В 70–60 ГГ. I В. ДО Н.Э. -----	119
ХРУСТАЛЕВ В.К. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНОГО ТРИБУНА ГАЯ КОРНЕЛИЯ	
И ПРИНЯТИЕ LEX CALPURNIA DE AMBITU-----	124
ВЬЮШКИН М.В. (КАЗАНЬ)	
К ПРОБЛЕМЕ КАТЕГОРИИ JUSTITIA У ЦИЦЕРОНА	
(ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАКТАТОВ	
«О СТАРОСТИ», «О ДРУЖБЕ», «ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ») -----	132
ВЬЮШКИН М.В. (КАЗАНЬ)	
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ И	
ЗАКОННОСТИ В РЕЧАХ ЦИЦЕРОНА») -----	137
НИКИТИНА К.А. (САРАТОВ)	
СТАТУЯ АВГУСТА ИЗ ПРИМА ПОРТА:	
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА-----	142
СМЫКОВ И.Е. (САРАТОВ)	
ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА ЛУЧШЕГО ПРИНЦЕПСА:	
ПРОБЛЕМА ПРИЧИН ПАРФЯНСКОЙ ВОЙНЫ ТРАЯНА-----	151
УЛЯМАЕВ Т.Р. (САРАТОВ)	
АЛЕКСАНДР СЕВЕР И АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ:	
ЛИТЕРАТУРНАЯ ФИКЦИЯ И	
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ-----	160
КАРГАЛЬЦЕВ А.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)	
ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА	
РИМСКОЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ-----	168
ЗИБАЕВ А.В. (САРАТОВ)	
ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ ПРИНЯТИЯ МИЛАНСКОГО ЭДИКТА-----	177
ДАВЫДКИНА О.И. (САМАРА)	
О ПРОБЛЕМЕ ОТНОШЕНИЯ РИМСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИТАЛИИ	
К ОСТГОТСКОМУ ГОСУДАРСТВУ-----	187

III. АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
ИСТОРИОГРАФИЯ, РЕЦЕПЦИЯ

Горлов В.А. (Москва)	
ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЙ АЗИАТСКОГО БОСПОРА VI–IV вв. до н.э. -----	196
Федорович Т.С. (Краснодар)	
КУЛЬТ КИБЕЛЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ-----	203
Челноков М.С. (Саратов)	
КУЛЬТ АХИЛЛА НА ОСТРОВЕ ЛЕВКА-----	212
Сапогов А.С. (Саратов)	
АРТАКСЕРКС II В «АНАБАСИСЕ» КСЕНОФОНТА-----	222
Панкратова Е.Г. (Санкт-Петербург)	
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ФАНАГОРИИ – Л.П. ХАРКО-----	228
Сергеева Н.С. (Саратов)	
ГОЛЛИВУД И ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: К ВОПРОСУ ОБ ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. -----	238
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ-----	255

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГ	Античная Греция. М., 1983
АГСП	Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984
АИБ	Археология и история Боспора. Симферополь
АМА	Античный мир и археология. Саратов
АО	Археологические открытия. М.
БИ	Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
БС	Боспорский сборник. М.
БФ	Боспорский феномен. СПб.
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВИ	Вопросы истории. М.
ВЭ	Вопросы эпиграфики. М.
ДБ	Древности Боспора. М.
ДГ	Древнейшие государства на территории СССР / Восточной Европы. М.
ДСПК	Древности Северного Причерноморья и Крыма. Запорожье
ЖМНП	Журнал министерства народного просвещения. М.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Л.; М.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МНМ	Мифы народов мира. М.
ОАИБ	Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992
ПИФК	Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск
РА	Российская археология. М.
СА	Советская археология. М.
САИ	Свод археологических источников. М.
AJA	American Journal of Archaeology. Boston (Mass.)
AJPh	American Journal of Philology. Baltimore
AS	Anatolian Studies
BCH	Bulletin de Correspondence Hellénique

CAH	Cambridge Ancient History
ClAnt	Classical Antiquity. Berkeley (Calif.)
CPh	Classical Philology. Chicago (Ill.)
CQ	Classical Quarterly. Oxf.
CVA	Corpus Vasorum Antiquorum
FGH	<i>Jacoby F.</i> Die Fragmente der griechischen Historiker. B.; Leiden
IEJ	Israel Exploration Journal. Jerusalem
IG	Inscriptiones Graecae. B.
IOSPE	<i>Latyshev V.V.</i> Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. St. Petersburg
JHS	Journal of Hellenic Studies. L.
JRS	Journal of Roman Studies. L.
KIP	Der Kleine Pauly. Stuttgart
RE	Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 1–83. Stuttgart, 1893–1980
TAPhA	Transactions of the American Philological Association. Atlanta (Ga.)
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Дорогие друзья!

Мы рады представить вашему вниманию очередной выпуск научного издания «Antiquitas Iuventae». Этот выпуск несколько необычен, он объединяет материалы конференции, прошедшей в апреле 2010 года, а также статьи докладов 2011 года. В связи с этим некоторые авторы представлены двумя статьями.

Приятно отметить, что в этом году несколько расширилась «география» сборника: впервые появились работы молодых исследователей из Краснодара и Нижнего Новгорода.

Выпуск состоит из трех разделов, посвященных истории Древней Греции, Древнего Рима, Северного Причерноморья, а также различным проблемам источниковедения, историографии и современного восприятия античности.

Редколлегия считает необходимым выразить признательность научным руководителям за деятельное участие в подготовке и редактировании трудов их учеников.

Редколлегия обращается к авторам с просьбой присылать статьи для следующего сборника «Antiquitas Iuventae» не позднее 20 февраля 2012 года по одному из адресов:

antiquitas@yandex.ru

alexandr_savinov@list.ru

Обращаем ваше внимание, что в Интернете размещена наша страничка: www.antiquitas.narod.ru

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

БЫЧКОВА М.А. (САРАТОВ)

EX ORIENTE MYTHOS?

(«Песнь об Улликумми» и тифономахия у Гесиода)¹

Когда говорят о заимствовании Гесиодом сюжетных линий «Теогонии» в хеттской литературе, часто указывают на параллель, которая, якобы, существует между хеттским текстом «Песнь об Улликумми» и повествованием Гесиода о борьбе Зевса и Тифона.

«Песнь об Улликумми» сохранилась только фрагментами. Он непосредственно связан с текстом «О царствовании на небесах», поэтому есть смысл рассмотреть его, исходя из тех же методологических принципов. Обратимся, прежде всего, к хеттскому сказанию. Начинается оно с рассказа о недобрых замыслах Кумарби, направленных против Бога Грозы:

*Кумарби в душу свою мудрость вбирает.
Как злодей, он День дурной породит.
Он против бога Грозы зло замышляет:
Он соперника богу Грозы породит².*

Далее Кумарби, после того как вобрал мудрость в душу, собирается в путь из города Уркиса к «Холодному Озеру», где совокупляется с огромной скалой. В результате у Кумарби рождается Улликумми («Разрушитель Кумми(и)»³, города бога грозы Тешуба), который является главной опорой и поддержкой для Кумарби против тех богов, которые были зачаты им от бога Ану. Кумарби обращается за помощью к Импалури для того, чтобы боги не уничтожили его порождение. Импалури передал просьбу Кумарби о сохранении сына Ирсирам – богиням судьбы и богиням-защитницам. Те, в свою очередь, взяли Улликумми и положили на колени к Энлилю:

*Поднял глаза Энлиль,
Посмотрел на малыша –*

¹ Настоящая статья продолжает тему, начатую автором в статье: *Ex oriente mythos* (К проблеме ближневосточного влияния на «Теогонию» Гесиода) // *Antiquitas Iuventae*. Саратов, 2010. Вып. 5. С. 7–30.

² Песнь об Улликумми / Пер. В.В. Иванова // *Поэзия и проза Древнего Востока*. М., 1973. С. 234.

³ *Вильгельм Г.* Древний народ хурриты. Очерки истории и культуры. М., 1992. С. 103; *Герни О.Р.* Хетты. Разрушители Вавилона. М., 2002. С. 236.

*Тот перед богом стоял,
Тело его – Кункунуци – из камня⁴.*

Кункунуци рос на правом плече Упеллури, пока не достиг покоев богов на небесах. Первым его увидел бог Солнца и, испугавшись, изменил направление для того, чтобы рассмотреть его лучше. Потом с тревожной вестью он отправился к небесным богам. Узнав эту весть, Тешуб и Ташмишу полетели к горе Хаззи. Увидев Улликумми, заплакал бог Грозы, но в утешенье ему Иштар обещала побороть чудовище. Иштар пыталась соблазнить каменное порождение, но, поняв, что он глух и слеп, со слезами ушла прочь. Далее речь идет о том, что небесные боги пытались бороться с ним, но всё было тщетно, даже Тешуб был бессилён перед Кункунуци.

Тогда беспомощные боги обращаются за советом к богу Эа, который в разговоре с Упеллури приходит к мысли, что убить каменное чудовище можно, отрезав его ножом, которым было отделено Небо от Земли. Заканчивается хеттский текст сражением Тешуба с Улликумми.

Греческая параллель хеттскому мифу, как считает ряд исследователей, – сюжет о Тифоне. В «Теогонии» Гесиода (Theog. 820–822) это чудовище является в качестве нового противника Зевса именно в тот момент, когда Зевс только что захватил власть, победив Крона и других титанов:

*После того, как Титанов прогнал уже с неба Кронион,
Младшего между детьми, Тифоея, Земля-великанша
На свет родила, отдавшись объятиям Тартара страстным.*

Рожденное чудовище было очень сильным и имело сотню голов змея-дракона, из глаз его пылало пламя, кричало оно разными голосами. Зевс, увидев страшное чудовище, стал с ним сражаться и, победив, низверг его в Тартар.

Миф о Тифоне в несколько иной интерпретации и с большим количеством подробностей, которых нет у Гесиода, содержится и у других греческих авторов. Самая важная для нашей темы из этих подробностей, пожалуй, та, что Тифон зачастую оказывается, так или иначе связанным с Востоком – Арменией, Фригией, Каппадо-

⁴ Песнь об Улликумми. С. 237.

кией, Киликией и т.д.⁵ Если учесть, что в одном неопубликованном клинописном тексте гора Улликумми упоминается среди гор страны Киццуватны, т.е. Киликии⁶, это, как кажется, является сильным доводом в пользу заимствования.

Кроме того, когда проводят параллель между «Песней об Улликумми» и сюжетом о Тифоне в «Теогонии» Гесиода, отмечают следующие сходные мотивы:

- Рождение чудовища, целью которого является месть богу грозы.

- Хтонический характер существ: Улликумми рожден от Скалы и бога Кумарби, связанного с плодородием, а Тифон – от Геи (также связанной с плодородием) и Тартара.

- Оба существа несут страшную угрозу богам и с ними тяжело справиться (победа над Улликумми была одержана не сразу, как и над Тифоном, множество перипетий битвы с которым излагается, например, в версии Аполлодора (I.6.3)).

- Наличие в хеттском тексте персонажа Упеллури, которого считают похожим на Атланта⁷.

- М. Уэст приводит еще один довод, который, правда, связывает Тифона не с хеттской, а с вавилонской традицией. По его мнению, Тифон подобен Тиамат тем, что выступает как родитель целой группы чудовищ, подобно тому, как Тиамат выступает против богов во главе сотворенной ею толпы ужасных существ. Некоторые из порождений Тифона, по мнению исследователя, похожи на сотворенных Тиамат страшилищ⁸. Такая параллель вряд ли возможна – в сущности, все чудовища всех мифологий легко разложимы на известные людям и отнюдь не чудовищные элементы, так что сходство здесь не удивительно. С другой стороны, сам же М. Уэст делает оговорку, что дети Тифона, в отличие от порождений Тиамат, не принимают никакого участия в его борьбе с богами.

Признавая наличие сюжетных параллелей, Г.Г. Гиоргадзе, например, считает, что «Песнь об Улликумми» служит звеном, связывающим древние литературы Ближнего Востока с древнегреческой

⁵ См.: обзор относящегося сюда материала: *Schmidt J.* Typhoeus, Typhon // *Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie.* Leipzig, 1916–1924. Bd. 5. Sp. 1431–1433. Локализация Тифона на Востоке опирается на традицию, существовавшую уже ко времени Пиндара (*West M.L.* Hesiod Theogony edited with Prolegomena and Commentary. Oxf., 1966. P. 379).

⁶ *Гютербок Г.Г.* Хеттская мифология // *Мифология древнего мира.* М., 1977. С. 192.

⁷ *Вильгельм Г.* Указ. соч. С. 103.

⁸ *West M.L.* Op. cit. P. 379–380.

мифологической и поэтической традицией, в частности с «Теогонией» Гесиода⁹. П.А. Гринцер, рассматривая отрывок «Теогонии» о битве Зевса с Тифоном, сначала приводит подобные сюжеты о борьбе бога с драконом из мифологий народов мира, однако потом отмечает, что «Гесиод локализует битву Зевса и Тифона в Сирии и Киликии (та же локализация и у Гомера в «Илиаде» – II.783)»¹⁰. И это, по его мнению, может служить основанием для того, чтобы говорить о хеттском влиянии. Эта интерпретация достаточно вольная, поскольку Гесиод местом сражения называет гору Этна на острове Сицилия¹¹, а Гомер – горы в Аримах¹². Далее П.А. Гринцер обращается к деталям и обнаруживает следующие, по его мнению, сходные мотивы:

1. Как Тифон, так и Улликумми становятся могущественными противниками бога грозы.

2. Битва происходит в обоих мифах в море¹³.

3. И самое существенное, по его мнению, доказательство заимствования – это поздняя версия мифа о Тифоне, изложенная в «Библиотеке» Аполлодора. Аполлодор, как считает ученый, более точен и указывает гору Касион (гора Хаззи в «Песне об Улликумми»), и в целом именно версия Аполлодора сходна с хеттским текстом¹⁴.

А.И. Зайцев, также как и П.А. Гринцер, утверждает, что решающей деталью в пользу заимствования греками сюжета об Улликумми является место сражения с чудовищем в обоих мифах. По его мнению, заимствование греками мифа о борьбе с Тифоном с Востока произошло ещё в догомеровскую эпоху¹⁵.

⁹ Гиоргадзе Г.Г. Ранняя Малая Азия и Хеттское царство // История древнего мира. М., 1989. Кн. 1: Ранняя древность. С. 233.

¹⁰ Гринцер П.А. Две эпохи литературных связей // Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. М., 1971. С. 27.

¹¹ Hes. Theog. 859–861:

*После того как низвергнул перуном его Громовержец,
Пламя владыки того из лесистых забило расщелин
Этны, скалистой горы...*

¹² Ном. II. II.783: «Горы в Аримах, в которых, повествуют, ложе Тифея». О локализации этого места в Малой Азии см.: West M.L. Hesiod Theogony... P. 250–251. Именно здесь у Гесиода Тифон вступает в брак с Ехидной (Theog. 305–307).

¹³ Это утверждение достаточно произвольно: в греческом варианте мифа нет никаких указаний на то, что битва происходит в море. Упоминание о пламени, которое охватило море, о волнах, бьющих в берег, и т.п. призвано подчеркнуть космический характер битвы – точно так же, как во время титаномахии говорится о том, что от жара Зевсовых молний «Океана кипели течения».

¹⁴ Гринцер П.А. Указ. соч. С. 28.

¹⁵ Зайцев А.И. Греческая религия и мифология: Курс лекций. СПб.; М., 2005. С. 70.

Локализация места сражения, которую отстаивают А.И. Зайцев и П.А. Гринцер, не нова. Ещё во второй половине XIX в. немецкий учёный Л. Преллер, представитель натурмифологической школы, предположил малоазийское происхождение сказания о Тифоне – «общее мифологическое выражение пламенных паров и их разрушающих действий». Он приводит три распространённых мнения о месте борьбы Зевса с чудовищем: горы Киликии, вулкан местности Лидии и Фригии и местность в Сирии¹⁶.

По мнению Г. Вильхельма, мотив появления противника богу грозы проник из Южной Анатолии и Северной Сирии в греческую мифологию, отразившую различные версии истории о Тифоне, рожденном Геей и Тартаром или же Кроном, угрожавшем Зевсу, но побежденным им¹⁷. Подобным же образом В.Г. Ардзинба усматривает сходство в теме между хеттскими и греческими мифологическими представлениями (миф «о борьбе Зевса со змееподобным Тифоном» и хеттский миф «о сражении бога грозы со змеем»)¹⁸, а также в локализации места сражения – гора Хаззи (Касион)¹⁹.

Более осторожен в своих подходах О.Р. Герни, который, правда, признает, что сказанию об Улликумми находится параллель в мифе о Тифоне, но не считает ее близкой. По его мнению, подобные мифы не свойственны ни хеттам, ни грекам, и поэтому они заимствовали их из восточных источников²⁰. Еще одну интерпретацию сюжета предлагает И.М. Дьяконов. Он также отмечает, что в греческом мифе, как и у хеттов, новое поколение богов выдерживает ещё одну битву, с гигантами, порождёнными из крови Урана. Но Улликумми, по его мнению, имеет фаллический характер, но никак не связан с плодородием, а, скорее, является воплощением слепой, неуправляемой страсти; и в греческой мифологии ему нет эквивалентной фигуры, разве что Эрос²¹.

Остается еще один персонаж – Упеллури. Ряд исследователей усматривают в нем аналог Атланта²². Атлант (или Атлас) – в греческой мифологии – титан, сын Иапета и океаниды Климены (по дру-

¹⁶ *Preller L. Griechische Mythologie. B., 1872. Bd. 1. S. 55.*

¹⁷ *Вильхельм Г. Указ. соч. С. 105.*

¹⁸ По-видимому, имеется в виду «Миф об Иллуянке».

¹⁹ *Ардзинба В.Г. Послесловие // Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983. С. 178.*

²⁰ *Герни О.Р. Указ. соч. С. 238.*

²¹ *Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990. С. 141.*

²² *Герни О.Р. Указ. соч. С. 236; Вильхельм Г. Указ. соч. С. 103; Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 220; Гринцер П.А. Указ. соч. С. 29; Мелетинский Е.М. Мифы Древнего мира в сравнительном освещении // Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. М., 1971. С. 86.*

гой версии – Асии), брат Прометея. Это древнее доолимпийское божество, обладающее мощной силой. После поражения титанов в титаномахии он в наказание был поставлен поддерживать небесный свод²³. Однако нас интересует в данном случае то, как представлял Атланта Гесиод:

*Океаниду прекраснородящую, деву Климену,
В дом свой увел Иапет и восходил с ней на общее ложе.
Та же ему родила крепкодушного сына Атланта...
Держит Атлант, принужденный к тому неизбежностью
мощной,
На голове и руках неустанных широкое небо
Там, где граница земли, где певичы живут Геспериды²⁴.*

Итак, Атлант у поэта – титан, поддерживающий небосвод и находящийся на краю земли близ Тартара. Поэтому, если сравнивать Упеллури и Атланта, то можно отметить следующие различия. Во-первых, Атлант, в отличие от Упеллури, пребывает не в воде; во-вторых, Упеллури появился раньше, чем было отделено Небо от Земли, в отличие от Атланта. Кроме того, роль Упеллури в хеттском мифе одна из важнейших, поскольку именно в разговоре с ним Эа понимает, как победить Улликумми, чего нельзя сказать о роли Атланта в греческом мифе. В-третьих, Атлант никак не связан у Гесиода с Тифоном и это, пожалуй, самое главное. С другой стороны, Е.М. Мелетинский находит сходный мотив каменного богатыря и в хуррито-кавказской, и в скифо-иранской, и в осетинской мифологии²⁵.

Подведем итоги. При сравнении сюжетов хеттского сказания и «Теогонии» Гесиода необходимо учитывать следующие различия:

1. Сюжет борьбы бога, особенно бога-громовника, со змеем или другим чудовищем, символизирующим силы первобытного хаоса, широко представлен и в других мифологиях²⁶.

²³ Тахо-Годи А.А. Атлант // МНМ. 2003. Т. I. С. 121.

²⁴ Hes. Theog. 507–509, 517–519. А также:

*Сын Иапета пред ними бескрайно-широкое небо
На голове и на дланях, не зная усталости, держит
(Hes. Theog. 746–747).*

²⁵ Мелетинский Е.М. Указ. соч. С. 87. Это, однако, не мешает и ему считать, что имело место заимствование греками хеттского сюжета (там же. С. 123).

²⁶ Мелетинский Е.М. Указ. соч. С. 73.

2. Согласно Гесиоду (а не поздней традиции!)²⁷, Зевс справляется с Тифоном в первом же сражении, а не в результате длительной борьбы с переменным успехом, как Тешуб с Улликумми.

3. Зевсу в гесиодовской версии тифономахии никто не помогает, а Тешубу помогают другие боги, и одолевает его бог грозы только благодаря совету Эа.

4. Место борьбы Зевса с Тифоном, по Гесиоду, находится рядом с горой Этна на Сицилии (Hes. Theog. 861), а вовсе не на Востоке; во всяком случае, Этна – единственный топоним, который поэт упоминает в связи с тифономахией.

5. Как было показано выше, параллель Упеллури и Атланта не имеет под собой никаких оснований, тем более, что Атлант у Гесиода и связан-то не с тифономахией, а с титаномохией.

6. Несмотря на сходство чудовищ как существ хтонического характера, их природа различна: Улликумми – это каменное чудовище, в отличие от змея Тифона.

7. Тифон не растет на плече у Атланта и не берет тем самым у него силы как Улликумми.

Таким образом, несмотря на существование сходных черт в обоих мифах, гесиодовский миф является самостоятельным, и оттого самоценным элементом мифологических представлений древних греков. Расхождения в деталях между рассказом Гесиода и хеттским текстом слишком велики, чтобы их можно было просто игнорировать. Вместе с тем, происхождение образа Тифона с Востока вполне вероятно – греки вполне могли заимствовать диковинный образ чудовища точно так же, как они заимствовали Сфинксов, Горгон и другие образы, созданные причудливой восточной фантазией.

²⁷ М. Вест специально подчеркивает, что хеттский текст «замечательно совпадает» с повествованием Аполлодора (*West M.L. Hesiod Theogony... P. 22*), не задумываясь о том, что тем самым он подрывает основы концепции заимствований, которую он активно поддерживает. Если для времени Гесиода еще можно спорить о знании или незнании поэтом хеттского текста, то уж ко времени Аполлодора этот вопрос можно считать полностью снятым – конечно, ко II в. до н.э. память и о хеттах, и об их языке в таком этнически бурлящем регионе, как Малая Азия, полностью стерлась. Таким образом, версия Аполлодора ни в коем случае не может привлекаться как аргумент в пользу заимствования.

РАХИМОВА А.А. (САРАТОВ)

ВОПРОСЫ ИОНИЙСКОЙ МИГРАЦИИ XII–XI ВВ. ДО Н.Э.

При исследовании особенностей процесса становления полиса в Малой Азии и специфических черт развития восточно-ионийских городов, многие исследователи справедливо обращались к миграционной эпохе, поскольку очевидно, что именно миграция обусловила своеобразие архаической Ионии. Несмотря на то, что тема ионийского переселения оживленно обсуждается в западной и отечественной историографии уже более столетия¹, наиболее дискуссионными проблемами остаются следующие: значение минойского и ахейского периодов в освоении греческими племенами западного побережья Анатолии, хронология, центры и причины миграции. Мало внимания также было уделено вопросам, связанным с расселением и этническим составом переселенцев.

Как свидетельствует античная традиция, ахейские племена, вытесненные с первоначальных мест обитания дорийцами или захваченные другими миграционными потоками, перенесли в Ионию свои политические и культурные традиции, племенные культы.

Основная цель работы – основываясь на имеющихся источниках и учитывая достижения историографии, реконструировать процесс ионийской миграции. Необходимо, опираясь на данные античной традиции, рассмотреть вопросы происхождения и первоначального расселения ионийских племен, выявить инициаторов и организаторов миграционного процесса.

Рассматривая данные античной традиции, нужно помнить, что первые письменные свидетельства появились гораздо позднее, чем происходившие события. Вследствие этого у античных авторов разные трактовки некоторых аспектов миграции, что может быть связано, конечно, с давностью событий, состоянием источников и с политической обстановкой в обществе.

¹ *Wilamowitz-Moellendorf U., von. Uber die Ionische Wanderung.* В., 1906; *Хилинский К.В.* Предание о начале Ионии // ЖМНП. 1908; *Хогард Д.Г.* Иония и Восток. СПб., 1914; *Sakellariou M.B.* La Migration Greque en Ionie. Athens, 1958; *Roebuck C.A.* Ionian Trade and Colonization. N.Y., 1959; *Huxley G.L.* The Early Ionians. L., 1966; *Лантева М.Ю.* У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI–VI вв. до н.э. СПб., 2009; *Greaves A.* Land of Ionia. L., 2010.

По легендарно-мифологической традиции переселение ионийцев было связано с возвращением Гераклидов и приходилось примерно на последнюю четверть XII – первую половину XI в. до н.э. Начало ионийской миграции засвидетельствовано в многочисленных источниках², при этом большая часть авторов выделяет афинский полис в качестве главного центра, принимавшего участие в процессах переселения.

Наиболее скептическое восприятие руководящей роли Афин в ионийской миграции восходит к исследованиям У. Виламовиц-Меллендорфа³, М. Нильсона⁴, отмечавших, что притязание Афин быть «метрополией» ионийских городов не было документировано до времени образования Делосской симмахии, т.е. является сравнительно поздним изобретением, вошедшим в труды проафинских историков типа Геродота или Фукидида. Еще Д. Хогард отмечал смешанный этнический состав переселенцев, подчеркивая численное преобладание среди них «наследников Эгейской культуры», и говорил об Аттике как о месте концентрации колонистов⁵. М. Сакеллариу также отмечает, что представление об Афинах как о метрополии всей Ионии было изобретением V в. до н.э., а ионийцы имели смешанный состав населения из различных греческих городов⁶.

Другая группа исследователей отстаивает более популярную в настоящее время точку зрения, согласно которой основная часть переселенцев была представлена ионийцами из Аттики, а Афины играли роль организатора переселения. Наиболее последовательно и аргументировано взгляды этой группы исследователей выражены в работах К. Рёбука, Дж. Кука, В. Десбороу⁷. К. Рёбук соглашается, что проафинское притязание на «метрополию» всей Ионии преувеличено и малоазийские города получили переселенцев из Беотии, Эвбеи и других районов Греции и Пелопоннеса⁸. С другой стороны, отмечает данный исследователь, сохранившаяся в позд-

² См. подробнее: Hdt. I.145–148, Thuc. I.12.2–3, Eratosth. Ap. Clem. Alex. Strom. I.24.138, FGH. fr. 73a–74c, Strabo XIV.1.3, Paus. II.17.8–9.

³ Wilamowitz-Mollendorf U., von. Op. cit. S. 59–79.

⁴ Nilsson M.P. A History of Greek Religion. Oxf., 1925.

⁵ Хогард Д. Указ. соч. С. 21–38.

⁶ Sakellariou M.B. Op. cit. P. 15.

⁷ Roebuck C.A. Op. cit.; Cook J.M. Greek Settlement in the Eastern Aegean and Asia Minor // САН. 1961. Vol. 2.2; Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964; Desborouh V. The Greek Dark Ages. L., 1972.

⁸ Roebuck C.A. Op. cit. P. 27.

ней традиции версия о приоритете Афин в рассматриваемом миграционном процессе не являлась полностью продуктом афинской идеологии, что подтверждается помимо нарративной традиции, сопоставлением афинских и восточно-ионийских культов, названий фил, календаря и т.п.⁹ Дж. Кук указывает, что хотя некоторые из этих ионийских учреждений были исключительно афинскими, они вряд ли могут служить прямым доказательством доминирующей роли Афин в миграционных процессах. В любом случае, по вполне справедливому мнению Дж. Кука, роль аттическо-ионийских элементов в Ионии не следует преуменьшать¹⁰. В. Десбороу говорит о нескольких группах переселенцев, из которых основную часть могли представлять афиняне¹¹. Л. Джефферри¹² и А. Грэхам¹³, опираясь на лингвистические данные и свидетельства письменной традиции, подчеркивают, что хотя роль Афин в основании ионийских городов преувеличена у историков V в. до н.э., большая часть переселенцев все же происходила из Аттики¹⁴.

Ряд античных авторов называет северный Пелопонесс исконной родиной ионийцев, а Афины лишь местом сбора переселенцев не только с Пелопонесса, но и других районов Греции (Hdt. I.143,147; V.97; VII.94; VIII. 46,97; IX.106; Strabo VIII.1.2.; VIII.4.5.; XIV.1.3; Paus. VII.2.5.).

«Отец истории», определяя родину ионийцев, указывает на следующее: «...ионяне жили в Пелопоннесе в теперешней Ахее, т.е. до прихода Даная и Ксуфа в Пелопоннес, они назывались, по эллинскому преданию, пеласгами и эгиалеями. Затем от Иона, сына Ксуфа, они получили имя ионян» (Hdt. VII.94). Таким образом, по мнению Геродота, аттические и малоазийские ионийцы имеют варварское (негреческое) происхождение.

Страбон (VIII.7.1) говорит, что в древности Аттика называлась Ионией, но не подчеркивает варварское происхождение ионийцев. Отмечая присутствие аттических ионийцев в Пелопоннесе, автор связывает это с перенаселенностью этой области. Так, в частности,

⁹ Roebuck C.A. Op. cit. P. 30.

¹⁰ Cook J.M. Op. cit. P. 773–790.

¹¹ Desborouh V. Op. cit. P. 341.

¹² Jeffery L.H. Archaic Greece. The City States c. 700–500 B.C. N.Y., 1976. P. 207.

¹³ Graham A.J. Op. cit. P. 11.

¹⁴ Mitchell St. Archaeology in Asia Minor 1990–98 // AR for 1998–1999. 1999; Greaves A.M., Helwing B. Archaeology in Turkey // AJA. 2001. Vol. 105. No. 3.

у Страбона Пелопонесс не выступает в качестве прародины ионийцев. Павсаний передает версию близкую к Геродоту, и приводит более подробный вариант мифологических преданий об Ионе.

«Тогда ионяне отправились в Аттику. Афиняне и их царь Меланф, сын Андропомпа, приняли их в качестве своих сожителей из уважения к Иону и тем подвигам, которые он совершил, когда был начальником афинян во время войны. Но говорят и то, что афиняне не доверяли дорянам, боясь, как бы они не захотели потеснить их, и поэтому приняли ионян в сожительство себе скорее ради увеличения собственных сил, чем вследствие расположения к ним» (Paus. VII.1.4).

Ссылаясь на Гомера, Павсаний говорит об обитании ионийцев в Пелопонессе, в долине нижнего течения р. Селинунт, далее на северо-восток по побережью Коринфского залива (VII.1.5; VII.24.5; VII.26.1–3).

Страбон также говорит о неоднородности переселенцев. Например, Милет, по его версии, был основан Нелеем из Пилоса (XIV.1.3).

«...Милет основал Нелей, родом из Пилоса. Мессенцы и пилосцы считаются между собой в родстве в какой-то степени, отчего новые поэты называют Нестора мессенцем; по их словам, много пилосцев переселилось вместе с Меланфом, отцом Кодра, и его спутниками в Афины; таким образом, весь этот народ сообща с ионийцами вывел эту колонию. В Посидии показывают алтарь, воздвигнутый Нелеем...» (Strabo XIV.1.3.)

Павсаний (VII.4.1) говорит о вторжении на Самос ионийцев с Эпидавра, минуя Аттику. Фукидид (Thuc. I.12.3.) и Еврипид (Eur. Ion. 80–91) настаивают на происхождении восточных ионийцев от афинян.

«...Лишь много времени спустя, и то с трудом, Эллада прочно успокоилась, в ней не было больше передвижений, и эллины стали высылать колонии: афиняне заселили тогда Ионию и большинство островов...» (Thuc. I.12.3.)

Геродот в своей Истории подчеркивает неоднородный состав переселенцев:

«...По этой же причине ионяне и основали двенадцать городов. И было даже очень глупо утверждать, что эти азиатские ионяне чистокровнее и благороднее остальных ионян. Добрую часть их составляют абанты с Евбеи, которые ничего общего не имеют даже в имени с ионянами.

Кроме того, ионяне смешались с орхоменскими минийцами, с кадмейцами, фрионами, фокейцами, отделившимися [от своего народа], молоссами, пеласгическими аркадцами, дорийцами из Эпидавра и многими другими племенами...» (Hdt. I.146).

Геродот и Страбон связывают основателей ионийских городов с родом афинских царей Кодра и Меланфа, которые, в свою очередь, первоначально были пришельцами из Пилоса и потомками Нелея.

«...Возглавлял ионийское переселение, которое произошло позднее эолийского, ... Андрокл, законный сын афинского царя Кодра» (Strabo XIV.1.3.).

«Немного лет спустя Медонт и Нелей, старшие из сыновей Кодра, подняли распрю между собой из-за власти, и Нелей не раз говорил, что он не допустит, чтобы царем над ним был Медонт, так как Медонт был хромым на одну ногу. Они договорились между собой – перенести этот спор на решение оракула в Дельфах, и Пифия дала царство над афинянами Медонту. Поэтому Нелей и остальные сыновья Кодра отправились в чужие земли и основали колонии, уведя с собою добровольцев из афинян, но главную часть их войска составляли ионяне » (Paus. VII. 2. 1).

Не стоит забывать, что род Кодра воцарился незадолго до переселения и имел неаттическое происхождение, а скорее пилосское.

Кроме афинской античная традиция знала и другие версии основания ионийских городов, согласно которым родиной ионийских ойкистов были различные области южной и средней Греции. Одним из примеров может быть основание Колофона. Колофонский поэт VI в. Мимнерм пишет о родине своих предков (Mimnerm.F.9):

*Пилос покинув высокий, Нелеев божественный город,
В Азию милую мы прибыли на кораблях
И в Колофоне желанном осели...*

М.Ю. Лаптева отмечает, что в исторической традиции нет противопоставления афинского варианта миграции пилосскому или какому-либо неафинскому¹⁵. В источниках оба варианта хотя и присутствуют, но не противопоставляются. Так, Страбон (XIV.1.3), в отличие, например, от Павсания (VII.2.1.), выводит колофонян и

¹⁵ Лаптева М.Ю. Указ. соч. С. 93.

милетян во главе с Нелеем из Пилоса, но не пренебрегает в то же время фактами об ойкистах ионийских поселений – Кодридах (XIV.1.3.21).

Таким образом, можно предположить, что основную часть переселенцев составляли афиняне. В то же время среди переселенцев можно было встретить часть фиванцев, фокейцев, абантов из Эвбеи, пеласгов, дорийцев из Эпидавра. Проанализировав данные античной традиции можно сделать вывод, что миграция растянулась на несколько поколений, и нет необходимости противопоставлять афинские и пилосский варианты преданий о переселении греков. Эти переселения происходили в разное время. Ионийская миграция представляла собой многоэтапный, длительный процесс, начавшийся еще в конце XIII в. до н.э. Причины ионийского переселения могут быть связаны с общими для Восточного Средиземноморья миграционными процессами. Один из этих потоков, рассматриваемый как перемещение греческих или иных индоевропейских племен с севера на юг Балканского полуострова, затем движение части этих племен на западное побережье Малой Азии и далее в Восточное Средиземноморье и являлся этим уникальным процессом, который принято называть миграция ионийцев.

ДЕНИСОВА В.С. (САРАТОВ)

ГЕРОИ И ЧУДИЩА: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ КОРНЯХ МИФА О ГЕРАКЛЕ И ЛЕРНЕЙСКОЙ ГИДРЕ

Греческая религия в своей кажущейся естественности и со своими странными атавизмами, одновременно утонченная и варварская, служила путеводной звездой всем, кто желал найти истоки религии вообще, но все же как историческое явление она единственна и неповторима, а кроме того, сама составляет продукт сложной предыстории¹.

Данное исследование будет посвящено историчности истоков греческих мифов на материале второго подвига Геракла, а так же должно будет проследить трансформацию мифологических представлений о Лернейской Гидре в прагматических описаниях природных явлений у позднеантичных авторов.

Но прежде чем перейти к непосредственной теме настоящей работы, необходимо разобраться с понятием «миф». На протяжении столетий разными учеными рассматривались и предлагались разные концепции мифа, но до сих пор нет единого мнения, что же это такое. Историю изучения мифа можно проследить у М.И. Стеблин-Каменского². Связь мифа с общественно-экономической формацией, предлагаемая А.Ф. Лосевым, кажется наиболее подходящей³. Концепция, где люди с помощью родственных отношений объясняют суть природы, показывает, почему у древних людей возникла именно такая система мифов.

Сущность греческой мифологии становится понятной только при учёте особенностей первобытного строя греков, воспринимавших мир как жизнь одной огромной родовой общины и в мифе обобщавших всё многообразие человеческих отношений и природных явлений. Греческую мифологию следует рассматривать не как привычную и неподвижную картину (хотя и прекрасную), но в постоянно изменяющемся социальном и историческом контексте античного мира⁴.

По мнению А.Ф. Лосева, с перенесением на природу общинно-родовых отношений, она оживала, становилась мифической, наполнялась живыми существами, которые представляли собой раз-

¹ Буркерт В. Греческая религия: архаика и классика. СПб., 2004. С. 6.

² Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л., 1976.

³ Лосев А.Ф. Античная мифология. М., 1957.

⁴ Он же. Греческая мифология // МНМ. 1980. Т. I. С. 321.

личные силы и явления природы, и когда человек не мог с ними совладать, то они принимали «вид всякого рода чудовищ и страшилищ»⁵. Но люди не могли существовать в вечном страхе от подобных существ, и поэтому для своей защиты они придумали героев.

Герой в понимании древнего грека является, прежде всего, царем или другим лицом высокого общественного положения, которое считает своим предком кого-либо из богов. Вместе с тем в понятие «герой» в греческом эпосе вкладывалось не только высокое общественное положение, но и воплощение всех воинских доблестей. Герой силой почти что равен богам, он может вступить с ними в бой, ранить и обратить в бегство⁶. У Гомера слово «герой» означало «воитель», поэтому герои были подходящими защитниками земли, в которой покоились их останки, так что их помощь была актуальной во время войны. Стоит отметить, что герои часто выступали в качестве целителей и помогали людям во многих их делах⁷. Так же, как пишет Ю.М. Антонян, «герои являются идеальным коллективным лицом определенной общности и выражает ее стремление к совершенству и силе, к победе над злом и утверждением добра. С помощью героических мифов люди хотели бы обнаружить в себе то, что дало бы им возможность преодолеть все угрожающие им опасности, в том числе заключенные в них самих»⁸. Одним из таких героев является Геракл.

Геракл в греческой мифологии – устойчивый образ мифического героя-созидателя, героя-спасителя. В древней Греции он представлял собой олицетворение силы, справедливости, защиты. Даже над входом в дом многие греки делали надпись: «Здесь обитает славный победитель Геракл; да не войдет сюда никакое зло»⁹. Геракл также может отождествляться с героем-лекарем, ведь он обладает функцией врачевания¹⁰, и представляется как герой-подвижник, который осваивает пространство, создает «космос»¹¹. Отсюда можно предположить, что Геракл осваивал территорию и очищал (вылечивал) ее от различных напастей, например, избав-

⁵ Лосев А.Ф. Античная мифология. М., 1957. С. 9.

⁶ Немировский А.И. Мифы и легенды народов мира: Древняя Греция. М., 2006. С. 125.

⁷ Нильсон М.П. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 27–28.; Буркерт В. Указ. соч. С. 358–364.

⁸ Антонян Ю.М. Миф и вечность. М., 2001. С. 245.

⁹ Нильсон М.П. Указ. соч. С. 108.

¹⁰ Борисов Ю.Д., Гуленков К.Л. Залюбовиной Г.Т. ученики и друзья. М., 2003. С. 117.

¹¹ Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 38.

лялся от чудовищ, которые угрожали самому существованию «космоса» и способствовали превращению его в «хаос»¹². Такой местностью является округа вблизи болота Лерны, где обитало чудовище – Лернейская Гидра.

Литературная традиция, относящаяся к мифу о Гидре из Лерны, берет свое начало в поэме Гесиода «Теогония», где говорится, что ее родила Ехидна от Тифона, вскормила Гера, а убил Геракл, воспользовавшись советом Афины (Hes. Theog. 313).

Еврипид в трагедии «Геракл» (Eur. Her. 420) добавляет к свидетельству Гесиода, помимо уже известного убийства Гидры, еще несколько сюжетов (наличие у нее множества голов и использование Гераклом ее яда для смачивания своих стрел), в другой трагедии, «Ион», поэт ничего нового относительно мифа о Гидре не говорит, кроме того, что Гераклу в борьбе с ней помогал Иолай (Eur. Ion. 193–200), о чем, впрочем, уже известно из поэмы Гесиода.

По сравнению с предыдущими источниками Аполлодор в своей «Мифологической библиотеке» делает акцент не столько на «биографии» лернейского чудовища, сколько на доблести сына Зевса. Во-первых, становится известно, что подвиг этот был совершен по приказу Эврисфея. Во-вторых, в этом фрагменте снова подчеркивается отрицательное отношение к гидре¹³, помимо всего прочего, уточняется количество голов (девять) одна из которых бессмертная, а так же появляются ценные сведения относительно логова Гидры. В частности, сообщается, что находилось оно возле источника Амимоны (Apollod. II.1.4–5; Paus. II.37.1–4; Hyg. Fab. 169–170; Vat. myth. I.45.1–3). Дальнейшее подробное описание схватки Гидры и Геракла особенно нового ничего не привносит, за исключением того, что Иолай точно прижигал шеи Гидры огнем, а последнюю голову Геракл закопал в землю (Apollod. II.5.2).

Интерес представляет строка «ходила на равнину, похищая скот и опустошая окрестные земли», т.к. здесь впервые говорится о «назначении» Гидры, а также, опираясь на фразу «ходила на равнину», можно предположить, что болото Лерна находилось на какой-то возвышенности, и чтобы добраться до поселений Гидре приходилось спускаться на равнину. Ко всему прочему, фразу «опустошая окрестные земли» стоит понимать так, что Гидра уничтожала все живое в пределах досягаемости: людей, скот, посевы.

¹² Элиаде М. Указ. соч. С. 37–38.

¹³ «Эта гидра, выросшая в болотах Лерны, ходила на равнину, похищая скот и опустошая окрестные земли» (Apollod. II.5.2).

Итак, логично будет предположить, что, при неожиданном падеже скота и неурожаях, греков начинал преследовать голод, болезни и, в конечном итоге, смерть. И как следствие, люди боялись побдобных событий, с которыми не могли справиться, и представления об этой опасности вылились в появлении мифа о Гидре.

Диодор Сицилийский также рассказывает, что на месте срубленной головы вырастали две новые, и Геракл из-за этого велел Иолаю прижигать отрубленные головы. Убив Гидру, он смачивает свои стрелы в ее яде (Diod. IV.11.5–6). Но все это известно уже из более ранних источников. Однако появляется одно расхождение: Аполлодор говорит только о девяти головах гидры, а у Диодора их уже сто.

Овидий же в произведении «Метаморфозы» о Гидре упоминает только в словах Геракла, где он говорит, что у Гидры было сто голов, а из каждой срубленной вырастали две новые (Ovid. Met. 66–74).

Павсаний говорит лишь о том, что Гидра выросла у истоков Амимоны, что была она ядовитая, и что Геракл намазал ее ядом свои стрелы. Тут же он размышляет, что у Гидры была все-таки одна голова, а много голов ей приписывают для более красочного рассказа (Paus. II.37.4).

Гигин, живший в одно время с Павсанием, о Гидре говорит также немного, только то, что она убивала людей, и что убил ее Геракл по совету Минервы, о чем уже говорилось, а также подтверждает слова Аполлодора о девяти головах (Hug. Fab. 30).

«Первый Ватиканский мифограф», составленный на рубеже I–II тыс. неизвестным средневековым компилятором, содержит 233 рассказа, взятых преимущественно из сочинений римских авторов II–V вв.¹⁴ Сообщения, касающиеся Гидры, взяты из Сервия (Serv. VI.287). Они повествуют, что у нее было уже не сто и не девять голов, а пятьдесят или семь, а из одной отрубленной вырастали не две, а три головы. Далее говорится, что она опустошала всю страну, поэтому Геракл и пришел с ней сражаться и победил ее. Наиболее интересными в данном случае являются рассуждения о том, что Гидра это вовсе не чудовище, а место, откуда били источники, которые опустошали соседний город (Vat. myth. I.62).

При сопоставлении текстов Аполлодора и Первого Ватиканского мифографа получается, что, во-первых, Гидра – это 7 источ-

¹⁴ Ярхо В.Н. Первый Ватиканский мифограф // Первый Ватиканский мифограф. СПб., 2000. С. 7–11.

ников, во-вторых, эти источники опустошали окрестные земли вблизи Лерны. Можно предположить, что, скорее всего, во время половодья источники разливались по равнине и затопляли поля. Отсюда появление чудовища в Лерне связывается со страхами людей, и олицетворяет оно собой внешнюю опасность.

Таким образом, сохранившаяся литературная традиция донесла до нас следующие сообщения относительно «лернейского чудовища»; она была дочерью Тифона и Ехидны, выросла около источника Амимоны, у нее было разное количество голов (семь, девять, пятьдесят или сто), одна из которых, как правило, была бессмертной, а на месте каждой срубленной вырастали две. Победил ее Геракл по совету Афины с помощью племянника Иолая, который прижигал отрубленные головы. Последнюю же голову он закопал, а в яде Гидры смочил свои стрелы.

Особого внимания заслуживает фрагмент из Ватиканского мифографа, поскольку представленная у него Гидра уже не легендарное чудовище, а скорее некий рудимент религиозно-мифологических пережитков прошлого, который, скорее всего, и является историческим основанием мифа о лернейском чудовище.

ФРЕШЕР Ю.А. (САРАТОВ)

УЧАСТИЕ В ПАНАФИНЕЯХ – ПРИВИЛЕГИЯ ИЛИ ОБЩЕЕ ПРАВО?

Панафинеи, или Панафинеийские игры (др.-греч. Παναθήναια, лат. Panathenaia) – самые крупные празднества в античных Афинах, проводившиеся в честь покровительницы города богини Афины. Это яркое событие, как и Игры в Олимпии, – редкий случай, когда искусство во всех его жанрах оказывается центром религиозной и политической жизни государства. Один из важнейших аттических праздников совершался 28-го числа месяца Ἑκατομβαιών, в день рождения Афины Паллады. Учреждение его относится к доисторическим временам и приписывается по одной из версий¹ Эрихтонию (Eratos. Catast. 13). Изначально торжества, которые проводились в месяц гекатомбеон после уборки урожая, были праздником урожая². Что же касается наименования праздника, то, по свидетельству Павсания, первое время он носил название Ἀθήναια, а своё окончательное наименование получил со времени синойкизма Тесея (Paus. VIII.2.1). С тех пор данное торжество стало именоваться «всеафинским» и получило политическое значение. До Писистрата оно совершалось ежегодно, а при нем (и позднее) стало проводиться раз в четыре года, в третьем году каждой Олимпиады. Праздник в честь богини превратился в главное культовое и общественное мероприятие афинского календаря. Принято считать, что в преобразованном Писистратом культе слились три представления об Афине: старый образ богини как локального божества; представление о ней, как о покровительнице аристократических героев; и новая солоновская концепция Афины как гаранта политической власти и благополучия города³. В результате, культ Афины при тиране сильно возвысился и приобрел, по мнению ряда исследователей, общегосударственный характер⁴.

На Панафинеийских играх существовал обычай вручать победителю венок из ветвей оливкового дерева и чернофигурные амфоры,

¹ Ковалева И.И. Эрихтоний: миф в структуре Панафинеи // ВДИ. 2004. № 4. С. 129.

² Zeihen L. Panathenaia // RE. 1949. Bd. 18. Sp. 488. По версии автора, эта мысль впервые была высказана Г. Узенером: Usener H. Götternamen. Versuch einer Lehre von der religiösen Begriffsbildung. Bonn, 1896. S. 155 ff.

³ Stahl M. Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen. Stuttgart, 1987. S. 252.

⁴ Туманс Х. Идеологические аспекты власти Писистрата // ВДИ. 2001. № 4. С. 20.

наполненные оливковым маслом, выжатым из оливок этой рощи. Призовые сосуды, общеизвестные как панафинейские амфоры, всегда расписывались, вероятно, лучшими мастерами. Сюжетами являлись различные виды спортивных состязаний.

Окончательный тип росписи панафинейских амфор оформился к 530 г. до н.э.: горло сосуда украшал растительный орнамент; на лицевой стороне изображалась Афина со щитом и копьем в руках; по обеим сторонам от неё – дорические колонны с восседающими петухами – символами боевого духа соревнований (рис. 1); у левой колонны находилась надпись ΤΩΝ ΑΘΗΝΗΘΕΝ ΑΘΛΩΝ⁵; а на оборотной стороне – изображение вида состязаний, за который победитель получил приз⁶.

Несомненно, в каждый элемент декора вазы вкладывалась определенная информация. По сюжетам росписей амфор и сведениям античных авторов известно, за какие виды состязаний победители получали панафинейские амфоры с оливковым маслом. Это – бег на различные дистанции (στάδιον, δίαυλος, δόλιχος), пентатлон⁷ (πένταθλον), гимнастическая борьба (πάλη), кулачный бой (πυγμή), панкратион (παγκράτιον⁸), военная пляска (πυρρίχη), бег с факелами (λαμπαδηδρομία) во время ночного праздника (παννυχίς), соревнования апобатов⁹, марш и военные упражнения вооруженных воинов (ἀγών εὐανδρίας), состязания триер в Пирее¹⁰ (νεῶν ἄμιλλα). Уже при Писистрате на Великих Панафинейях исполнялись поэмы Гомера (Lykurg. 102). По сообщению Плутарха, при Перикле народное собрание приняло решение, чтобы на Панафинейях происходи-

⁵ В.В. Латышев указывает, что надпись на призовых амфорах имела несколько иной вид: τῶν Ἀθηνηθεν ἄθλων εἰμί. См.: *Латышев В.В. Очерк греческих древностей.* СПб., 1997. Ч. II. С. 127.

⁶ *Boardman J. Athenian Black Figure Vases: A Handbook.* L., 1974. P. 167; *idem. The History of Greek Vases.* L., 2001. P. 58.

⁷ Пятиборье – бег, прыжки в длину, метание диска, копья и борьба. Когда эти пять видов состязания производились вместе в один день, то, конечно, борцов становилось меньше и меньше, так что для борьбы оставалось двое, и уже только один одерживал победу в пятиборье (*Lübker F. Reallexikon des klassischen Altertums.* Leipzig, 1914. S. 426).

⁸ Соединение кулачного боя и спортивной борьбы, как в стойке, так и на земле. Разрешались удары кулаком, ногой, коленом, локтями, захваты, сжатия, выкручивание суставов. Запрещено было кусаться и царапаться. Исход борьбы должны были решать неспособность продолжать её или добровольная сдача. См.: *Словарь античности.* М., 1989. С. 409.

⁹ Греч. ἀποβάτης – участники конных состязаний, которые, стоя рядом с возницей, должны были во время скачки спрыгивать с колесницы и вскакивать обратно. Этот способ состязаний греки сами объясняют обычаем героической эпохи сражаться во время битвы с противником, стоя на колеснице. (*Reisch E. Ἀποβάτης // RE.* 1894. Bd. I. Sp. 2814–2815).

¹⁰ *Латышев В.В. Указ. соч.* С. 126.

ли и музыкальные состязания: флейтистов, игроков на кифаре и певцов с аккомпанементом кифары (Plut. Perikl. 13). Следует отметить, что только победители в гимнастических состязаниях и конских ристаниях получали оливковое масло в амфорах, победителям в музыкальных состязаниях в качестве наград назначалось денежное вознаграждение и золотые вещи, победителям в военных упражнениях – щиты (Arist. Ath. Pol. 60).

Изображение на амфоре могло нести и специфическую информацию, ясную немногим. Например, изображение на щите Афины могло быть клеймом вазописца¹¹ или гончара¹². Не исключено, что это мог быть и герб одного из знатных афинских родов, на земле которого росли оливковые деревья, и которому в этот год была предоставлена честь собрать масло для победителей Панафиней¹³. Последнее справедливо для VI–V вв. до н.э.

С течением времени оформление панафинейских амфор менялось. Первые изменения произошли около 400 г. до н.э. По Аристотелю, масло с владельцев земельных участков, где росли маслины, теперь стали взимать архонты (Ath. Pol. 60), в связи с чем на амфорах появились выбранные ими символы вместо прежних изображений петухов¹⁴. На колоннах встречаются изображения самой покровительницы Панафиней вместе с совой (336 г. до н.э.); сына элевсинского царя Келея и любимца Деметры – Триптолема в крылатой колеснице (336 г. до н.э.); богини Ники, стоящей на носу корабля (332 г. до н.э.); Афины в паре с Никой (328 г. до н.э.)¹⁵ и др. У одной из колонн появляется имя архонта-эпонима. Исчезает прежняя маркировка в виде эмблемы мастерской (или родового знака) на щите, которая потеряла своё значение, и поэтому щит стали изображать в профиль или с внутренней стороны.

В IV в. до н.э. амфоры изменяют свою форму, они становятся более стройными. В связи с этим фигура Афины приобретает неестественно вытянутый вид, в то время как изображения атлетов ста-

¹¹ Beazley J.D. The Development of Attic Black-figure. Berkeley, 1986. P. 86.

¹² Eschbach N. Statuen auf panathenaischen Preisamphoren des 4. Jhs. v. Chr. Mainz, 1986. S. 165.

¹³ Tiverios M. Shield Devices and Column – Mounted Statues on Panathenaic Amphoras. Some remarks on Iconography // Worshipping Athena. Panathenaia and Parthenon. Madison, 1996. P. 168–170.

¹⁴ Об этом же без отсылки к источнику пишет И.И. Вдовиченко (ПАНАΘΗΝΑΪΚΑ ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΪΟΝ // АИБ. Керчь, 1999. С. 235).

¹⁵ CVA. Great Britain. Fasc. 1. British Museum by A.H. Smith. Fasc. 1. L., 1925. Panathenaic Vases – Later Group. Pl. 3–1a, 2a; Pl. 4–1a, 2a, 3a.

новятся всё более реалистическими. П. Валаванис отмечает¹⁶, что где-то в 360–358 гг. до н.э. Афины на лицевой стороне начинают изображать повернутой вправо. «Поворот» Афины в IV в. до н.э. также отмечает Дж. Бордман, указывая, в свою очередь, что одежда богини с этого времени начинает изображаться в архаичной манере (рис. 2)¹⁷. Позднейшая из датированных амфор относится к 312–311 г. до н.э., хотя они продолжали производиться в эллинистическое и римское время; но на них уже помещали имена других городских магистратов: казначея (ταμίης) или организатора игр (ἀγωναθέτης)¹⁸, и, соответственно, на амфорах стали размещать информацию иного характера.

Изображения и форма амфоры видоизменялись с течением времени, однако подвергался ли изменениям состав участников Панафиней? Интересно выяснить, кто же имел право участвовать в Панафинейских играх? Являлось ли участие в Панафинейках привилегией или же было общим правом?

Исследования археологических источников показывают, что из примерно двухсот известных на настоящий момент панафинейских амфор половина призовых сосудов найдена в Аттике¹⁹, остальные – в других районах Греции, а также в Этрурии²⁰. Примечательно, что некоторое количество панафинейских амфор было обнаружено и за пределами Эллады в составе инвентаря погребений варварской знати в курганах Северного Причерноморья. Естественно возникает вопрос, каким образом призовые амфоры могли оказаться так далеко от исконного места их производства?

Плутарх, сообщая об учреждении Панафинейских игр Тесеем, называет их «общим празднеством с жертвоприношениями» (Thes. 24). Но что Плутарх имел в виду, употребляя определение «общий»? Чуть ранее в этой же главе он ведёт речь об объединении всех аттических поселений в единое государство Афины, вслед за которыми сразу же учреждаются Панафиней. Здесь Плутарх рассказывает, что Тесей собрал всех жителей Аттики, сделав их единым народом, гражданами одного города, тогда как прежде они были рассеяны. Следовательно, напрашивается вывод, что и участниками в Панафинейских играх были именно *жители Аттики*.

¹⁶ Βαλαβανῆς Π.Δ. ΠΑΝΑΘΗΝΑΙΚΟΙ ΑΜΦΟΡΕΙΣ ΑΠΟ ΤΗΝ ΕΡΕΤΡΙΑ. Αθήνα, 1991. Ρ. 63–64.

¹⁷ Boardman J. The History... Ρ. 58.

¹⁸ Вдовиченко И.И. Указ.соч. С. 235.

¹⁹ Boardman J. The History... Ρ. 58.

²⁰ Вдовиченко И.И. Указ. соч. С. 228.

В историографии об участниках Панафинеийских игр существуют полярные точки зрения, причем чаще всего аргументация не приводится. И.В. Ксенофонтова считает, что участвовать в состязаниях имели право только *граждане эллинского происхождения*, в чём они приносили торжественную клятву²¹. И.И. Вдовиченко отмечает, что не только жители Афин принимали участие в Панафинеях, но и жители *всех городов-союзников*²², которые посылали в дар жертвенных животных и оружие. Она предполагает, что за исключением соревнований апобатов и военных игр состязания были открыты для всех участников. Это поддерживало репутацию Афин как открытого города, панэллинского центра и поднимало престиж игр²³. Т.Б. Гвоздева значительно сужает возможный круг соревнующихся, указывая, что участников выбирали *из афинских триб*, а гражданам прочих полисов принимать участие не разрешалось²⁴.

Поскольку вопрос об участниках Панафинеийских игр зачастую связан с местом находок призовых амфор, то их присутствие в Северном Причерноморье не могло не вызвать большого интереса исследователей, но существующие интерпретации не позволяют дать четкого ответа о характере использования, путях и причинах проникновения призовых амфор на данную территорию.

Мнение, будто панафинеийские амфоры служили исключительно наградами победителям агонов (в том числе и негрекам), и поэтому их находят в погребениях за пределами Аттики, уже давно подвергнуто сомнению²⁵. А.И. Пиотровский считал, что панафинеийские амфоры приобретались скифами у греческих колонистов, вероятно, куплены²⁶, с чем не соглашался И.Б. Брашинский²⁷. В свою очередь М.М. Максимова убедительно показала, что своим проникновением в варварскую среду панафинеийские амфоры обязаны именно тому, что они служили предметами регулярной купли-продажи²⁸. По мнению И.В. Ксенофонтовой, амфоры, которые

²¹ Ксенофонтова И.В. Панафинеийские амфоры из коллекции Государственного музея Востока // ВДИ. 2000. № 4. С. 185.

²² Вдовиченко И.И. Указ. соч. С. 227.

²³ Там же. С. 227.

²⁴ Гвоздева Т.Б. Великие праздники Эллады // Рождение Олимпийских игр. М., 2004. С. 26.

²⁵ См.: Gardiner E.N. Panathenaic Amphorae // JHS. 1912. Vol. 32. P. 179–193.

²⁶ Пиотровский А.И. Панафинеийская амфора Елизаветинского кургана // ИРАИМК. 1924. Т. III. С. 105.

²⁷ Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. С. 53.

²⁸ Максимова Н.И. Панафинеийская амфора из Зеленского кургана // КСИА. 1961. № 83. С. 18–20.

обнаружены в варварских погребениях, могли попасть к их хозяевам либо торговым путём, либо в качестве военного трофея²⁹.

На «привязку» подавляющего большинства комплексов с панафинейскими амфорами к восточным рубежам Боспора впервые обратил внимание Ю.А. Виноградов. Он предположил, что у населения Прикубанья изображение Афины, объединяющее эту группу сосудов, могло ассоциироваться с какой-то местной богиней³⁰, что, очевидно, повышало ценность этих ваз в глазах варварской знати. С ним согласна М.Ю. Вахтина, предположившая, что именно особенности религиозных верований местного населения, связанные с особой ролью местной версии «женского божества» и особой «военственностью» одной из её ипостасей и объясняют своеобразную «географию» панафинейских амфор на территории Северного Причерноморья³¹.

Ставшая, на первый взгляд, довольно убедительной версия, что панафинейские амфоры являлись не только наградой за победу в играх, но и были предметом торговли, приводит к необходимости конкретизации характера этой торговли.

Так, С. Вулли говорит, что все желающие могли приобрести панафинейские амфоры в качестве сувениров на память о блистательных афинских торжествах, и они даже экспортировались на внешние рынки, правда, относится данное сообщение к IV в. до н.э.³² По этому поводу М.И. Максимова добавляет, что тут скорее играли роль меркантильные соображения, поскольку в призовых амфорах содержалось масло высшего сорта из плодов священных маслин богини Афины³³. Утверждая, что панафинейские амфоры распространялись не обязательно на родине победителя игр, Дж. Бордман также указывает высокую ценность содержащегося в призовых амфорах оливкового масла³⁴. Его качество гарантировалось начертанным на амфоре именем архонта, ответственного

²⁹ Ксенофонта И.В. Панафинейские амфоры... С. 185. Г. Цецхладзе же полагает, что панафинейские амфоры пользовались спросом у местной знати как престижные привозные сосуды. См.: *Tsetshladze G.R. Greek Colonization of the Black Sea Area: Stages, Models and Native Population // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Stuttgart, 1998. P. 57–58.*

³⁰ Виноградов Ю.А. Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 44.

³¹ Вахтина М.Ю. К вопросу о находках панафинейских амфор в варварских погребениях Северного Причерноморья // *Stratum+*. ПАВ. СПб.; Кишинёв, 1997. С. 64.

³² Woolley C.L. Excavations at Al Mina, Suedia I // *JHS*. 1938. Vol. 58. P. 22.

³³ Максимова М.И. Панафинейская амфора... С. 20.

³⁴ Boardman J. The History... P. 58.

за заготовку продукта³⁵. Может быть, поступавшие в продажу амфоры служили тарой для излишков этого масла, которое и экспортировалось, таким образом, как товар высшего сорта³⁶.

Панафинейские игры оказываются связанными с характерной для афинского полиса частной торговлей. Как можно заметить, торговать маслом могли и победители в состязаниях. М. Тивериус называет размер самого большого приза – 140 амфор³⁷. Более конкретно к подсчётам подходит П. Валаванис. По его данным, победитель гонок на колесницах получал в награду 140 панафинейских амфор, в то время как победитель других состязаний, таких, например, как бег, борьба, панкратион, пятиборье – 40 или 50. При среднем объёме амфор в 35–40 л, получается, что победитель гонок на колесницах мог получить 4900–5600 л масла, а остальные – 1400–2000 л. Разумеется, такое количество масла не могло быть использовано самим победителем, и вполне очевидно, что большая часть его шла на продажу³⁸. Таким образом, победа на Панафинейях была не только престижной, но и приносила значительную материальную выгоду победителю.

Однако мы не можем с полной уверенностью утверждать, что все 140 амфор были расписными, и каждая представляла собой произведение искусства. Т. Гардинер высказывает предположение, что только одна такая ваза вручалась за каждую победу³⁹.

Трудно однозначно сказать, попадали ли панафинейские амфоры в Северное Причерноморье сразу как товар, или они привозились греческим населением Боспора как призы или сувениры с Панафиней, а лишь затем перепродавались в руки варварского населения. Пожалуй, стоит согласиться с мнением М.И. Максимовой, что многие панафинейские амфоры, найденные в Северном Причерноморье, представляют собой предметы торговли, а не доказательства высоких атлетических достижений обитателей этих мест⁴⁰. Однако надо признать, что значительное количество сосудов панафинейской тематики свидетельствует об информированности мест-

³⁵ *Максимова М.И.* Панафинейская амфора... С. 20.

³⁶ Там же.

³⁷ *Τιβεριος Μ.* ΠΑΝΑΘΗΝΑΙΚΑ // ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΚΟΝ ΔΕΛΤΙΟΝ. ΤΟΜΟΣ ΜΕΡΟΣ Α. ΜΕΛΕΤΑΙ. ΑΘΗΝΑΙ, 1977. Σ. 150.

³⁸ *Valavanis P.* Les amphores panathenaiques et le commerce athenien de l'huile // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 455.

³⁹ *Gardiner E.N.* Greek Athletic Sports and Festivals. L., 1910. P. 76.

⁴⁰ *Максимова М.И.* Панафинейская амфора... С. 20.

ного населения и устойчивом спросе на эти товары на протяжении длительного периода времени – с конца VI до конца IV вв. до н.э.⁴¹

Но можно предположить, что состав участников Панафинейских игр не всегда оставался постоянным, а ему была свойственна «гибкость», ярким примером которой являлись изменения программы конных состязаний, о которых мы знаем из аттической надписи (IG. II.2316). Так, например, когда Панафинейский праздник своим участием удостоили цари Птолемей и Антиох, в программе насчитывалось 24 состязания. Возможно, в связи с присутствием царей также мог расширяться и круг участников. И тогда из этого следовало бы, что некоторые состязания были открыты для большого круга лиц, а не только для жителей Аттики, что позволило бы объяснить столь широкий ареал распространения призовых амфор.

⁴¹ Вдовиченко И.И. Указ. соч. С. 233.

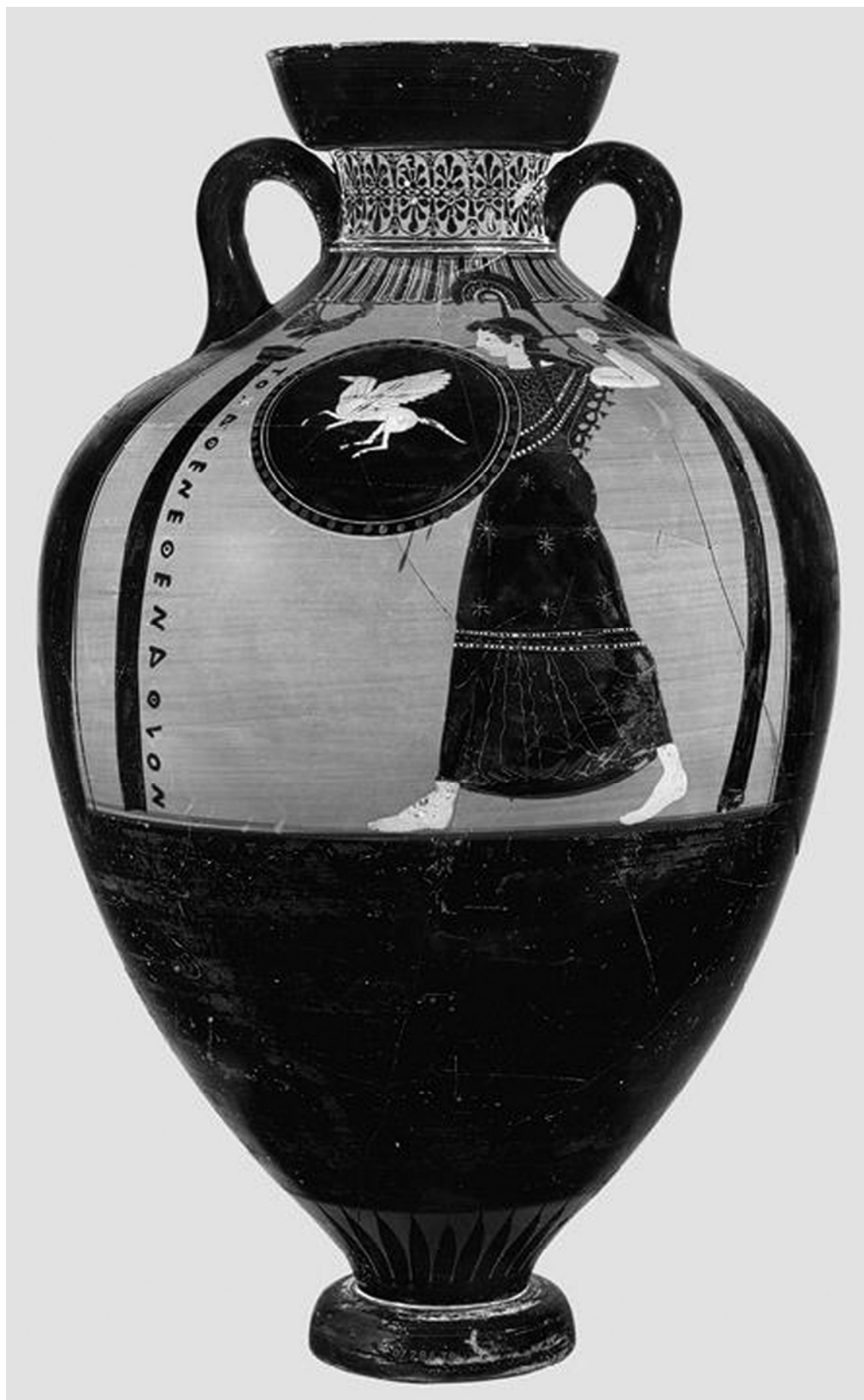

Рис. 1. Тип росписи панафинейской амфоры, оформившийся к 530 г. до н.э.

Рис. 2. Тип росписи панафинейской амфоры
после изменений 400 г. до н.э.

КУЗЯГИНА Л.Н. (КАЗАНЬ)

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА ЕЛЕНЫ ТРОЯНСКОЙ: ОТ ГОМЕРА ДО ИСОКРАТА

Характеристика образа Елены Троянской в произведениях античных авторов, описывающих или упоминающих историю Троянской войны, дает представление о роли и месте данного персонажа в цикле мифов, исторических и моральных взглядов греческих авторов начиная с гомеровской эпохи до IV в. до н.э.¹

Отправной точкой данной темы служит проблема распространения некоего образа Елены, его функционирования в указанных выше трудах, которая объясняется при помощи описательного подхода в исследовании. Такого рода анализ сочетается с собственно историческими, гендерными и филологическими методами исследования. Мы взяли за решение сугубо исторических вопросов: Какова роль данного персонажа в тех или иных трудах? Можно ли проследить эволюцию образа Елены Троянской? Каково отношение авторов к ней? Сразу же становится ясно, что здесь переплетается множество аспектов изучения данного образа: героиня, богиня, царица, виновница, мать, жена, изменница и прочее.

Путеводной нитью, на наш взгляд, могла явиться Елена из поэм Гомера – «Илиада» и «Одиссея»². В гомеровских поэмах присутствует разнообразие и богатство человеческих типов, каждый герой или героиня обладает характером, которым наделяет его Гомер³. Между тем, В.Н. Ярхо считает, что Гомер не располагал никакими художественными средствами для передачи внутреннего мира своих персонажей, что об их психическом состоянии можно судить только по внешним симптомам. Он это объясняет некой «двойной мотивировкой», то есть к собственному побуждению героя присое-

¹ Гомер и Гесиод (VIII–VII вв. до н.э.), Сапфо, Алкей и Стесихор (VII–VI вв. до н.э.), Эсхил (VI–V вв. до н.э.), Геродот, Софокл и Еврипид (V в. до н.э.), Горгий и Исократ (V–IV вв. до н.э.).

² Можно выделить следующие дискуссионные вопросы: 1) Были ли гомеровские поэмы сложены устно или сразу же записаны? 2) Существовал ли Гомер? 3) Если да, то был ли это один поэт или два (один – автор «Илиады», второй, живший позже, – автор «Одиссеи»)? 4) Что представляла собой цивилизация, описанная в поэмах Гомера? 5) В какой мере гомеровские поэмы можно считать историческим источником?

³ Ярхо В.Н. Эпос. Ранняя лирика. М., 2001. С. 72.

диняется божественная воля⁴. Персонаж Елены Троянской довольно часто встречается в обеих поэмах, но особенно в «Илиаде», где к ней применяются разного рода эпитеты: «линейнораменная», «златокудрая», «Дия светлая дочь» и т.д. Но, ни эпитеты, ни группы слов не применяются наобум. Скажем, всякий персонаж обозначается одновременно и свойственными только ему эпитетами, и прилагательными, применимыми к другим: так, прекрасными зовутся многие женские образы, но «вечным богиням подобная» – это только Елена. Согласно пассажу «Илиады», Афродита в образе служанки заставляет и запугивает Елену, чтобы последняя пошла к спасенному Парису (Ном. II. III.418). Из данного фрагмента можно было бы сделать вывод, что в поведении Елены прослеживается однозначная воля богов. Очевидно, что подобные пассажи могут послужить поводом для того, чтобы говорить о пассивном состоянии данного персонажа, обусловленном волей богов. Однако мы считаем это не совсем правильным, так как для героического эпоса внутренний мир героев еще не представлял самостоятельного интереса. Две черты определяют специфику данного персонажа: виновница Троянской войны и пешка в руках богов, такова Елена у Гомера. Кроме того, Гомер не берется описывать похищение Елены Парисом, которое представляется чрезвычайно интересным. Поэтому мы попробуем его реконструировать на основе других авторов: Менелай покидает Спарту и отправляется на Крит, Елена остается одна, и в этот же самый момент с визитом в Спарту приезжают троянские царевичи – Гектор и Парис. Обычай гостеприимства, настолько почитаемый греками, выполняет и Елена, она устраивает пышный прием гостям, очарованный Парис влюбляется. Ослепленная своей же красотой и богатствами Трои Елена убегает из Спарты. Это личностный компонент судьбы Елены, божественный же компонент прост, вернее, он существует в нескольких вариантах: 1) Зевс хочет использовать свою прекрасную дочь в качестве повода для развертывания губительной войны и истребления поколения героев, помня о клятве женихов Елены, данной ими Менелаю как будущему мужу, и зная о том, что все они ее выполнят; 2) Гера мстит Парису, который отдал звание прекраснейшей

⁴ Ярхо В.Н. Указ. соч. С. 87.

Афродите, и обещает разрушить Троию; 3) Афродита наказывает Тиндарея за непочитание, обрекая его дочерей на многоженство, а также она за яблоко с надписью «прекраснейшая» обещает Парису не кого-нибудь в жены, а саму Елену, на тот момент замужнюю женщину. Ясно, что в судьбе Елены с самого начала принимали участие Боги, прикрываясь ошибками смертных, главная «ошибка» самой Елены – ее красота. У Гомера Елена, с одной стороны, хулит себя, даже ненавидит за то, что идет кровопролитие и гибнут лучшие мужи Греции и Трои (И. III.173, 242, 404)⁵. Она находится в состоянии некой агонии, особенно когда прощается с Гектором, перед его битвой с Ахиллесом, ведь ахейцы побеждают и изнуренные войной они хотят суда над изменницей, и Елена это прекрасно понимает, поэтому даже заговаривает о собственной смерти (И. III.173). Исполняя в конце Илиады плач по Гектору, Елена, быть может, оплакивает и себя, ведь становится абсолютно очевидным скорое падение Трои. Елена – прекраснейшая из женщин – сыграла роковую роль в судьбе младшего поколения героев. Она принесла с собой соблазны, смерти и самоуничтожение великих героев, именно в этом и могла заключаться роль этого персонажа, как орудия божественного гнева⁶. Вот почему мы в первую очередь обратились к поэмам Гомера и взяли их за основу, ведь именно в них открывается предельно широко диапазон образа Елены.

Далее мы обратились к Гесиоду, а именно к «Каталогу женщин». Этот труд входит в состав архаического эпоса, который также содержит в себе смешение личностного компонента и воли богов, особенно в изображении любовного чувства. Например, это ярко видно во фрагменте, где описывается гнев Афродиты относительно дочерей Тиндарея, одна из которых – Клитемнестра – убила Агамемнона и сошлась с Эгисфом, другая – Елена – «опозорила Менелая»⁷. В тексте Гесиод не называет Елену дочерью Зевса, не упоминает о первом похищении Елены Тесеем. Также Никострата Гесиод называет сыном Елены и Менелая, тогда как Гомер говорит, что Никострат рожден Менелая рабыней. В отдельной главе, по-

⁵ Хьюз Б. Елена Троянская. Богиня. Царица. Блудница. М., 2006. С. 213.

⁶ Захарова Е.А. Героини в древнегреческой мифологии // Из истории античного общества. 2001. № 7. С. 45–46.

⁷ Ярхо В.Н. Указ. соч. С. 71.

священной сватовству Елены, Гесиод объясняет выбор именно Менелая, и там нет никакого упоминания о том, что его выбрала сама Елена. Здесь она ничем не отличалась от остальных, жениха выбрали родственники, ее заменили братья. Стоит отметить, что Гесиод упоминает около 10 женихов, Аполлодор же насчитывает 31⁸. В «Каталоге женщин» Елене уделяется чуть больше внимания, чем остальным представительницам прекрасного пола, следовательно, отметим, что в трудах, посвященных героиням, Елена выделяется лишь неоспоримой красотой и скандалом, предшествующим троянской войне.

Далее мы обратились к творчеству таких авторов, как Сапфо, Алкей и Стесихор, которые, в свою очередь, не раз упоминали имя Елены в своих произведениях. Сапфо говорит о рождении Елены из яйца. На примере истории Елены, Сапфо рассуждает о неоспоримой силе любви. Называя имя Елены, Сапфо не излагала содержание мифа, скорее всего, потому, что он был всем известен. Образ самой прекрасной женщины в Элладе вызывал у слушателя целую цепочку ассоциаций – и осуждающих (так будет у Алкея), и просто констатирующих силу любви, как непреложный факт, не подлежащий никакому изменению⁹.

Совсем иначе судил о Елене Алкей. Как аристократ и воин, он как раз и оценивал, в отличие от Сапфо, сколько жертв понесли из-за ее бегства знатнейшие дома Эллады. Стихотворение начинается и кончается осуждением Елены, чья вина выглядит еще более тяжелой при сравнении с чистой Фетидой. Еще четче звучит этот мотив в другом его стихотворении, которое является обвинительным актом против Елены. Алкей разделяет мнение Сапфо, что Афродита заронила любовь в душу Елены и аргосская царица последовала за Парисом, оставив дома дочь и мужа. Но в то время, как Сапфо видит в поведении Елены признание наивысшей ценности чувства, Алкей говорит о неразумии и преступной страсти, потому что «черная земля поглотила много братьев, павших в прах на равнине

⁸ Количество женихов у Аполлодора и Гесиода варьируется от 10 до 31, но подобная разница объясняется скорее тем, что последний не ставил задачей перечислить в «Каталоге женщин» столько мужских имен. Нам представляется вероятным, что число, указанное Аполлодором, более точное.

⁹ Немировский А.И. Мифы древности. Эллада. М., 1992. С. 233–234.

Трои ради Елены». Впервые в греческой поэзии Парис назван здесь оскорбителем гостеприимства. Негативная оценка Алкеем Елены – первое свидетельство того осуждения неверной спартанской царицы, которое достигнет вершины в афинской трагедии. Необоримая власть Афродиты не может служить оправданием Елены, виновной в гибели многих. А нарушение Парисом закона гостеприимства через сто лет в Эсхилловской «Орестее» станет первым звеном в цепи преступлений, влекущих за собой новые жертвы. И если для времени Алкея гостеприимство является незыблемым правилом, то в аттической трагедии преступление Париса рассматривается как вызов законам божественного мироустройства.

Стесихор сочинил песню об измене Елены законному супругу и бегстве ее с Парисом, как это излагалось в мифологии и в поэме Гомера, то в наказание за это буквальное следование традиционному сюжету он ослеп¹⁰. После этого Стесихор написал знаменитую «палинодию». У автора наличествуют зачатки того, что позднее даст ощущение личной вины, губящей государство. В гибели Трои повинен предводитель троянцев, произнесший позорящие Афины слова, в Троянской войне виноваты Елена и Тиндарей, ее смертный отец, совершивший нечестие по отношению к Афродите. Особенность трудов Стесихора относительно троянской войны заключается в том, что он, написав палинодию, описал миф о нахождении истинной Елены в Египте.

Афинская трагедия отказывается принимать как данность божественное воздействие на умственную деятельность человека. Начиная с трагедий Эсхила уже можно говорить о попытках изображения характера, главной моральной проблемой становится проблема индивидуального поведения человека, его гражданской ответственности. Что меняется в VI–V вв. до н.э., так это само восприятие образа Елены, которая была наследницей Спарты и отождествлялась, прежде всего, с ней. Трилогия «Орестея»: разрушение Трои греческим войском есть божественная кара, ниспосланная за кощунство Париса, который осквернил домашний очаг Менелая похищением его супруги; смерть Агамемнона также есть кара за жертвоприношение им дочери Ифигении и за гибель

¹⁰ Ярхо В.Н. Указ. соч. С. 256.

под Троей множества греческих воинов «ради неверной жены» - Елены. За свои богохульские поступки ответили все, кроме Елены, она так или иначе остается жертвой. Трагедии Софокла, Эсхила осуждают Елену за содеянное. Особенностью трагедии является отрицательное отношение к любви, в смысле влюбленности. Таким образом, Парис и Елена были осуждены, зато все свои симпатии Эсхилова трагедия приберегает для оскорбленного супруга Менелая. Его горе не находит себе выражения в слезах, в жалобах; молча, без упрека бродит он по своему дому, в котором вместо исчезнувшей любимой супруги царит незримая тень воспоминания о ней¹¹. При Софокле и при Еврипиде взгляды трагической поэзии на любовь изменились. Несомненно, что Елена могла быть оправдана своей любовью. Но со времен Елены и Менелая в мире многое изменилось. Менелай был спартанским царем, Елена – спартанской царицей, а отношения Спарты к Афинам стали заметно портиться после смерти Эсхила. За враждебную политику Спарты пришлось отвечать Елене и Менелая. Коварный и малодушный Менелай, изменница Елена – таковыми они были в глазах афинян во время Пелопоннесской войны. Где только встречаются отклики троянского похода, там сыплются упреки на его виновницу Елену. В трагедии «Андромаха» Еврипид устами Пелея порицает спартанца Менелая за то, что он не оградил свой семейный очаг¹². Известно только одно исключение: трагедия Еврипида «Елена». Здесь поэт всецело воспроизводит версию Стесихора¹³.

Труд Геродота показателен с той точки зрения, что он описывает те же самые события с другой позиции. Его не интересовали ни красоты природы, ни женщины, ни произведения искусства. Геродот, проезжавший множество пейзажей, никогда их не описывает. Если он и останавливается на каком-либо памятнике, то не для того, чтобы сформулировать эстетическое суждение, но чтобы рассказать его историю¹⁴. То же происходит и с Еленой, здесь мы имеем дело не с ее неземной красотой, а с ее реальной, насколько

¹¹ Зелинский Ф. Из жизни идей. М., 1995. С. 168.

¹² Андреев Ю.В. Спартанская гинекократия // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 45.

¹³ Зелинский Ф. Указ. соч. С. 168.

¹⁴ Куле К. СМИ в Древней Греции: Сочинения, речи, разыскания, путешествия. М., 2004. С. 184.

это возможно, историей. По мнению Геродота, троянцы не могли быть настолько глупы, чтобы рисковать жизнями и городом только из-за того, чтобы Александр спокойно жил с Еленой, и если поначалу они могли бы ему содействовать, то после многих смертей все равно бы ее отдали. Нам показалась интересной следующая фраза Геродота: «Если бы даже сам Приам жил с Еленой, он возвратил бы ее ахейцам в надежде избавиться от удручавших Троию бедствий» (II.120). И в заключении Геродот говорит следующее: «Троянцы говорили правду, что не могут выдать Елену, но эллины не верили им; по моему мнению... случилось так по божескому соизволению ради того, чтобы поголовная гибель троянцев дала ясно понять людям ту истину, что за тяжкие неправды следуют от богов и тяжкие наказания».

Горгий в «Похвале Елены» утверждает – главное, чего заслуживает Парис, это отмщение, соответственно Троянская война абсолютно логична. Елена, по его мнению, достойна жалости, а не поношения. Предполагая то, что Елена могла покинуть Спарту без применения к ней физической силы, Горгий рассуждает над силой слова и его убедительностью, чем опять же ее оправдывает. Горгий называет четыре причины, по которым все поносят и хулят Елену, и оправдывает ее по всем четырем показателям: «Совершила ль она, что она совершила, силой любви побежденная, ложью ль речей убежденная или явным насилием вдаль увлеченная, иль принуждением богов принужденная, – во всех этих случаях нет на ней никакой вины»¹⁵. Заключение Горгия весьма показательно и относительно текста, и относительно его истинных задач: «...эту я речь захотел написать Елене во славу, себе же в забаву».

«Похвала Елены» Исократу является предлогом и поводом для описания достоинств прекрасных мужей древности, в частности, Тесея. В самом начале своей речи Исократ рассказывает о происхождении Елены, и он замечает интересный момент, что «очень многие полубоги родились от Зевса, но он пожелал назваться отцом только одной женщины»; он отмечает, что для Зевса Елена ку-

¹⁵ *Миллер Т.Б.* От поэзии к прозе (риторическая проза Горгия и Исократу) // *Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика.* М., 1991. С. 76.

да важнее, чем Геракл, которому он дал силу, а Елене дал красоту, способную властвовать над самой силой. Далее Исократ говорит о так называемых особой миссии и особых способностях героев, рожденных от земного существа и божества. Вот и Елена, как дочь Зевса, могла обрести славу и известность только пройдя через определенные испытания, которые смогли бы увековечить ее. Именно поэтому Зевс «создал Елену такой, что она приковывала к себе все взоры и вызывала всеобщее соперничество». Автор задается вопросом, кто бы пренебрег возможностью брака с Еленой? И отвечает следующим образом: «ведь, когда она была похищена, эллины были так возмущены, как будто вся Эллада подверглась разорению, а варвары так возгордились, словно они подчинили нас всех»¹⁶. Исократ говорит о возможном мирном разрешении конфликта, которым пренебрегли как одни, так и вторые, и что война шла не из-за сочувствия к Александру или Менелаю в их распре, но одни – во имя Азии, а другие – Европы, ибо они считали, что страна, где будет пребывать прекрасная Елена, будет счастливей всякой другой. Исократ говорит о войне не только среди людей, но и среди богов и их детей. Он открыто заявляет о том, что Елене надобно поклоняться богатым (посвящать ей дары, устраивать церемонии)¹⁷ и философам, которые должны стремиться написать в честь нее речь. Важным мне показался основной вывод Исократа: «мы справедливости ради можем считать Елену также причиной того, что мы не оказались рабами варваров».

Образ Елены актуализируется в древности не только в связи с общепринятой традицией описания Троянского мифа (Гесиод, Геродот), но также и с тем, что греческие лирики, более приближенные к реальной жизни (Сапфо и Алкей), воспринимали ее как личность. Трагики обращались к образу Елены как для того, чтобы обвинить ее в начале Троянской войны, так и для того, чтобы объяснить то, что происходит в Греции и в ее знатнейших домах после

¹⁶ Исократ. Похвала Елене; Бусирис // ВДИ. 1968. № 1. С. 217–234.

¹⁷ В данном фрагменте Исократ говорит о Елене богине. Интеграция ее образа в число богинь была, таким образом, возможной, часто легкой, но никогда полной. Не будучи в состоянии вершить судьбы смертных, ее образ довольно мало упоминался в контексте богов. Ее действия не входили и в число тех, которые входили в суть божественной деятельности. Но, отметим, что так можно утверждать только в рамках выбранных источников.

ее окончания. Геродот менее эмоционален – ему Елена нужна для логичного и четкого объяснения причин войны. Стесихор воссоздает две ипостаси Елены – виновницу и страдальицу. А у Горгия и Исократы Елена служит лишь поводом – у первого для риторических упражнений, у второго – чтобы обосновать превосходство Европы над Азией.

Подводя итог обзору комплекса источников, можно прийти к выводу о существовании в греческой историко-литературной традиции и общественной мысли сложившегося в основных чертах прототипа образа Елены и в тоже время о его разноликости в разных жанрах литературы и у различных авторов.

БАРАНОВ Д.А. (САРАТОВ)

«СТЕЛА НАДПИСЕЙ» ИЗ КСАНФА: ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Современные исследователи истории античной Ликии в своих реконструкциях опираются на весьма внушительный массив эпиграфических памятников, найденных в ходе многочисленных и разноплановых изысканий, проводившихся в регионе за период с первой четверти XIX века до сего дня¹. Значительное число ликийских эпиграфических текстов классической эпохи неоднократно анализировалось и сопоставлялось с данными нумизматики и нарративной традиции². Однако, совершенно очевидно, что работа, связанная с интерпретацией содержания ликийского эпиграфического наследия, ещё далека от своего окончательного завершения. Это обусловлено как относительно низкой степенью изученности ликийского языка, так и общей спорадичностью информационного пласта, который мог бы быть почерпнут из текстов, дошедших до нас в той или иной степени сохранности³.

На сегодняшний день вполне очевиден тот факт, что наибольшей репрезентативностью исторических реалий Ликии классического времени обладает особая категория эпиграфического материала, сохранившаяся в виде памятников династического типа («*dynastic propaganda*»)⁴. Среди последних совершенно особое место занимает трилингвистическая надпись, выполненная на монументе, известном в зарубежной историографии как «Столб Надписей»⁵, «Стела из Ксанфа»⁶ или, как его ещё принято называть, «Ксанфийский Обелиск» (ТАМ I. 44 a–d)⁷. В отечественных исследованиях за этим погребальным сооружением закрепилось название «гробница

¹ Keen A.G. *Dynastic Lycia: A Political History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers, c. 545–362 BC*. Leiden, 1998. P. 3–13.

² Bryce T.R. *Political Unity in Lycia during the "Dynastic" Period* // *Journal of Near Eastern Studies*. 1983. Vol. 42. No. 1. P. 31–32.

³ *Idem*. *The Lycians: A Study of Lycian History and Civilization to the Conquest of Alexander the Great*. Copenhagen, 1986. Vol. I. P. 42–99.

⁴ Rutherford I. *Interference or Translationese? Some Patterns in Lycian-Greek Bilingualism* // *Bilingualism in ancient Society: Language Contact and the Written Word*. Oxf., 2002. P. 197–219.

⁵ Kuhrt A. *The Persian Empire: A Corpus of Sources from the Achaemenid Period*. L.; N.Y., 2007. Vol. I. P. 340.

⁶ Colvin S. *The Greco-Roman East: Politics, Culture, Society*. Cambr., 2004. P. 59.

⁷ Hornblower S. *A Commentary on Thucydides*. Oxf., 1991. Vol. I. Books I–III. P. 354.

Гарпагида»⁸. Расположен этот памятник недалеко от театра и агоры римского времени в городе Ксанф. Он был обнаружен ещё в 1838 году английским путешественником сэром Чарльзом Феллоузом в ходе его изысканий на территории Ликии, которые проводились в то время под эгидой Британского музея. Ему принадлежит первое описание монумента, надпись которого была затем опубликована Эрнстом Калинкой⁹.

Что же представляет собой этот архитектурный и одновременно с тем эпиграфический памятник и чем он может быть полезен в контексте реконструкции ликийской истории классического времени?

«Ксанфийский обелиск» был возведён в качестве специфического погребального сооружения, предназначавшегося для упокоения одного из могущественных династов Ксанфа. Экстерьер монумента сходен с некоторыми захоронениями подобного типа¹⁰, и выглядит в виде прямоугольной башни (т.н. *tumulus*), закреплённой на массивном двухступенчатом основании. Верхняя часть конструкции была украшена богатым убранством в виде пышных барельефов, иллюстрировавших некоторые эпизоды из жизни покойного (сцены охоты и войны)¹¹. На самый верх памятника была водружена крышка в виде каменной плиты, закрывавшая нишу для хранения праха, располагавшуюся во внутренней части обелиска. Последней декоративной деталью памятника была скульптура, изображающая сидящую фигуру умершего и закреплённая на крышке сооружения¹².

Каждая из четырёх сторон каменного, четырёхугольного тумулуса содержала текст трехязычной надписи. Языки текста легко различимы. Это, во-первых, так называемый «ликийский А», надписи на котором покрывают южную, восточную и часть северной стороны стелы (ТАМ I. 44. а–с). Меньший по объёму отрывок текста памятника был записан в архаичном диалекте ликийского языка, известном как «ликийский Б» или «милийский» (ТАМ I. 44. с. 32–65;

⁸ Колобова К.М. Из истории раннегреческого общества (о. Родос IX–VII в. до н.э.). Л., 1951. С. 245.

⁹ Gygax D., Tietz W. «He Who of All Mankind Set up the Most Numerous Trophies to Zeus»: The Inscribed Pillar of Xanthos Reconsidered // AS. 2005. Vol. 55. P. 89–90.

¹⁰ Keen A.G. The Dynastic Tombs of Xanthos: Who Was Buried Where? // AS. 1992. Vol. 42. P. 53–54.

¹¹ Demargne P. Fouilles de Xanthos I: les piliers funéraires. P., 1958. P. 87–102.

¹² Bruns-Ozgan C. Lykische Grabreliefs des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. // IstMitt. 1987. Bd. 33. S. 54–55.

ТАМ I. 44. d. 1–71) и покрывает нижнюю часть северной и западную сторону. Обе обозначенные выше части текста занимают в совокупности 243 из 255 линий надписи. Оставшееся пространство памятника представлено двенадцатью строками греческой эпитафии в стихах, находящейся внутри ликийского текста по центру северной грани обелиска. Несмотря на то, что текст памятника содержит надписи на трёх языках, греческом, и двух родственных друг другу вариантах ликийского, содержание всех трёх частей не обнаруживает прямого тождества. Иными словами мы имеем дело с так называемой псевдо-трилингвой¹³.

Согласно мнению Х. Нисванда этот памятник имеет решающее значение для понимания практически всех основных спорных аспектов политической истории Ликии, начиная с характера и степени распространённости власти Ксанфийских правителей, и некоторых аспектов личных взаимосвязей последних с царским домом Персеполя, заканчивая ролью, которая была отведена Ликии в крупнейших исторических событиях второй половины V – первой четверти IV в. до н.э.¹⁴ Нельзя не согласиться с Д. Гигаксом, который замечает, что ключ к решению обозначенных выше проблем лежит в фарватере «понимания степени соотношения между декоративными композициями памятника и содержательной частью его надписей, политическими намерениями текста на ликийском, и значением греческой эпиграммы для оценки процесса и темпов роста эллинизации ликийского культурного пространства»¹⁵. Иными словами, на весь комплекс вопросов, которые могут быть заданы к содержанию текста, можно получить адекватные ответы лишь в случае определения авторства и времени создания памятника.

Очевидно, что в отношении первой из оговариваемых проблем (а именно проблемы авторства надписи) ключевое значение имеет содержание греческой эпиграммы, основная часть которой сохранилась весьма удовлетворительно и занимает собой линии 20–31 в части текста (44 с) на северной стороне обелиска:

20 [Ἐ]ξ οὗ τ' Εὐρώπην [Ἀ]σίας δίχα πόντος ἔνε[μ]ε[ν]
 21 [ο]ὐδές πω Λυκίων στήλην τοιάνδε ἀνέθηκεν
 22 [δ]ώδεκα θεοῖς ἀγορᾶς ἐν καθαρῶι τεμένει
 23 [ν]ικέων καὶ πολέμου μῆμα τόδε ἀθάνατον
 24 [...]ς ὄδε Ἀρπάγου υἱὸς ἀριστεύσας τὰ ἅπαντα

¹³ Rutherford I. Op. cit. P. 199.

¹⁴ Nieswandt H.-H. Zum Inschriftenpfeiler von Xanthos // Boreas. 1995. Bd. 18. S. 42–44.

¹⁵ Gygax D., Tietz W. Op. cit. P. 89.

25 [χερ]σὶ πάλην Λυκίων τῶν τότε ἔν ἡλικίαι
 26 [πο]λλὰς δὲ ἀκροπόλες σὺν Ἀθηναίαι πολιορκῶν
 27 [π]έρσας συγγενέσιν δῶκε μέρος βασιλέας
 28 ὧν χάριν ἀθάνατοὶ οἱ ἀπεμνήσαντο δικαίαν
 29 ἑπτὰ δὲ ὀπίστας κτείνειν ἐν ἡμέραι Ἀρκάδας ἄνδρας
 30 Ζηνὶ δὲ πλεῖστα τροπαῖα βροτόων ἔσθησεν ἀπάντων
 31 καλλίστοις δ' ἔργοις Καλ...ίκα γένος ἐστεφάνωσεν

Наиболее приемлемые на наш взгляд переводы этой надписи были опубликованы в работах Ж. Боске¹⁶ и Т. Брайса¹⁷. Оба они звучат приблизительно сходным образом: «С тех самых пор, когда Океан разделил Европу и Азию, ни один ликиец не воздвигал ещё такой стелы, как бессмертный памятник его победы в войне. Это был сын Гарпага, превзойдя во всех отношениях молодежь своих дней, он оттачивал своё мастерство в схватках, он был тем, кто покорило множество акрополей, пользуясь поддержкой Афины, захватывал и разрушал города, раздав часть своих земель представителям своей семьи, любимец бессмертных Богов, он в один день одержал победу над семью гоплитами из Аркадии, принёс самые многочисленные трофеи Зевсу и своими деяниями прославил семью Ка(-)ика».

Эпитафия снабжает нас несколькими важнейшими оговорками, которые могут помочь в деле идентификации личности автора. Очевидно, что текст обращён к одному из наиболее выдающихся представителей Ксанфийской линии династов¹⁸. Как отмечает К.М. Колобова, «Стела из Ксанфа» особенно интересна тем, что строитель её сын Αγῆν (в греческой транскрипции: Ἀρπάγου υἱός) воздвиг эту стелу в священной ограде 12 богов Ликии и, таким образом, героизировал себя ещё при жизни¹⁹.

В первую очередь бросается в глаза то немаловажное обстоятельство, что памятник был посвящён человеку названному сыном Гарпага. В связи с чем возникает вопрос относительно гипотетической возможности родства автора монумента и греческой надписи, с историческим Гарпагом, засвидетельствованным «отцом истории» в качестве одного из генералов персидского царя Кира II, который и осуществил завоевание Ликии (Hdt. I.176). Уильям Чайлдс уста-

¹⁶ Bousquet J. Arbinas, fils de Gergis, dynaste de Xanthos // Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. P., 1975. No. 1. P. 139–140.

¹⁷ Bryce T.R. The Lycians... P. 97.

¹⁸ Keen A.G. The «Kings» of Lycia in the Achaemenid Period // Alternatives to Athens: Varieties of political organization and community in ancient Greece. Oxf., 2000. P. 279.

¹⁹ Колобова К.М. Указ. соч. С. 246.

новил, что включение Ликии в состав империи персов могло произойти в период между осадами и взятием Сард и Вавилона, которые обычно датируются 547–538 гг. до н.э. Разрушение Ксанфа в середине VI в. до н.э. в результате осады фиксируется и археологически²⁰. Дата победы персов над Крезом зафиксирована в «Хронике Набонида». Упоминается 9 год (547 г. до н.э.). И, несмотря на сильные повреждения таблички, есть все основания полагать, что захват Лидии персами произошёл именно в этом году. Таким образом, Ликия могла быть покорена в каком-либо году из заданного выше диапазона. А это значит, что если Гарпаг упомянутый в эпиграфической и Гарпаг, фигурирующий в качестве военачальника, одно и то же лицо, то, следовательно, династ, основавший стелу, должен был жить приблизительно в последней четверти VI в. до н.э. К этому же времени следует отнести и основание самого памятника.

Однако всё же есть все основания усомниться в таком простом объяснении. Самым важным доводом против, нам видится то обстоятельство, что в начале строки 24 совершенно чётко фиксируется окончание личного имени. Исходя из дальнейшего дискурса текста, это имя должно было принадлежать интересующему нас персонажу. Однако в Ликии известны лишь два династа, греческие формы имён которых заканчиваются на -ις. Первый из них династ Керига/xeriga (греч. Гeргис/Γέργισ), а второй Керей (лик. Kerēi). Причём, если первое имя известно нам из достоверного источника (Hdt. VII.82), то второе реконструируется чисто гипотетически. Однако греческое имя Керей, вероятнее всего, состояло из пяти букв и имело то же окончание²¹. Даты правления обоих династов относятся к последней четверти V – началу IV вв. до н.э. Такая датировка стала возможной благодаря многочисленному нумизматическому материалу, который был оставлен этими правителями, а проанализирован датскими специалистами в области ликийского монетного дела О. Морхольмом и Я. Залем. Они склонны датировать монеты, выпускавшиеся Керигой, промежутком между 450 и 410 гг. до н.э. Хотя следует отметить, что сейчас подавляющее большинство исследователей склонны датировать начало выпуска монет Кериги 430 г. до н.э., что как нельзя кстати согласуется с предполагаемой датой смерти предыдущего ликийского династа Купрли.

²⁰ Childs W.A.P. Lycian Relations with Persians and Greeks in the Fifth and Fourth Centuries Re-Examined // AS. 1981. Vol. 31. P. 55–56.

²¹ Gygax D., Tietz W. Op. cit. P. 92.

Кроме того, в подтверждение ошибочности утверждения о родстве полководца Гарпага и автора стелы, следует привести данные полученные Делтуром-Леви²², Брунс-Озганом²³ и уже упоминавшимся нами Нисвандом²⁴, которые, в ходе своего более чем двадцатилетнего исследования стилистических особенностей барельефных изображений Ксанфийского обелиска, склонны однозначно датировать появление, как убранства, так и самого памятника последней четвертью V в. до н.э. К тому же, Арпаку/Гарпаг не засвидетельствован в качестве династа, выпускавшего монеты, но известен лишь из нескольких сохранившихся надписей, где, тем не менее, называется с характерной приставочной формулой (ἐνε...ῆνταwata), указывающей на его властные полномочия. Заметим, что данный оборот фиксируется рядом с именами большинства ксанфийских династов²⁵. Обе надписи, упоминающие Гарпага в этом качестве, известны нам из Феллоса (ТАМ I. 77. 2b).

Так или иначе, наиболее приемлемым вариантом решения такого хронологического диссонанса нам видится предположение Э. Кина, который логично допускает, что исторических фигуранта носивших имя Гарпаг могло быть, по меньшей мере, два. Ранний, засвидетельствованный у Геродота, и более поздний, который, по мнению Э. Кина, вероятнее всего, был приёмным сыном Купрлли (монеты которого датируются 480–440 гг. до н.э.) и отцом основателя рассматриваемого нами памятника²⁶.

Однако такие выводы, тем не менее, не разрешают проблему авторства надписи, а лишь дают повод к датированию памятника временем рубежа V и IV столетий. Относительно же личности династа, запечатлевшего свои подвиги в греческой эпиграмме, ученые разделены на тех, кто думает, что это был Керига (Гергис)²⁷ и тех, кто полагает, что это был Керей²⁸.

²² *Deltour-Levie C.* Les piliers funéraires de Lycie. Louvain-la-Neuve, 1982. P. 164.

²³ *Bruns-Özgan C.* Op. cit. S. 54–55.

²⁴ *Nieswandt H.-H.* Op. cit. S. 22.

²⁵ *Bryce T.R.* The Lycians... P. 133.

²⁶ *Mørkholm O., Zahle J.* The Coinage of Kuprlli // *Acta Archaeologica.* 1972. Vol. 43. P. 75–76.

²⁷ *Wörle M.* Epigraphische Forschungen zur Geschichte Lykiens IV. Drei griechische Inschriften aus Limyra // *Chiron.* 1991. Bd. 21. S. 208; *Tietz W.* Der Golf von Fethiye. Politische, ethnische und kulturelle Strukturen einer Grenzregion vom Beginn der nachweisbaren Besiedlung bis in die römische Kaiserzeit. Bonn, 2003. S. 73; *Gygax D.* Untersuchungen zu den lykischen Gemeinwesen in klassischer und hellenistischer Zeit. Bonn, 2001. S. 69–70.

²⁸ *Asheri D.* Fra Ellenismo e Iranismo. Studi sulla società e cultura di Xanthos nella età achemenide Bologna, 1983. P. 86; *Cau N.* La spedizione di Melesandro in

Оба династа, имена которых могут быть подставлены в повреждённую часть греческой эпиграммы, претендуют на авторство последней, так как они явно состояли между собой в определённой степени родства, на что указывается в нескольких отрывках надписи на «ликийском А». В верхней части южной стороны обелиска читается следующий текст, обозначенный в первых трёх строках и затем дублирующийся в строках 30–31 (ТАМ I. 44. а):

1 ebeni[: stta]l[a: m=e]n=ad[ex: x]er[i:ga: ar]ppa-

2 xuh: tid[eimi:] xe[.]gah: [tuhes]: ku[pr]lle[h]

3 xahba: a[.....]e: s=[ek]eb[u]-

И ниже:

30 hi: arppaxuh: tideimi: xerig[ah: nexni(?): ku]-

31 prlleh: xahb: xezigah: tuhes: me[....araw]-

Первый отрывок, содержащий очевидно перечень имён родственников строителя монумента, практически не поддается удовлетворительной дешифровке вследствие серьезных повреждений текста, тогда как в отчасти дублирующем его тексте 30 и 31 строк можно почерпнуть интересующие нас частички личного имени, недостающего в первой. В частности, в 30 строке засвидетельствована основа имени родственника Гарпага, упомянутого тут же. Слово «tideimi» переводится как сын или человек, состоящий в близком родстве, а это даёт нам право предположить, что с высокой долей вероятности аналогичным образом реконструируется недостающее имя создателя обелиска и в первой строке. Учитывая основу, присутствующую в строке 30 (xerig...), вполне уместной кажется реконструкция имени династа как Керига (греч. Гергис).

В связи с этим первые две строки южной части памятника, в свою очередь, следует читать так: «Эта стела была возведена Керигой, сыном Гарпага, (братом?) Керей, внуком Купрли». Дополнительным доказательством правомерности реконструируемого нами прочтения имени основателя памятника следует считать также и то, что недостающая часть имени ликийского династа должна содержать 6 букв, а не 5 как это предполагал У. Чайлдс, что опять-таки соответствует Кериге/Гергису²⁹.

Licia nel racconto della Stele di Xanthos (TL 44a, 34 ss.): un tentativo di interpretazione // *Studi ellenistici*. 1999. Vol. 12. P. 23–24; Carruba O. Dynasten und Städte. Sprachliche und Sonstige Bemerkungen zu den Namen auf den lykischen Münzen // *Akten des II. Internationalen Lykien-Symposiums*. Wien, 1993. S. 25.

²⁹ Childs W.A.P. The Authorship of the Inscribed Pillar of Xanthos // *AS*. 1979. Vol. 29. P. 97–102.

Выяснив имя основателя памятника следует подчеркнуть, что текст на «ликийском А» упоминает его лишь дважды. Оба раза в рассмотренных нами выше отрывках, тогда как «ликийский Б» содержит шесть мест, упоминающих его (ТАМ I. с. 37, 50; d. 8, 19, 45, 53). И, учитывая религиозно-поэтический характер текста, написанного на «милийском», правомерно предположить, что он возник приблизительно в одно и то же время с греческой эпиграммой, обращённой к двенадцати богам теменоса³⁰. Последние соответствуют, с одной стороны, хетто-лувийским божествам, засвидетельствованным в надписи из Язылыкая³¹, а с другой двенадцати греческим богам, демонстрирующим явное родство с местными культами³².

Другой примечательной и весьма немаловажной особенностью рассматриваемого нами памятника является то обстоятельство, что будущий династ Эрббина (Ἐρβίννας) сын Гергиса называется на «ликийском Б» всего лишь однажды, как «находящийся в начале своей жизни» (ТАМ I. 44. d. 53: kibe: pruxssi: Rbbinezis: me=Xeri[ga]-zñ:) в качестве малолетнего наследника. Однако в тексте «ликийского А» упомянута уже могила Эрбинны (ТАМ I. 44 а. 25: Erbbinahe: te-zi)³³. Это косвенно объясняет дальнейший ход событий ликийской истории и даёт бесценные сведения для уточнения хронологии и происхождения текста памятника.

Судя по всему, после смерти своего отца (Гергиса) малолетний наследник был устранён от престола и выслан на территории, находившиеся за пределами долины р. Ксанф. Фактическим же правителем Ксанфа, а возможно и всей Ликии, стал Керей. Такие выводы относительно дальнейшей судьбы наследника умершего Гергиса были сделаны благодаря находкам во время раскопок в Летооне текстов двух эпиникиев на греческом языке (SEG IX.1414; XXXIX.1414), опубликованным и подробно проанализированным Ж. Боске³⁴. Оба документа содержат информацию о военных действиях, охвативших Ликию в период, непосредственно предшествовавший началу правления Эрбины (ок. 400–370 гг. до н.э. согласно данным нумизматики)³⁵, которому, по всей видимости, пришлось возвращать себе ксанфийский престол с оружием в руках.

³⁰ Long C.R. The Twelve Gods of Greece and Rome. Leiden, 1987. P. 186.

³¹ Keen A.G. Dynastic Lycia... P. 206–207.

³² Freyer-Schauenburg B. Die lykischen Zwölfgötter-Reliefs. Bonn, 1994. S. 77.

³³ Keen A.G. Dynastic Lycia... P. 142–147.

³⁴ Bousquet J. Op. cit. P. 141–144.

³⁵ Keen A.G. Dynastic Lycia... P. 142–147.

В тексте эпиникиев упоминается военный поход отпрыска Гергиса, вследствие которого им были в течение лишь одного месяца захвачены города Ксанф, Пинара и Тельмесс³⁶. Примечательно, что все три указанных города известны в качестве центров чеканки монет Керей³⁷.

Вероятнее всего свою военную операцию Эрббина начал из районов, расположенных на границе Карики и Ликии. И хотя у нас явно недостаточно достоверной информации относительно характера взаимосвязей между карийцами и ликийцами в приграничных областях, мы, тем не менее, имеем все основания считать, что именно карийский город Кавн был уже в конце V в. до н.э. под управлением династа ликийского происхождения³⁸ (возможно Гергиса), а затем наиболее вероятным местом вынужденного изгнания Эрббины.

Такое предположение было выдвинуто ещё Ж. Боске. Однако, Льюис Роберт, основываясь на данных исторической географии и топографии долины реки Ксанф, утверждал, что подходящий плацдарм для похода на столицу мог предоставить лишь ликийский город Глос. Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства, кажется, подтверждают выводы Ж. Боске. Среди них важное место занимает серия монет Кавна, происхождение которых напрямую связывают с Гергисом, вероятно присоединившим город к ликийским владениям, что явилось следствием его контактов с Тиссаферном³⁹. Это событие могло произойти во время подавления последним восстания Аморга в годы Пелопонесской войны (Thuc. VIII.5.5)⁴⁰. Второе свидетельство обеспечивает найденная близ Тельмесса монета, отпечатанная в Кавне, которая несёт карийский вариант имени династа (rbiñ) и поразительное иконографическое сходство с более поздней серией монет Эрббины из Тельмесса⁴¹. И наконец, стоит обратить внимание на любопытный культ «правителя Кавна» (xñtawatehi: xhideñhi), также засвидетельствованного в строках интересующего нас «Столба надписей» (ТАМ

³⁶ Robert L. Les conquêtes du dynaste lycien Arbinas // Journal des savants. 1978. No. 1. P. 3–48.

³⁷ Tietz W. Op. cit. S. 73–74.

³⁸ Briant P. Histoire de l'empire perse. P., 1996. P. 1038.

³⁹ Raimond E. Dieux-rois du sud-ouest anatolien, de Kos et de Karpathos: le roi kaunien et arêgazuméen // Res Antiquae. 2004. Vol. 1. P. 396.

⁴⁰ Ликийские варианты имен Аморга (ТАМ I. а. 55: Humrxxã) и Тиссаферна (ТАМ I. с. 1–2: Zisaprñna [Widrñna]he) были упомянуты в тексте стелы.

⁴¹ Konuk K. Erbbina in Caria // Ancient History. Numismatics and Epigraphy in the Mediterranean world. Istanbul, 2009. P. 194–195.

I. 44. с. 6–9). Это обстоятельство подтверждает особую роль Кавна в ключевых событиях династической борьбы в Ликии последней трети V в. до н.э.

Сводя воедино полученные данные, мы, как нам кажется, можем дать вполне чёткий ответ на заявленные нами выше вопросы относительно авторства, датировки и интерпретации текста «Ксанфийского Обелиска».

Вероятнее всего, происхождение его надписей не было единовременным актом, и явилось итогом деятельности, по меньшей мере, двух правителей Ксанфа. Греческая эпитафия, ровно как и текст в архаичном «ликийском Б», были выполнены приблизительно одновременно со смертью династа праху, которого и предназначался сам монумент. Оба текста располагались строго по центру северной стороны обелиска, которую принято считать «лицевой», основываясь на вероятной ориентации статуи династа на крышке монумента⁴². Учитывая ликийский вариант имени правителя, а также число букв и окончание, сохранившееся в греческом тексте надписи, всё больше современных исследователей вопроса приходят к выводу о принадлежности памятника правителю Ликии последней четверти V в. до н.э. носившему имя Керига (греч. Γέρυις)⁴³.

В то же время текст, выполненный на «ликийском А», был видимо добавлен к первоначальному и представлял собой своего рода хронику некоторых важнейших политических событий в которых участвовали представители правящего дома Ксанфа. Скорее всего, автором этой части надписи был сын покойного строителя монумента Эрббина (или один из его высокопоставленных сановников)⁴⁴, который, как справедливо замечают Д. Гигакс и В. Тиц, был вынужден закрепить своё господство в Ксанфе идеологически. Именно этим было вызвано стремление отразить свой вариант трактовки событий последних десятилетий V в. до н.э., в которых Эрббина и его отец принимали самое активное участие⁴⁵. Однако лишь дешифровка большей части надписи на «ликийском А» даст нам окончательный вариант хронологии основных моментов политической истории ликийских земель этого периода.

⁴² Demargne P. Op. cit. P. 87–88.

⁴³ Eichner H. Kerththi oder der Versuch, eine antike Siedlung der Klassik in Zentrallykien zu identifizieren // Adalya Supplement. 2005. Vol. 3. P. 21.

⁴⁴ Gyax D., Tietz W. Op. cit. P. 93–96.

⁴⁵ Ibid. P. 96.

ЗМИТРЯКОВА Ю.О. (КАЗАНЬ)

СПАРТАНСКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ ЛЕОНИД И ПАВСАНИЙ: ПОСМЕРТНАЯ И «ПОЭТИЧЕСКАЯ» ГЕРОИЗАЦИЯ.

В данной статье рассматриваются примеры прославления в поэзии двух спартанских полководцев периода Греко-персидских войн. В первую очередь, мы обращаемся к лирическим произведениям в их честь Симонида Кеосского, поскольку они представляются нам ценными, в силу времени их создания, аутентичного интересующим нас событиям.

В историографии принято брать за отправную точку исследования творчества древнегреческих поэтов тезис, согласно которому поэтические измышления политического или иного характера, являются порождением общественного восприятия окружающей действительности, этим поэтом озвученные. Причём, такая точка зрения характерна почти для всех исследователей. Неважно, насколько явно она декларируется, или вовсе не прописывается. Естественно, что время от времени некоторые исследователи не соглашались с общепринятой позицией или привносят некие корректирующие дополнения. Однако в данном случае мы обращаемся к творчеству Симонида Кеосского с позиций всё того же тезиса, хотя в некоторых случаях представляется нужным упомянуть о той возможности, что Симонид обладал своим, отчасти независимым авторским взглядом, что и отражалось в его строках. Кроме того, поэт писал на заказ, и поэтому степень влияния чисто авторского взгляда в его поэзии можно свести к художественной технике и стилистическим приёмам. Конечно, в некоторых случаях вопрос о прямых заказчиках остаётся открытым. В других же случаях в самом произведении поэта есть указание на того, кто оплачивал Симониду его труд¹.

В первую очередь обратимся к вопросу о том, что мы понимаем под «поэтической» героизацией и героизацией посмертной, и почему есть необходимость разграничивать эти понятия. Под «поэтической» героизацией историографии обычно понимают поэтическое прославление человека, чьё историческое существование не

¹ *Aloni A. L'elegia di Simonide dedicata alla battaglia di Platea (Sim. Frr. 10–18 W2) e l'occasione della sua performance // ZPE. 1994. Bd. 102. S. 19.*

ставится под сомнение современными исследователями (то есть к мифическим, в нашем современном понимании мифа, персонажам это понятие обычно не относят) и чьи деяния иногда приравняются к деяниям «древних» героев. Примером подобных восхвалений можно считать почти всё творчество Пиндара, связанное с восхвалением победителей атлетических состязаний. Вопрос о том, насколько подобные произведения свидетельствуют о том, что человек впоследствии почитался в качестве героя, лежит, пожалуй, в несколько другом исследовательском направлении и здесь в него углубляться было бы не совсем верно. Можно ли считать поэтические хвалебные строки составляющими героизации в принципе, если в подобном явлении отсутствуют многие из тех элементов, которые явно свидетельствуют о том, что был учреждён культ с абсолютно всей сопутствующей ему атрибутикой? На наш взгляд, подобные явления в целом можно рассматривать как героизацию, пусть частичную, прижизненную, так скажем «авансовую» и незавершённую. Дело в том, что временной отрезок, о котором здесь идёт речь, не характеризуется случаями прижизненной полной героизации, какая стала иметь место позже. Часто приводимый пример прижизненного почитания спартанского полководца Лисандра (452–396 гг. до н.э.)², отстоит от рассматриваемого нами промежутка времени почти на восемьдесят лет. Кроме того, характер культа Лисандра в целом можно истолковать по-разному. О посмертной же героизации, следует, как нам кажется, рассуждать в том случае, когда наличествуют доказательства почитания человека в религиозно-ритуальном смысле. Впрочем, прямых доказательств часто не бывает, поэтому исследователю приходится довольствоваться косвенными указаниями, которые, впрочем, иногда отличаются весомостью. Сообщение античного автора о почётном месте захоронения или о сооружении в подобном месте кенотафа, в целом, можно считать отправной точкой для рассмотрения вопроса о посмертном почитании той или иной личности или же мифического образа в качестве героя.

В первую очередь, следует обратить внимание на то, как Симонид Кеосский восхваляет Леонида. Произведение, которое обычно

² Печатнова Л.Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 439.

характеризуют как энкомий, содержит упоминание имени царя Леонида как свидетеля доблести его собственных бойцов (Sim. 531).

τῶν ἐν Θερμοπύλαις θανόντων
 εὐκλεῆς μὲν ἂ τύχα, καλὸς δ' ὁ πότμος,
 βωμὸς δ' ὁ τάφος, πρὸ γόνων δὲ μνάστις, ὁ δ' ὄκτος ἔπαινος·
 ἐντάφιον δὲ τοιοῦτον οὔτ' εὐρῶς
 οὔθ' ὁ πάνδαμάτῳ ἀμαυρώσει χρόνος.
 ἀνδρῶν ἀγαθῶν ὅδε σηκὸς οἰκέταν εὐδοξίαν
 Ἑλλάδος εἴλετο· μαρτυρεῖ δὲ καὶ Λεονίδας,
 ὁ Σπάρτας βασιλεὺς ἀρετᾶς μέγαν λελοιπῶς
 κόσμον ἀέναόν τε κλέος.

Павшие в Фермопилах, –
 Славна их участь, красен их жребий:
 Курган их – алтарь, возлиянье – память, скорбь
 о них хвала, И таких похорон
 Не затмит всеукрощающее время.
 Здесь свято место, где прах храбрецов,
 А печется о нем
 Добрая молва по всей Элладе,
 И свидетель тому – спартанский Леонид,
 Чей след на земле –
 Ветшая краса доблести и славы...

(пер. Л. Блуменау)

С.М. Боура считал, что нет никаких сомнений в том, что Леонид, равно как и все павшие в Фермопильском ущелье, был героизирован³. При этом он ссылается на отрывок из «Описания Эллады» Павсания (III.14.1): «Если с площади идти на запад, то мы увидим, что тут сооружен кенотаф в честь Брасида, сына Теллида. Недалеко от могилы находится замечательный, заслуживающий осмотра театр из белого мрамора. Напротив театра по другую сторону – надгробные памятники: один – Павсанию, начальствовавшему в битве при Платеях, второй – Леониду; каждый год около них произносятся речи и устраиваются состязания, участвовать в которых не разрешается никому, кроме спартанцев. Кости Леонида лежат здесь потому, что сорок лет... спустя Павсаний их нашел и перенес из-под Фермопил. Тут же стоит и доска с именами всех тех,

³ Bowra C.M. Simonides on the Fallen of Thermopylae // CPh. 1933. Vol. 28. No. 4. P. 277–281.

кто выдержал бой при Фермопилах против персов; при их именах стоят также и имена их отцов». Впрочем, об этом (о героизации фермопильских воинов) не совсем прямо свидетельствует ещё Геродот (VII.225–233), приводя несколько отрывков из фермопильских надписей, в том числе и отрывок Симонида, касающийся прорицателя Мигистия, который предсказал лакедемонянам гибель, но при этом пожелал остаться вместе с царём, что уже само по себе сочтено достойным упоминания (Hdt. VII.228). Также Геродот упоминает о погребении всех сражавшихся греков на месте битвы, а надписи косвенно свидетельствуют об их почитании.

Впрочем, существует мнение, что некоторые из этих надписей в честь павших спартанцев должны были обозначить скорее славу Спарты, а вместе с ней и славу отдельных воинов. Это мнение принадлежит Дж. Мулинью⁴ и мы склонны согласиться с этим.

Ещё один отрывок, посвящённый павшим в Фермопильском ущелье (Sim. Fr. 7), авторство которого приписывают Симониду, возможно не принадлежит ему. Впрочем, даже в случае, если автором является не Симонид, то отрывок обретает дополнительную ценность, поскольку подтверждает наличие прославления Леонида другими авторами.

εὐκλέας αἶα κέκευθε, Λεωνίδα, οἱ μετὰ σείῳ
τῆδ' ἔθανον, Σπάρτης εὐρυχόρου βασιλεῦ,
πλείστων δὴ τόξων τε καὶ ὤκυπόδων σθένος ἵππων
Μηδείων τ' ἀνδρῶν δεξάμενοι πολέμῳ.

Здесь, Леонид, покрывает земля тех мужей, что с тобою,
Спарты прославленный царь, пали в неравном бою.
Множество стрел и напор неистовой конницы персов
Приняли в грозной войне храбро они на себя.

(пер. В.Н. Ярхо)

Во всех интересующих нас отрывках присутствуют либо указание на численность сражавшихся сторон, либо детализация, связанная с вооружением противника. Во всех них одинаково подчёркивается мужественность спартанцев, павших при Фермопилах. Упоминание о царе Леониде присутствует не везде, однако всякое упоминание подчёркивает его величие и славу.

⁴ *Molyneux J.H. Simonides. A Historical Study. Wauconda, 1992. P. 186.*

М.А. Флауэр считал, что элегия павшим при Платеях сравнивает не Павсания с Ахиллом, а именно Леонида, останки которого Павсаний отыскал и захоронил. Флауэр указывает на интерпретацию в более поздних античных источниках, согласно которой Леонид, зная, что погибнет, тем не менее остался в Фермопильском ущелье (Diod. XI.4.2–4)⁵ и это делает его похожим на Ахилла, который также согласно сюжету «Илиады» зная о том, что его ждёт смерть, сражался под Троей. Впрочем, предположение Флауэра нам кажется сомнительным, поскольку ни в одном из приведенных им источников нет указания на прямое сравнение Ахилла с Леонидом или Павсанием, за исключением всё того же Симонида и только в случае Павсания. Тем не менее, стоит упомянуть ещё и то обстоятельство, что отец Павсания, Клеомборт, упоминается Симонидом в качестве человека, ведущего свой род от Геракла (Sim. Fr. 39). Таким образом, параллель с Ахиллом – результат общей тенденции, когда борьба с варварами сравнивалась с Троянской войной, описанной в «Илиаде», и в меньшей степени с походом Геракла в те же земли.

Коротко обозначая предварительные выводы относительно героизации Леонида, мы могли бы сказать, что нет серьёзных причин сомневаться в том, что Леонид был превозносим не только в поэтическом смысле, но и вероятнее всего был героизирован в ритуальном понимании этого термина. По крайней мере, серьёзных контраргументов по этому поводу в историографии не выдвигалось.

Теперь обратимся к элегии в честь платейцев и, соответственно, к Павсанию. Естественно, что сначала мы обратимся к «поэтической» героизации полководца.

Папирусы, на которых найдены отрывки из элегии в честь платейцев? специалисты склонны относить ко II в. н.э.⁶ (Sim. Fr. 11–14). Но общая стилистика, если не вдаваться в подробности, по их мнению, полностью соответствует стилистике Симонида Кеосского. И здесь самым важным представляется переход автора от того, что мы встречаем в более ранней поэзии Пиндара как поочерёдное упоминание «исторического» для древних греков персонажа и со-

⁵ Подробнее об этом, см.: Flower M.A. Simonides, Ephorus and Herodotus on the Battle Thermopilae // CQ. 1998. Vol. 48. No. 2. P. 372.

⁶ Rutherford I. The New Simonides: Toward a Commentary // The New Simonides. Oxf., 2001. P. 33.

временника, к тому, что фактически можно считать внедрением современника в среду древних героев. Причём, превознесение его едва ли не до уровня одного из самых значительных эпических героев, что особенно видно из строк, где автор переходит от сюжета похорон Ахилла, к спартанскому полководцу Павсанию.

Из стиха следует, что Павсаний, предводительствует древними героями троянской войны. При этом описывается, что Павсаний ведёт их за собой на Элевсин. Даже учитывая потерянную строку рядом с именем Павсания, говорить о том, что это не результат героизированного описания подвига Павсания довольно сложно. Тем не менее, это чисто поэтическое сравнение, не имеющее ничего общего с ритуально-религиозным значением героизации, со всей полагающейся атрибутикой.

В весьма обстоятельной статье Дж. Бреммера «Подъём культа героя и новый Симонид», которая, в сущности, сосредотачивалась на весьма сходной с нашей задаче, говорится: «Когда мы пытаемся, теперь, суммировать наши рассуждения, мы видим, что нет ясных доказательств, что павшие при Платеях приблизились к героическому культу, или что Симонид сделал намёк на этот культ. Бессмертие, дарованное им, всё ещё поэтическое. Связь между эпическими героями была, конечно, близкой, и многие почитаемые герои представлялись воинами, но должны будут ещё пройти бои и жестокости Пелопонесской войны, прежде чем мы начнём находить первые следы героизации павших и, возможно, живых воинов»⁷.

Отчасти с этим выводом можно согласиться. Разница между эпическим героем и допустим, между тем же Леонидом или Павсанием существовала и была огромной. Согласно общей концепции культа героев, каждое поколение героев должно было быть несколько слабее предыдущего. Да и сами эпические герои, едва ли равны между собой. В эпосе подчёркивается величие каждого в отдельности, но в том же эпосе есть центральные персонажи, вокруг которых построено не только действие самого, как мы сейчас это обозначаем, художественного произведения, но, что важнее, культовое почитание образа. Однако, исключая территориальный и количественный фактор почитания героев, мы способны обнаружить и огромное число общих признаков, которые связывают сам культ

⁷ Bremmer J.N. The Rise of the Hero Cult and the New Simonides // ZPE. 2006. Bd. 158. S. 26.

воедино и создают единые принципы, на которых он собственно зиждется. Возможно, отличие нашего утверждения и утверждения Бреммера происходит из различного понимания культа героев как такового. Бреммер и другие исследователи, придерживающиеся подобной позиции, скорее всего, хоть это ими и не уточняется, исходят из предположения, что почитание героя обязательно должно быть связано с ритуалом: если нет ритуала, нет и культа. Наша же позиция включает истолкование культа как объединяющего понятия. Кроме того, мы исходим из предположения, что Симонид едва ли стал бы прописывать у своих персонажей явные героические черты, если бы к тому не было некоторых серьёзных предпосылок.

Чтобы понять, что даёт право сомневаться в категорическом отрицании последующей героизации Павсания, стоит уточнить, где впоследствии он был похоронен. Согласно Фукидиду: «Тело Павсания хотели сначала сбросить в Кеадскую пропасть, куда обычно бросали преступников, но потом решили зарыть где-то поблизости. Впоследствии, однако, дельфийский бог изрек лакедемонянам повеление перенести погребение на место смерти (где прах его находится и поныне, именно на площадь перед святилищем, как гласит надпись на стелах), а во искупление святотатства посвятить Афине Меднодомной два тела взамен одного. Впоследствии лакедемоняне велели изваять и принести в дар богине две медные статуи за Павсания» (I.134). Согласно довольно позднему свидетельству писателя Павсания, надгробный памятник находился в черте города, «называвшимся прежде Спартой» (III.11.1). Подробнее он описывает местоположение памятника в уже приведенном нами отрывке из «Описания Эллады», также касающимся места погребения Леонида (III.14.1). Однако этот отрывок считается крайне сомнительным среди исследователей, поскольку в месте о переносе костей Леонида присутствует либо ошибка, либо отсутствие уточнения. Чаще всего предполагается, что указание на перенесение костей спустя сорок лет является неверным, и утверждается, что перенесение костей Леонида произошло спустя четыре года⁸, что ставит под сомнение точность всего отрывка. И остаётся открытым вопрос, когда был воздвигнут памятник самому полководцу Павсанию? Учитывая, что он обвинялся в контактах с персами, в злоупотреблениях в

⁸ Кондратьев С.П. Примечания // Павсаний. Описание Эллады. М., 1938. Т. 1. С. 280.

отношении греческих союзников и в убийстве византийской девушки (Paus. III.17.7)⁹, полная его героизация могла произойти (если имела место) позже времени его кончины.

Впрочем, чем ближе источник ко времени событий, тем менее недостойным с точки зрения авторов представлено в них поведение Павсания. Если у Фукидида Павсаний мечтал властвовать над всей Элладой (I.128) и ради этого решил получить поддержку от персидского царя Ксеркса, то в изложении Геродота многие эпизоды, случавшиеся с Павсанием, объяснены несколько более бытовыми военными происшествиями, нежели крайне высокими политическими амбициями спартанского военачальника, которые (амбиции), впрочем, никем из авторов не отрицаются. Здесь речь идёт в первую очередь об отрывках у Фукидида, которые касались того, что Павсаний стал почитать персидские обычаи или, что в честь победы при Платеях полководцем был дан пир на персидский манер, и что Павсаний ходил в окружении прислуживавших ему варваров. Существует точка зрения, что Павсаний не в такой серьёзной степени был подвержен персофильству, как об этом говорится в более поздних античных источниках. Сторонником этой версии был Дж. Лезенби¹⁰. При этом исследователь ссылается на Геродота, у которого высокомерное поведение Павсания по отношению к другим эллинам названо предлогом, чтобы отнять у него командование греками в войне против мидян (Hdt. VII.4). И у того же Геродота существует явное свидетельство преклонения перед победой Павсания в сражении при Платеях, где говорится, что Павсаний «одержал самую блестящую победу из всех известных» ему и его современникам (Hdt. IX.64).

О неоднозначности личности Павсания, впрочем, ясно говорит и то, что впоследствии его подвиг могли счесть менее значительным из-за подозрений в различных преступлениях. И возникает вопрос: имела ли место полная героизация, в таком случае, когда Павсаний умер, пусть много позже времени смерти?

⁹ Павсаний единственный из античных авторов, кто упоминает о том, что на полководце лежала скверна из-за случайного убийства византийской девушки, поэтому судить о том, насколько правдоподобно это утверждение, сверившись с другими источниками, мы не можем.

¹⁰ *Lazanby J.F.* Pausanias, Son of Kleombrotus // *Hermes*. 1975. Bd. 103. Ht. 2. S. 235–251.

В целом, нам представляется неверным говорить о посмертной героизации Павсания, как о событии, свершившемся сразу после его кончины, и вообще, как о полностью доказанном событии. Однако, если и не вскоре после его гибели, то хотя бы неопределённое время спустя, героизация могла состояться, несмотря на частичную сомнительность отрывка в «Описании Эллады» относительно места захоронения Леонида и Павсания. Разумеется, Павсаний считался предателем. Однако здесь ни в коем случае не стоит утверждать, что оценка современниками поведения Павсания как дурного, исключает в принципе всякую возможность последующего его почитания как героя. Во-первых, примеры почитания весьма и весьма неоднозначных персонажей как исторических с точки зрения современных исследователей, так и легендарных, встречаются довольно часто. Оценка их деяний, как верных, так и неверных (не одобряемых самими современниками и последующими поколениями античных авторов) всегда оставалась за границей понимания героического. Самому древнегреческому понятию «герой», вообще чужда прямая характеристика моральности и аморальности. Существует пример, который часто используют исследователи героического культа для демонстрации того, что с течением времени расширялось не только само понятие героического, но и число героизированных неуклонно росло, вопреки желанию какого бы то ни было контроля над процессом. В нашем случае, этот пример можно использовать с несколько иной целью. В «Описании Эллады» автор сообщает о почитании в качестве героя некоего Клеомеда (Paus. VI.9.3.), разрушителя школы, под развалинами которой погибли дети. Клеомед, якобы после совершения своего поступка, скрылся в ларце в храме Афины, но когда преследовавшие его открыли, то Клеомеда там не оказалось. Изречение пифии гласило, что Клеомед последний из героев и должен быть соответственно почитаем:

ἕστατος ἥρώων Κλεομήδης Ἀστυπάλαιεύς,
 ὄν θυσίαις τιμᾶ <θ' ᾗ>τε μηκέτι θνητὸν ἔοντα.

Это последний герой, Клеомед из Астипалеи;

Жертвы ему принесите, поскольку уже он не из смертных.

(пер. С.П. Кондратьева)

Разумеется, подобное отношение к своеобразной славе ещё не даёт повод считать любого отличившегося подобным образом элли-

на почитаемым героем, но и аргумент, что сотрудничество с персами или иные преступления лишало того же Павсания возможности быть героизированным, на наш взгляд, недостаточно весомый.

Во-вторых, победа при Платеях относится к одной из тех, которая была почитаема спартамцами (и не только), сама по себе. Даже отстраняясь от личности самого Павсания, можно найти в поэзии всё того же Симонида, опосредованное возвеличивание его полководческой деятельности при Платеях. Как, например, в отрывке, посвящённом спартамцам и афинянам, павшим в битве при Платеях (Sim. Fr. 8–9)¹¹:

εἰ τὸ καλῶς θνήσκειν ἀρετῆς μέρος ἐστὶ μέγιστον,
 ἡμῖν ἐκ πάντων τοῦτ' ἀπένειμε τύχη·
 Ἐλλάδι γὰρ σπεύδοντες ἐλευθερίην περιθεῖναι
 κείμεθ' ἀγηράντῳ χρώμενοι εὐλογίῃ.

Если прекрасная смерть есть высшая доблести мера,
 То среди всех эту честь нам уделила судьба,
 Ибо стремясь отстоять для священной Эллады свободу,
 Мы полегли, но навек славой покрыли себя.

(пер. Л. Блуменау)

ἄσβεστον κλέος οἶδε φίλην περὶ πατρίδι θέντες
 κυάνεον θανάτου ἀμφεβάλοντο νέφος·
 οὐδὲ τεθνῆσι θανόντες, ἐπεὶ σφ' ἀρετὴ καθύπερθε
 κυδαίνουσ' ἀνάγει δώματος ἐξ Ἄιδεω.

Неугасающей славой покрыв дорогую отчизну,
 Черным себя облекли облаком смерти они.
 Но и умерши, они не умерли; доблести слава,
 Ввысь воспарив, унесла их из Аидовой тьмы.

(пер. Л. Блуменау)

В одной эпиграмме (Sim. Fr. 9) утверждается, что благодаря своей доблести, погибшие избежали тьмы Аида, в другой (которая если верить Т. Бергку посвящена спартамцам (Sim. Fr. 8)), содержится утверждение о доблести павших.

¹¹ Согласно примечаниям Н.О. Харламовой, исследователь Т. Бергк считал, что одна из двух эпиграмм, упомянутых Павсанием, относилась к павшим лаконцам (Fr. 8), другая к афинянам (Fr.9). См.: Харламова И.О. Симонид Кеосский как ранний представитель гражданской лирики // Город и государство в античном мире. Проблемы исторического развития. Л., 1987. С. 174.

Согласно древнегреческим представлениям о пребывании после смерти, единственные смертные, которые были достойны избежать пребывания в Аиде, это герои. Даже если считать живых (на момент составления надписей) победителей в битве при Платеях полностью героизированными нельзя, то остаются ещё и те, кто погиб во время этой битвы. В их случае, сомнения конечно допустимы, учитывая то обстоятельство, что в одном отрывке есть упоминание о бессмертии, а в другом нет. Но слова о мужестве, доблести и славе, во многом перекликаются с тем же эпосом, где такие добавления при упоминании какого-либо героя, являются часто употребляемыми. Мы имеем все признаки героизации, если уж не в плане ритуала, то, по крайней мере, в словесном эквиваленте. Такого же мнения придерживается и исследовательница Д. Бедекер¹². Однако она считает, что, к примеру, фрагменты элегии, посвящённые платейцам, не доказывают факта их героизации и также считает, что «бессмертие» павших, о котором говорит Симонид, является доказательством представления победителей в некоем «предгероическом» состоянии. Бедекер пишет: «Фрагменты Платейской элегии не являются твёрдым доказательством того, что павшие при Платеях почитались как герои в пятом веке. Но, с учётом свидетельства Фукидида о культуре их гробниц, представленной Геродотом картины о престижном месте захоронения и, возможно, доказательства праздника вкупе с играми в пятом веке, новые фрагменты Симонида предоставляют ещё одно свидетельство (неявной) героизации современников в их массе ставшей более доступной или оправданной»¹³.

Игры и праздник, о которых неоднократно упоминает Бедекер, на наш взгляд, как раз таки не являются весомым доказательством того, что героизация имела место к моменту написания элегии, поскольку погребальные игры могли устраиваться и в честь негероизированных персон. И исследовательница это также подчёркивает¹⁴. Однако уже после смерти Павсания, когда он был опозорен, а восхваления в его честь у Симонида остались в прошлом, не вспоминать Павсания, принёсшего столь великую победу, всякий раз её празднуя, было бы не всегда выполнимой задачей. Таким образом,

¹² *Boedeker D. Paths to Heroization at Plataea // The New Simonides. P. 148.*

¹³ *Ibid. P. 153.*

¹⁴ *Ibid.*

по прошествии времени, события, произошедшие с Павсанием, могли обрести несколько иную эмоциональную оценку.

В случае героизации Леонида картина представляется нам более или менее ясной. Надписи в честь Леонида и всех, кто сражался при Фермопилах, не оставляют никаких сомнений, что в данном случае имеются все признаки героизации. Характеристика этой героизации, как исключительно «поэтической», отрицается обстоятельствами гибели Леонида, его благородным происхождением, местом его захоронения (в черте города), известными нам из других античных источников. Само решение чтить Леонида, как героя, скорее всего, было принято немного позже времени гибели спартанца, но, тем не менее, велика вероятность, что оно состоялось спустя четыре года после неё.

В случае Павсания, всё обстоит сложнее. У Симонида мы находим не прямые намёки, которые приравнивают Павсания к Ахиллу; а также явное указание на то, что Павсаний словно ведёт за собой воинов Троянской войны, вместо мифического героя. На прославление Павсания, как победителя в битве при Платеях указывает Геродот и писатель Павсаний. Однако учитывая некоторые указания Фукидида (и не только) на подозрения в отношении Павсания в различных преступлениях и обстоятельства его гибели, разумно предположить, что полная героизация этого полководца произошла несколько позже, если таковое вообще произошло.

Одним из серьёзных контраргументов против этих утверждений, конечно, является то обстоятельство, что ни в одном из рассмотренных нами случаев полководцы не названы героями. Впрочем, на наш взгляд, такой подход всё же едва ли можно считать достаточно весомым, поскольку даже древние эпические источники предпочитают использовать термины, которые восхваляют мужество и доблесть героев, нежели слова, прямо указывающие на их героическую сущность.

ЗМИТРЯКОВА Ю.О. (КАЗАНЬ)

ГЕРОИЗАЦИЯ ОБРАЗОВ В ТРАГЕДИИ ЭСХИЛА «ПЕРСЫ»

Драматические произведения классического периода (трагедии и комедии), всё чаще рассматриваются учёными в качестве исторического источника. Не вызывает сомнения явная политизированность древнегреческого комедийного жанра. Что же касается трагедий, то их, в большинстве своём, считают сложным для истолкования источником. Аллюзии политического характера, по мнению различных исследователей, содержали многие трагедии, имевшие мифологические сюжеты¹. Сюжет же исторический, в нашем современном понимании, содержит лишь одна из сохранившихся полностью трагедий – «Персы». Следует, конечно, уточнить, что самими современниками подобное различие (относительно реальности или нереальности сюжета трагедии) не делалось. Поскольку некоторая их реальность, историчность, предполагалась авторами и публикой изначально².

«Персы» интересуют нас не только в качестве источника по истории греко-персидских столкновений, но и в контексте изучаемой нами героической традиции. В V в. до н.э. в представлениях о героях и героическом происходили весьма серьёзные изменения, именно под влиянием такого мощного катализатора, как крупные внешние вторжения иностранного войска. Соответственно, эта трагедия не может не привлечь нашего внимания, не только своей уникальностью, но и, в общем-то, теми элементами, которые её автор перенёс с трагедий, содержащих мифологические сюжеты.

Ранее в историографии нередко отмечалось отсутствие в этом источнике ненависти или отвращения к врагу, которые в рамках такой трагедии как «Персы» могли бы выглядеть естественными³. Нашей целью является рассмотрение образов персов в означенной трагедии с точки зрения возможности того, что автором они описываются в так называемом «героическом духе». Так это сформулировал известный британский исследователь Г. Мюррей в 1940 го-

¹ Goldhill S. Civic Ideology and the Problem of Difference: The Politics of Aeschylean Tragedy, once again // JHS. 2000. Vol. 120. P. 34–54.

² Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 167.

³ Дератани Н.Ф. Эсхил и греко-персидская война // ВДИ. 1946. № 1. С. 10–11. С историографией.

ду⁴. Кроме того, нередко считают, что в трагедии перед нами предстают эллинизированные образы персов⁵. Это отчасти могло бы объяснить, почему Дарий и Ксеркс такие, какими описывает их Эсхил, и другие персонажи вызывают прямые ассоциации с эллинскими героями, но едва ли это объяснение можно принять как всеобъемлющее.

Трагедия, поставленная в 472 г. до н.э. обращена к событию 480 г. до н.э. – Саламинскому сражению. Практически единодушно всеми учёными признаётся, что это произведение восхваляло силу оружия эллинов в целом, и афинян в частности. Уже это одно, пожалуй, представляет глубокий интерес для изучения изменений в общей практике преклонения эллинов перед теми, кого они почитали, как героев. Задумкой автора было предусмотрено отсутствие греческих имён, что не может не привлечь внимания, по крайней мере, потому что в трагедии упоминается некий грек, своими словами смутивший Ксеркса и заставивший его поверить в трусливое бегство афинян (Aesch. Pers. 353–368). Однако ту же задачу в рассказе Геродота выполняет некий человек под именем Сикинн, служивший Фемистоклу (Hdt. VIII.75). Не говоря уже о том, что Эсхил не упоминает ни одного греческого видного военного деятеля. Любая индивидуальность сокрыта за коллективным образом. Трагедия, сама по себе, является в огромной степени воспевающей героическую сущность эллинов в их общей массе⁶. В ней сделан важный для героической традиции (да и для древнегреческого осмысления реальности) шаг в сторону почитания абсолютно близких эллинам классической эпохи событий и их участников. В весьма явной форме это выражается в пересказе событий, который развернул вестник перед Атоссой, матерью Ксеркса (Aesch. Pers. 249–531). По мнению В.Н. Ярхо, «великолепная картина Саламинского сражения заставляла заново трепетать сердца афинских зрителей и наполняла гордостью за одержанную победу»⁷. При этом не следует забывать и о том аспекте, что при общей «гордости» в соз-

⁴ Обширная цитата из труда Г. Мюррея (*Murray G. Aeschylus: The Creation of Tragedy. Oxf., 1940. (non vidi)*, приведена здесь: *Lincoln B. Death by Water: Strange Events at the Strymon (Persae 492–507) and the Categorical Opposition of East and West // CPh. 2000. Vol. 95. No. 1. P. 12.*

⁵ *Brosius M. Women in Ancient Persia 559–331 BC. Oxf., 1998. P. 8.*

⁶ *Суриков И.Е. Указ. соч. С. 166.*

⁷ *Ярхо В.Н. Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М., 1978. С. 64.*

нании греков, подобная трагедия также играла роль прославляющего богов произведения, которые помогли эллинам (532–548) и заслуженно наказали персов за нарушение религиозных законов земли, которую они решили покорить. Однако, при изучении трагедии, мы неизбежно сталкиваемся не только с обезличенным и, безусловно, восхваляемым образом эллинов-победителей, но и с образами их врагов – варваров, мидян или персов.

И, в противоположность именам греческим, имена персов там упомянуты неоднократно. Буквально первое, что встречается в «Персах», это «список имён»⁸ и описание полководцев, подданных царя Ксеркса (21–63)⁹. Нам бы хотелось несколько подробнее остановиться, для начала, именно на различных прилагательных, к которым прибегае Эсхил, описывая персов, поскольку есть необходимость перечислить некоторые особо важные моменты, содержащиеся в источнике. Итак, персы представлены автором, как «страшные на вид», (φόβεροι μὲν ἰδέϊν), «грозные в сражении» (δεινοὶ δὲ μάχην) (26–27). После общего описания некоторым отдельным полководцам прилагаются эпитеты такие, например, как «честный» (ἔσθλός) (31), к именам двоих автор добавил такой характерный для обозначения аристократического происхождения эпитет, как «хороший» (ἀγαθός) (45, 968). Ещё один удостоился поименования «великим» (μέγας) (37). Кроме того, перечисление имён полководцев и менее важных персон, входивших в персидское войско, в трагедии встречается ещё дважды (302–324, 959–1000). И там также попадает несколько добавлений к именам собственным: «лучший» (ἄριστος) (306), «первый из мужественных» (πρῶτος εἰς ἐψυχίαν) (328) и «знатный» (εὐπάτωρ) (970).

Конечно, подобного рода уважительные формулировки греческого автора по отношению к персам, ещё не являются доказательством того, что в представлении эллинов персы могли бы, скажем,

⁸ Имена, использованные Эсхилом, сами по себе представляют неистощимый материал для исследования. Некоторые из них упомянуты Геродотом, как имена подчинявшихся Ксерксу правителей различных областей, некоторые указываются настолько часто и принадлежали столь многим, что установить, о ком в данном случае шла речь, не представлялось возможным. См. комментарии Ф.А. Пейли к изданию *The Tragedies of Aeschylus / Re-ed. by F.A. Paley. L., 1879. P. 231*. Вопрос об их подлинности, то есть принадлежности реальным полководцам Ксеркса, до сих пор дискуссионный.

⁹ Также использованы издания: Эсхил Трагедии. М., 1971 (в издании опубликован перевод трагедии на русский С. Апта). Античная драма. М., 2005 (перевод В.В. Иванова).

возвеличивать своих героев. А точнее, множество этнических групп, которые объединялись греками под общим названием «персы» или «мидяне», не обязательно практиковали в точности такой же культ героев, как это делали греки. В суждениях подобного рода вообще лучше избегать крайностей. Кроме того, описание персов, как страшных и угрожающих территориям Эллады врагов с огромным войском, едва ли, на первый взгляд, соответствует некоему «героическому духу». Однако по этому поводу можно высказать, по крайней мере, два контраргумента. Во-первых, ни один из подданных Ксеркса не охарактеризован, как подлый, бесчестный или не благородный, за исключением указания на изнеженность лидийцев (41). Во-вторых, такие характеристики, что описаны нами выше, обычно применялись ко многим героям мифа, образы которых становились основой творчества трагедиографов; кроме того, они же (термины), употребляются в эпических произведениях, которые также служили источником вдохновения для создателей сюжетов трагедий. Причём, употребление их не редкость, как по отношению к древним эллинским героям, так и по отношению, например, к троянцам. Такое совпадение побудило филолога Дж. Халдан, частично затронуть этот вопрос и при анализе двух текстов – «Илиады» Гомера и «Персов» Эсхила¹⁰. И, хотя работа Халдан скорее относилась лишь к одному из аспектов трагедии и, по большей части, затрагивала образ Дария, в целом подобное сравнение можно считать допустимым и в этом случае. Что касается образа Дария, то именно на него необходимо обратить самое пристальное внимание. Дария едва ли можно назвать центральным персонажем не только самой трагедии, но и означенного исторического момента. Но, пожалуй, тем интересней его образ становится для исследователя героического культа и традиции. Ксеркса, сына Дария, Эсхил называет «равным богу» (ἰσὸθεός) (74, 80)¹¹. Однако одним «равенством» автор не ограничился, а назвал Атоссу и женой бога, и матерью такого же «бога» (θεοῦ) (157)¹². В историографии существует мнение, касательно того, что такое прижизненное обо-

¹⁰ Haldane J.A. 'Barbaric Cries' (Aesch. Pers. 633–639) // CQ. 1972. Vol. 22. P. 42–50.

¹¹ Э.В. Рунг приводит также другие термины, некоторые из которых соответствуют титулам персидских царей. См.: Рунг Э.В. Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. Казань, 2009. С. 119.

¹² Подробнее о титулах персидских царей, которые воспроизводит в трагедии Эсхил см.: Рунг Э.В. Указ соч. С. 119.

жествление персидских царей сами греки могли бы счесть кощунственным. Это мнение принадлежит И. Канциосу¹³. Однако формулировка «прижизненное обожествление» верна только в отношении Ксеркса, но никак не в отношении уже умершего Дария. Это не единственное, что наталкивает на мысль о том, что вольно или невольно Эсхил героизировал образ Дария, приписав этому персонажу целый ряд характерных признаков. Безусловно, велика разница между тем, кого обозначают как бога и тем, кто в представлении эллинов мог бы быть героем, но в случае Дария всё решают детали. Во-первых, Дарий пребывает в недрах, что характерно для простого смертного или героя, но не бога (681). Во-вторых, Дарий и подземные боги (Гея и Гермес) получают жертву от Атоссы (598–622), но жертва эта с эллинской практикой божественного жертвоприношения не совсем вяжется¹⁴. Не вполне ясно, в какое время суток происходит само действие, что порождает вопрос о возможности или невозможности принесения жертв и умершему, и богам, одновременно, по крайней мере, согласно традиционной греческой практике¹⁵. В источнике говорится и о том, и о другом. Но при этом Дарий не ставится вровень с подземными богами, что весьма важно (220–223, 621–622, 685). Не исключено, что Эсхилом здесь, пусть и неявно, но подчёркивается очередное святотатственное (с точки зрения эллинов, разумеется) отношение персов к своим царям. Хотя, учитывая общий далёкий от отрицательной характеристики образ Дария, мы не склонны считать, что здесь подчёркивается какая-либо негативность по отношению к так называемой «тени Дария». Ещё один аспект, нуждающийся в упоминании, касается обожествления царей самими персами. Точнее отсутствие такового. По утверждениям М.А. Дандамаева, к примеру, обожествление своих царей «было чуждо персам», но, тем не менее, в Египте персидский царь обожествлялся, согласно местному обычаю¹⁶. В любом случае, приношение дара, выполненное Атоссой у могилы

¹³ *Kantzios I. The Politics of the Fear in Aeschylus' Persians // The Classical World. 2004. Vol. 98. P. 10.*

¹⁴ Подробнее о ритуальных действиях, описанных в сюжетах трагедий: *Easterling P.E. Tragedy and Ritual // Antropologie des mondes grecs anciens. 1988. Vol. 3. No. 1–2. P. 87–109.*

¹⁵ Подробнее о практике жертвоприношений см.: *Элиаде М. От каменного века до элевсинских мистерий // История веры и религиозных идей. М., 2001. Т. 1. С. 84.*

¹⁶ *Дандамаев М.А. Имперская идеология и частная жизнь в Ахеменидской державе // ВДИ. 1998. № 1. С. 55.*

Дария, вполне может соответствовать практике поклонения родовому божеству или предку, культ которых всегда был тесно связан с культом героев¹⁷. Нам представляется возможным сделать вывод, что Дарию, в контексте данной трагедии, приписан пусть и абстрактный, но «божественный», а точнее «полубожественный» статус, который имеет явные признаки героического культа, при той оговорке, что Дарий едва ли почитался самими греками как герой.

Противоположным образу Дария обычно считают образ Ксеркса¹⁸. И контраст между ними создан автором намеренно, также как контраст между греками и персами. Изначально Ксеркс появляется в трагедии как царь над всеми царями (βασιλῆς βασιλέως) (24), божественного происхождения (об этом было сказано выше) а также, назван потомком бога Зевса и героя Персея (145, 80–82). Но по ходу действия драмы, он трансформируется в поверженного и стонающего предводителя разбитого войска, рвущего на себе одежды (464, 908–918, 931–933, 1037–1080). Кроме того, Ксеркс прогневил богов, построив мост через Геллеспонт (723), разорил и уничтожил греческие святилища и храмы¹⁹, за что его осудил Дарий (808–812). В таком контексте, разумеется, Ксеркс менее чем Дарий, похож на героя. Образ Ксеркса, куда более сложен, чем все остальные, но в его построении нет практически ни одной детали, которая отличала бы его от традиционного героя трагедии, происходящего из древних легенд и эпических произведений. Ни гневление богов, ни стенания не выбивают его из канонического описания героя, а скорее, напротив, добавляют характерных для героев трагедий черт. Конфликт с богами, то есть, по сути, с прародителями героев – неотъемлемая часть любого мифического сюжета. И это одно из тех испытаний, где герою предоставляется возможность проявления своей силы, но которое всегда может грозить неудачей. Безумие, в котором Ксеркс неоднократно упрекается и хором, и Дарием (552, 719), а также его собственное признание, что им владела богиня безумия Ата, (1007) не дают основания утверждать, что по-

¹⁷ Фрейденберг О.М. проанализировала сходный эпизод подношения пищи предкам в другой трагедии Эсхила «Хоэфоры», однако принцип в целом один и тот же: Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1998. С. 81; Камид И.М. Обрядовая сторона культов Древней Греции. М., 2006. С. 131.

¹⁸ Goldhill S. Battle Narrative and Politics in Aeschylus' Persae // JHS. 1988. Vol. 108. P. 192.

¹⁹ Существует мнение, согласно которому Ксеркса считают менее терпимым к чуждым ему религиям. См.: Frye R.N. The History of Ancient Iran. München, 1983. P. 90.

ведение Ксеркса в чём-то отличается от героического. Исключение составляют лишь слова вестника о бегстве Ксеркса с места сражения (470–471). И, пожалуй, именно это, а не какой либо иной фактор, мог в сознании эллинов представляться наименее мужественным поступком Ксеркса, выбивающим его из преобладающей картины эллинизированно-героического описания персов. Этот и подобные моменты в источнике подвигли ряд учёных сделать предположение относительно феминизации персов в драме Эсхила²⁰. Но есть основания полагать, что подобная теория не имеет достаточных доказательств, несмотря на то, что уже впоследствии феминизация выражена в более характерных чертах, в данном источнике она если и представлена, то достаточно слабо²¹.

Безусловно, говоря о подданных Ксеркса, самом Ксерксе и Дарии, как о героизированных образах, мы должны учитывать то обстоятельство, что речь в любом случае идёт о разных уровнях героического²². Также необходимо ещё раз подчеркнуть, что причины такового их описания, предпринятого Эсхилом, могли носить как намеренный, так и не слишком осознаваемый характер. Под «неосознаваемым» мы подразумеваем, что Эсхил прибег к чисто драматическому приёму с целью добавления в действие трагедии большего количества традиционных для этого жанра страстей. Под «намеренным» подразумевается: во-первых, чисто психологический ход, с точки зрения которого описание врага, как сильного и практически непобедимого, делает ещё более ценной и веской победу над ним²³; а во-вторых, подобное описание выполняло чисто политическую функцию восхваления превосходства эллинской системы государственного устройства над персидской²⁴. Также в историографии существует точка зрения, согласно которой созданный Эсхилом контраст между греками и персами отменяет мнение, господствовавшее долгое время (в основном в британской историо-

²⁰ См., напр.: *Hall E. Asia unmanned: Images of Victory in classical Athens // War and Society in Greek World. L., 1993. P. 116–130.*

²¹ *Рунг Э.В. Указ. соч. С. 123–126.*

²² Обобщение мнений различных учёных по поводу различных уровней и поколений, почитаемых греками, можно найти здесь: *Элиаде М. Указ. соч. С. 260.*

²³ *Рунг Э.В. Указ. соч. С. 123.*

²⁴ Решить в какой степени преобладают драматические и чисто политические приёмы в своё время пытался Х.Д. Бродхед в предисловии и комментариях к изданию «Персов» в 1960 г., о чём мы судим по следующей рецензии: *Edinger H.G. Review on "The Persae of Aeschylus" Ed. by H.D. Broadhead. Cambridge, 1960 // Phoenix. 1962. Vol. 16. No. 4. P. 285–286.*

графии), что персы прописаны с героическими чертами. Эта точка зрения принадлежит Б. Линкольну²⁵. Однако, по нашему мнению, эти теории не противоречат друг другу, поскольку желание Эсхила противопоставить греков и персов не могло помешать ему, с помощью знакомых ранее средств, обозначить персов как сильных врагов, вне зависимости от того с какой целью это делалось.

Представляется возможным перейти к кратким и обобщающим выводам. В результате небольшого обзора самого источника и литературы по данному вопросу, мы склоняемся к версии, что Эсхил обозначил в своей пьесе персов, придав им подобно эллинским героям соответствующий ореол. Некоторые эпизоды, которые на наш взгляд вступают в противоречие с этим заявлением, всё же не являются подавляющими на фоне общей картины. Некоторые теории, озвученные в историографии, подразумевающие отрицание (явное или неявное) возможности подобного описания персов, в означенный исторический период (теории контрастности эллинов и персов или феминизации персов), на наш взгляд не входят в неразрешимое противоречие, но скорее дополняют друг друга и общую историческую картину эллинского мировоззрения первой трети V в. до н.э. новыми фрагментами. Также необходимо добавить, что для большинства исследователей линия поляризации греческого и персидского миров не говорит о невозможности героизированного описания врага. Что касается самого источника, некоторые моменты, содержащиеся в нём, не могут быть истолкованы двояко. На наш взгляд, большая часть характеристик, которые Эсхил приписал персам, говорит не только об общей героической канве самого произведения, но и о частичной героизированности отдельных персонажей. В целом, эта исследовательская проблема может быть дополнена в последующем.

²⁵ *Lincoln B.* Op. cit. P. 12–13.

КОРНИЛОВ Ю.В. (КАЗАНЬ)

«ЦАРЬ АЗИИ»: К ВОПРОСУ О ЦАРСКОЙ ТИТУЛАТУРЕ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

Цель данной работы состоит в выяснении значения и смысла царской титулатуры Александра Великого. Этот вопрос следует рассматривать в связи с более широкой темой – идеологией Александра Великого и эволюцией его властного статуса. Начнем с констатации того факта, что, согласно Плутарху, Александр Великий был провозглашен «Царем Азии» после своей победы над Дарием III (Plut. Alex. 34.1). У остальных писателей присутствуют ссылки на титулатуру Александра в изложении переписки Александра с Дарием (Arr. Anab. II.14.9; Iust. XI.12.1–2; Diod. XVII.54.6; Curt. IV.1.13–14).

Еще Ф. Шахермайр считал, что титул «царь Азии», который использовал Александр Великий, был перенят Ахеменидами у греков; последние познакомили их с этим термином, служившим для обозначения власти персидских царей. Собственно же Ахемениды использовали и другую титулатуру, такую как «великий царь», «царь царей», «царь земель», а также в различных вариациях «царь обширной земли»¹. Этот исследователь пишет: «Термин “Царство Азии” входил в титулатуру великих царей Ахеменидов. Первоначально персы не были знакомы с географическим понятием “Азия”, поскольку оно греческого происхождения.... Однако в своих дипломатических отношениях с эллинами Ахемениды не только познакомились со словом “Азия”, но и сами стали употреблять его... Вероятно, они называли себя “царями Азии”, чем хотели сказать, что во всем мире, за исключением Европы, они были “великими царями”, “царями всех земель” и т.д.»²

Другой исследователь, Э. Фредерикмейр, считает, что существовала разница между титулатурой Александра и титулатурой Дария; титулатура Александра обозначала его собственную империю в противоположность разгромленной Персидской империи Дария³. Следует также отметить еще одно различие во взглядах между Ф. Шахермайром и Э. Фредерикмейром – по вопросу о происхождении титула Александра «царь Азии». Шахермайр считает его

¹ Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 168.

² Там же.

³ Fredricksmeyer E. Alexander and the Kingship of Asia // Alexander the Great in fact and fiction. Oxf., 2000. P. 139.

заимствованным у Ахеменидов, но последние, по его словам, сами впервые узнали об этом термине у греков. Фредерикмейр же считает, что термин «Азиатское царство» был употребляем греками для обозначения собственно Персидской империи. Впоследствии понятие «царство Азии», как и титулы «владыка Азии» и «царь Азии», использовал Александр, в отличие от Ахеменидов. Лэйн Робин Фокс, также в противоположность Ф. Шахермайру, думает, что титула «царя Азии» не было в титулатуре Ахеменидов⁴.

Наконец, А. Босворт отождествляет между собой титулы «великий царь» и «царь Азии», видя разницу лишь в том, что титул «царь Азии» был принят для общения с греческим миром, в то время как внутри империи использовалось старое обращение «великий царь». Таким образом, по мнению Босворта, Александр выступал в качестве преемника Ахеменидов⁵. О'Брайен придерживается той же точки зрения, что и Босворт. Он полагает, что титул «царь Азии» означал то же самое, что и «великий царь»⁶. Однако другого взгляда придерживается Э. Колинз, который критически настроен к возможной преемственности между Александром и Ахеменидами. По его мнению, Александр никогда «не рассматривал себя как местного персидского царя и никогда не использовал титул “царь царей”»⁷. Кроме того, Т. Бои, сравнивая титулатуру Александра III Македонского и Александра IV, приходит к выводу, что Александр III Великий перенял титул Ахеменидских царей «царь земель» и по обыкновению усвоил его⁸. Такой разброс мнений в интерпретации царской титулатуры Александра побуждает нас вновь обратиться к этому вопросу.

Необходимо начать наше исследование с анализа сообщения Плутарха. Автор рассказывает о провозглашении Александра «царем Азии» следующее: «Такой исход битвы, казалось, окончательно сломил могущество персов. Провозглашенный царем Азии (βασιλεὺς δὲ τῆς Ἀσίας Ἀλέξανδρος ἀνηγορευμένος), Александр устраивал пышные жертвоприношения, раздаривал своим друзьям богатства, дворцы, отдавал им в управление целые области» (Plut. Alex. 34.1).

⁴ Fox L.R. Alexander the Great: 'Last of the Achaemenids'? // Persian Responses. Political and Cultural Interaction with (in) the Achaemenid Empire. Swansea, 2007. P. 272.

⁵ Bosworth A.B. Alexander and the Iranians // JHS. 1980. Vol. 100. P. 5.

⁶ O'Brien J.M. Alexander the Great. The invisible Enemy. L.; N.Y., 2005. P. 93.

⁷ Collins A.W. The Office of Chiliarch under Alexander and the Successors // Phoenix. 2001. Vol. 55. No. 3/4. P. 259.

⁸ Boiy T. Between High and Low. A Chronology of the early Hellenistic period. Frankfurt-am-Main, 2007. P. 23.

Александр отдавал в управление своим друзьям области и сатрапии, действуя как преемник Ахеменидов. Жертвоприношения были призваны сакрализировать новый статус Александра.

Так, титул «царь Азии» по-видимому, предполагал безграничную власть, отличаясь от прежнего титула царя Македонии. Но другое сообщение Плутарха казалось бы, противоречит данной версии: «Александр никого из царей титула не лишил и себя царем царей (βασιλεὺς βασιλέων) никогда не называл, хотя многие приняли из его рук и венец, и царство» (Demetr. 25.3). Э. Коллинс рассматривает этот отрывок как доказательство того, что Александр не был преемником Ахеменидов, так как Плутарх заявляет, что Александр никогда не использовал титул «царь царей»⁹.

С другой стороны, само это утверждение может представлять собой не что иное, как отголосок панэллинистической пропаганды, и заслуживает более внимательного изучения. Возможно также и то, что титул «Царь Азии» должен был скрыть истинные намерения Александра от панэллинистически настроенных греков и македонян и не использовался в отношении к грекам.

Э. Фредерикмейр же в отношении этого отрывка Плутарха пишет: «Если мы принимаем сообщение о провозглашении Александра, то следует подробнее рассмотреть, чтобы это значило. Обычно предполагается, что “царь Азии” здесь означал царя Персии и Персидскую империю. Но существуют трудности с этой точкой зрения»¹⁰. Далее ученый утверждает, что заявление Плутарха предполагало то, что существовало различие между титулом «царь Азии» и «великий царь»: «Персидская империя теперь погибла, и Александр был провозглашен царем всех земель, и потенциальным властителем... Таким образом, как подразумевал Плутарх, то, что раньше было Персией, теперь является Азией»¹¹. Точка зрения этого ученого представляется нам более обоснованной, чем заявление Коллинса, который указывал о несостоятельности идеи наследования Александром титулатуры Ахеменидов.

Вернемся к анализу источников. У Курция Руфа мы находим другой интересный фрагмент: «Да и боги поддерживают правую сторону, большую часть Азии я подчинил моей власти, тебя самого победил в бою... Кроме того, когда будешь писать, не забудь, что ты пишешь не просто царю, а своему царю» (Curt. IV.1.13–14). Та-

⁹ Collins A.W. Op. cit. P. 259.

¹⁰ Fredricksmejer E. Op. cit. P. 139.

¹¹ Ibid. P. 140.

ким образом, по словам Квинта Курция Руфа, Александр Великий предлагал Дарию своего рода вассалитет, а себя рассматривал как верховного сюзерена. Это как раз и наталкивает на мысль, что Александр вводил свою титулатуру, опираясь на практику Ахеменидов, тем самым легитимизируя себя в глазах новых подданных. В письме к Дарию, также упоминается этот титул. При этом он звучит даже более категорично. Арриан сообщает следующее: «Я победил в сражении сначала твоих военачальников и сатрапов, а теперь и тебя и твоё войско, и владею этой землей, потому что боги отдали ее мне... Я теперь владыка всей Азии» (Arr. Anab. II.14.7–8). Таким образом, Александр объясняет свои военные успехи благосклонностью богов, которые покровительствуют ему, а не Дарию, поскольку отдали это царство ему как более достойному и отвернулись от Дария. Также в этом отрывке показывается еще один вариант титулатуры Александра – «владыка всей Азии». Арриан продолжает: «В дальнейшем, когда будешь писать мне, пиши как к царю Азии, а не обращай как к равному». (Arr. Anab. II.14.9). Из этого фрагмента можно заключить то, что «царь Азии» здесь противопоставляется персидскому царю, а Дарий, как и у Квинта Курция Руфа, рассматривается в зависимости от нового «Владыки Азии». То есть, Персидское царство теперь входит в состав нового Азиатского Царства. Не совсем однозначно высказывание Юстина. Он пишет: «Когда Дарий бежал в Вавилонию, то он просил Александра, послав ему письмо, чтобы тот дал ему возможность выкупить пленниц, и обещал за это огромную сумму, но Александр потребовал в виде выкупа за пленниц не деньги, а все царство» (Iust. XI.12.1–2). Здесь не указывается на то, что Дарию было предложено покровительство Александра. Напротив, Александр здесь рассматривается как узурпатор, и ни о какой преемственности речи нет.

Диодор передает ответ Александра персидскому царю: «Пусть поэтому они скажут Дарию: если он стремится первенствовать, то Александр будет сражаться с ним за единовластие; если же, презрев славу, он предпочтет свою пользу и легкую удобную жизнь, то пусть он служит Александру, выполняя его приказания, и царствует, получив по его милости свою власть» (Diod. XVII. 54.6). Из этого сообщения можно заключить, что происходит замена одного властителя другим, более удачливым, который обещает покровительство и сюзеренитет прежнему царю. Э. Фредерикмейр правильно замечает, что «Александр рассматривает себя царем Персии, сюзереном со своим собственным титулом». Нам представляется пра-

вильным считать, что титул «царь Азии» не являлся персидским, но использовался греками для обозначения персидских царей Ахеменидов. Уже Эсхил называет Ксеркса «неистовым владыкой многолюдной Азии» (πολυάνδρου δ' Ἰασίας θούριος ἄρχων), а также величает Азию страной царя (Ἰασία δὲ χθὼν βασιλεὺ γαίας) (Aes. Pers. 73, 929). «Отец истории» Геродот также пишет о персах, что к концу своих завоеваний те стали владыками Азии (Πέρσας ὅτεω τρόπῳ ἠγέσαντο τῆς Ἰασίας) (I.95). Немаловажным является и свидетельство афинского оратора Лисия, который называет вместе с именами Дария и Ксеркса их титул «царь Азии» (Ἰασίας βασιλεύς) (Lys. II.21, 27). У Александра титул звучит в двух вариациях: «царь Азии» и «владыка всей Азии». По сути, он отражал ту же реальность, что и титулатура Ахеменидов «царь царей», «великий царь», «царь обширных земель», «царь Персии»¹². Но с той разницей, что титул «царь Азии» должен был быть ориентирован на его восприятие греками, принимая во внимания, что даже к концу своего восточного похода Александр все еще оставался стратегом-автократором и гегемоном Коринфского союза. В Греции этот титул мог выражать панэллинстическую пропаганду Александра после сражения при Гавгамелах и крушения Персидской империи Дария III. Так же, как и Ахемениды, Александр с помощью данной титулатуры получал возможность претендовать на мировое господство. Так как само понятие «Азия» в древности являлось неопределенным¹³, это открывало перед ним блестящие перспективы для новых завоеваний и расширения империи на Восток.

¹² Tolman H.C. A guide to the Old Persian inscriptions. Ph. D. Yale; N.Y., 1893. P. 118; Bezold C. Achamenideninschriften. Leipzig, 1882. S. 3; Weissbach F.H., Bang W. Die altpersischen keilinschriften. Leipzig, 1893. S. 13.

¹³ Шахермаір Ф. Указ. соч. С. 168.

КАРАНАЕВ М.Н. (КАЗАНЬ)

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ИОХАНАНА ГИРКАНА
В ВОЙНЕ АНТИОХА VII ЭВЕРГЕТА (СИДЕТА)
ПРОТИВ ПАРФЯН**

Участие иудейского правителя Иоханана Гиркана в войне Антиоха VII Сидета против парфян в историографии практически не исследовано. Между тем, данное событие представляет немалую важность в вопросах становления государства Хасмонеев и его роли на политической арене восточного Средиземноморья в период II–I вв. до н.э.

В нашей работе мы поставили перед собой цель прояснить причины, побудившие Иоханана Гиркана вступить в союз с Антиохом и присоединиться к его военной кампании, а также ряд факторов, указанных в источниках и не нашедших на данный момент соответствующего толкования в историографии.

Мы не планируем заострять внимание на непосредственном участии еврейского контингента в боевых действиях в силу явной недостаточности источниковых данных для полноценного анализа.

Вся информация об интересующем нас событии содержится в сообщении Николая Дамасского в изложении Иосифа Флавия (АJ XIII.8.4): «Победив Индата, парфянского военачальника, и двигнув трофей у реки Лики, Антиох оставался там еще два дня, по просьбе иудея Гиркана, из-за какого-то праздника, заповеданного им отцами, в который иудеям не полагается путешествовать»¹. Не менее важна и позиция самого Иосифа Флавия, который перед вышеуказанной цитатой говорит о «дружественном союзе» и сообщает о том, что Гиркан заключил союз с царем государства Селевкидов Антиохом VII Сидетом, предоставив его войску все необходимое для военного похода, а впоследствии и присоединившись к его кампании против парфян: «Затем он (т.е. Гиркан) заключил дружеский союз с Антиохом и, впустив его в свой город, щедро и в

¹ Это событие следует датировать примерно 130 г. до н.э., поскольку на следующий год Гиркан уже не был союзником Селевкидов (Jos. AJ. XIII. 9.1). Кроме того, по мнению М. Штерна, учитывая то, что Иоханан Гиркан здесь назван «иудеем» этот отрывок заимствован из главы, посвященной Селевкидам в «Истории» Николая Дамасского. См.: Штерн М. Греческие и Римские авторы о евреях и иудаизме. М.; Иерусалим, 1997. Т. 1. С. 240.

изобилии предоставил его войску все необходимое. А когда Антиох выступил в поход против парфян, Гиркан выступил вместе с ним»².

Мы посчитали этот эпизод особенно интересным и достойным более пристального рассмотрения по следующей причине: в современной литературе эта кампания Гиркана практически не рассматривается. Многие авторы попросту обходят своим вниманием его участие в войне вместе с Антиохом. Впрочем, необходимо заметить, что самой литературы по изучаемому периоду не так уж и много. Существует несколько специализированных работ, затрагивающих военные и военно-политические проблемы Иудеи в период династии Хасмонеев. К примеру, работа И. Шацмана «Армия Хасмонеев и Ирода»³, которая, несмотря на всю свою спорность и неоднозначность, пока что является единственным специальным исследованием по данной проблеме. Автор практически не рассматривает совместное участие Антиоха и Гиркана в войне. Он упоминает об этом лишь в разделе, посвященном фортификации, когда Гиркан по результатам договора с Антиохом был вынужден скрыть укрепления Иерусалима. А в 129 г. до н.э., после того как Антиох погиб в парфянском походе, начал их строительство заново⁴. Между тем о таком немаловажном событии, как участие иудейского военного контингента во главе с правителем в союзническом походе за пределы Иудеи, он не вспоминает. В исследовании Д. Мендельса⁵, посвященном политической истории Иудеи и рассматривающем некоторые военные аспекты, этот исторический эпизод также практически не затрагивается. Лишь в нескольких предложениях рассказывается о том, что Гиркан участвовал в походе на парфян. Но вся смысловая нагрузка упирается в проведение праздника по требованию иудеев, с чем Антиох был вынужден согласиться, и таким образом он, по мнению автора, был побежден иудеями⁶. Надо

² Что любопытно, в оригинале текста присутствует термин *συνμαχία*, обозначающий суть союза – наступательно-оборонительный, однако все же больше наступательный. Т.е. перевести этот фрагмент в смысловом значении исключительно как «дружеский», без использования того контекста, что вкладывал в свой текст Иосиф Флавий, переводчики античного историка явно поторопились. Причем подобное опущение нами встречалось во всех переводах Иосифа Флавия. К примеру, см.: Штерн М. Указ. соч. Т. 3. С. 240; Флавий Иосиф. Иудейские древности. Ростов-на-Дону, 2003. Т. 2. С. 204. В следующем упоминании «дружественного» союза Гиркана с Александром Зевиним, у Иосифа Флавия нет подобного определения назначения союза (Jos. AJ. XIII. 9.3).

³ *Shatzman I. The armies of the Hasmonaeans and Herod: from Hellenistic to Roman frameworks. Tübingen, 1991.*

⁴ *Ibid. P. 50.*

⁵ *Mendels D. The Rise and Fall of Jewish Nationalism. Cambr., 1997.*

⁶ *Ibid. P. 179.*

полагать, автор имел в виду моральную сторону противостояния, поскольку данное утверждение прямо противоречит имеющимся источниковым данным. Во всех остальных работах, в которых упоминается военно-политическая составляющая государства Хасмонеев, этот момент также рассмотрен недостаточно, оставлен без должного анализа и соответствующих комментариев⁷. По сути своей все они сводятся к пересказу событий, описываемых Иосифом Флавием, содержание которых процитировано выше.

Непосредственно в работе с источником необходимо обратить внимание на следующее: информация из «Иудейской войны» местами прямо противоречит «Иудейским древностям». Так, в «Войне» Флавий говорит о том, что Гиркан сразу после мира воспользовался тем, что Антиох выступил в Мидию, и забрал с собой значительные пограничные гарнизоны (Jos. VJ I. 2,6). После этого Иоханан Гиркан, нарушив условия мирного соглашения, захватил ряд приграничных Селевкидских городов. При этом Флавий ничего не упоминает о совместном походе против парфян. В отношении данного фрагмента мы придерживаемся позиции, что уже достаточно давно известно, что «Древности» были написаны гораздо позднее «Войны». Причем в Риме, где и писались «Древности», у Флавия была возможность пользоваться множеством текстов, ранее для него не доступных. Классическим случаем является и описываемый нами эпизод, где Иосиф воспользовался свидетельствами Николая Дамасского и соответствующим образом подкорректировал свой текст. Причем не доверять ему у нас нет особых оснований. Поэтому мы исходим из того, что именно текст «Древностей» является отправной точкой нашего исследования.

Изучая материал по данному вопросу, мы были удивлены следующей формулировкой – «дружественный союз». Разумеется, исключительно в его эмоциональном значении. Конечно же, нам понятно, что дружественным он назван скорее в дань традиции.

⁷ Впрочем, в данном контексте нельзя не упомянуть о работах Э. Бикермана. В его исследовании, посвященном Маккавеям, имеется упоминание о наемниках, с помощью которых Иудея завоевала большие территории, но о походе против Парфии он не вспоминает. См.: *Bickerman E. The Maccabees*. N.Y., 1947. P. 79. Точно также в его фундаментальном труде, посвященном государству Селевкидов (*Бикерман Э. Государство Селевкидов*. М., 1985), нет какого-либо анализа участия Гиркана в походе Антиоха VII против Парфии. Однако работа французского историка оказала немаловажное влияние на наше исследование. Прежде всего, в вопросе имеющейся традиции привлечения Селевкидами вспомогательных воинских контингентов. Кроме того, существует ряд статей на смежные темы, подробнее о которых будет сказано ниже в соответствующих комментариях.

Вероятнее всего, Флавий имеет в виду понятие «друг царя»⁸ и, таким образом, дает понять, что Гиркану был дарован титул «друга царя», хотя в самом тексте он ничего подобного не вспоминает. Между тем, подобная практика дарования соответствующего звания (к которым относится также и «родственник царя»⁹) достаточно часто применялась в союзах прошлых правителей Хасмонеев с Селевкидами. Однако на момент первичного прочтения источника у нас возникло здоровое удивление от данной формулировки, поскольку отношения между иудеями и Селевкидами на тот момент можно было назвать какими угодно, но только не дружески настроенными.

Просмотрев некоторую ретроспективу, мы видим, что, начиная со 137 г. до н.э., Антиох VII вел политику, направленную на возвращение Иудеи в состав государства Селевкидов. Так, в 134/3 г. до н.э., он с многочисленной армией дошел до Иерусалима и приступил к планомерной осаде, во время которой в целях экономии припасов Гиркан изгнал из него всех, кто не мог защищать стены города с оружием в руках. Антиох же не позволил им пройти через осадные порядки своего войска (Jos. AJ XIII. 8.2). Таким образом, согласно источнику, эти иудеи были вынуждены скитаться под стенами Иерусалима в течение нескольких недель без еды и жилья. Что также никак не способствовало укреплению дружеских связей между Гирканом и Антиохом. Однако через некоторое время они заключили мир, который Флавий и назвал дружественным. Стремлению Антиоха скорее заключить мир, даже при сложившихся для него на тот момент более выгодных военно-тактических условиях, способствовали поступающие сообщения об активности парфян на границе¹⁰. Поэтому Селевкидскому царю не оставалось ничего иного, кроме как предпринять действия, ведущие к заклю-

⁸ Подробнее о термине «друг царя» или φίλος можно посмотреть у Бикермана (Бикерман Э. Указ. соч. С. 42). В частности, Бикерман высказывает мнение, что можно было выделить специальную корпорацию «друзей», которая имела свою градацию: первыми шли просто «друзья царя», затем «почетные друзья», выше них были «первые друзья» (См.: Polyb. XXXI.3.26; Liv. XXXV.15.7; I Масс. 7.8; 11.27; 11.57; II Масс. 8.9; Jos. AJ. XIII. 2.2). Среди правителей Хасмонеев, до Гиркана, было немало обладателей титула «друг царя». К примеру, Ионафан Хасмоней получил этот придворный титул последовательно от Александра Баласа, Деметрия I и Антиоха VI (I Масс. 10.65).

⁹ Существовала еще одна группа, стоявшая выше «друзей». Это σύγγενης – «родственники» царя (I Масс. 10.89) (Бикерман Э. Там же).

¹⁰ Подробнее о роли нападения парфян в заключении мира с Иудеей см.: Schwartz D. On Antiochus VII Sidetes Parthian Expedition and the Fragmentation of Historical Research // The Jews in the Hellenistic-Roman World. Jerusalem, 1996. P. 83–102.

чению мира, т.е. согласиться на предложенное Гирканом семидневное перемирие по случаю наступающего иудейского религиозного праздника. Затем Антиох послал богатые подношения в дар Иерусалимскому Храму¹¹, после чего отправил переговорщиков к Гиркану. Условия мира для Иудеи с учетом сложившихся обстоятельств были достаточно выгодными: уничтожение стен вокруг Иерусалима, передача заложников Антиоху, уплата некоторой контрибуции (в размере 500 талантов серебром) и присоединение войска Гиркана¹² к будущему походу Антиоха VII против парфян (Jos. AJ. XIII.8.2)¹³.

Как уже было сказано, об иудеях в самом походе до нас дошло крайне мало информации, поэтому об их непосредственном участии в боях сказать что-либо довольно сложно. Однако источник приводит сведения, анализу которых, по каким-то неизвестным нам причинам, никто из исследователей этого периода не посвятил достаточно внимания. В тексте идет упоминание о заключении мира, после которого Гиркан вскрыл гробницу Давида и вынул оттуда три тысячи талантов серебром¹⁴ и первым из иудеев стал содержать

¹¹ Кроме того, по словам Флавия, он даже устроил праздник для своих воинов, организовав пир, и как уже было сказано, принес жертвоприношения Храму, за что иудейский народ стал называть его «Благочестивым», в отличие от незабвенного Антиоха IV, который устраивал жертвоприношения из «нечестивых» животных в самом Храме (Ср.: Jos. AJ. XII.5.4 и Jos. AJ. XIII.8.2).

¹² Сама практика использования войск вспомогательных контингентов в государстве Селевкидов была достаточно распространенной (I Macc. 10.36; Liv. XXXVII.31.4; Iust. XXXVI.1.4). Подробнее об этом см.: Бикерман Э. Указ. соч. С. 67–69.

¹³ Ср.: Eshel H. *The Dead Sea Scrolls and the Hasmonean State*. Jerusalem, 2008. P. 70.

¹⁴ Впрочем, мы должны учитывать следующее. Во-первых, на данный момент археологические находки не подтверждают эту версию (Berlin A. *Power and Its Afterlife: Tombs in Hellenistic Palestine // Near Eastern Archaeology*. 2002. Vol. 65. Vol. 2. P. 138–148). А во-вторых, сохранность подобной суммы в каком-либо захоронении представляется мало вероятной, особенно принимая во внимание тот факт, что за столетия со дня смерти царя Давида Иерусалим не раз подвергался нападениям неприятелей и был разграблен. Таким образом, мы можем предположить, что в данном случае Иосифом Флавием несколько смягчаются события того времени. Экстренная нужда в средствах для Гиркана на тот момент является бесспорной, и привлечь их для выполнения всех обязательств он мог лишь из одного источника – Иерусалимского Храма, первосвященником которого он и был на тот момент. Мы считаем, что Гиркан попросту позаимствовал эти деньги из Храма, объявив общественности, что деньги взяты из «гробницы Давида». Также вполне возможно и то, что подобное искажение фактов применил сам Иосиф, для того чтобы не запятнать образ иудейского правителя. Впервые вопрос происхождения такой суммы денег был поднят Виктором Чериковером, который предположил что ни о какой гробнице, разумеется, речи быть не может. По мнению израильского ученого, средства были изысканы путем введения чрезвычайного налога и увеличения налога с доходов населения, что было обычной практикой для эллинистических государств того времени (Tchericover V. *Hellenistic Civilization and the Jews*. Philadelphia,

наемные войска, после чего принял участие в кампании против парфян¹⁵. Этот эпизод достаточно часто упоминается в связи с тем, что иудеи начали использовать наемников¹⁶.

Из тех денег, что добыл Гиркан, 300 талантов ушли в счет контрибуции, оставшуюся часть он использовал, чтобы принять на службу наемников. Использовал он полностью всю сумму или нет, мы не можем сказать точно¹⁷. Но в том, что касается побудительных мотивов для найма профессиональных солдат, то здесь, без сомнения, имеет место осознание Гирканом необходимости использования наемного войска. Напомним, что ранее иудеями использовались исключительно войска, сформированные по типу местного ополчения. Они воевали достаточно хорошо, об этом свидетельствует обретение Иудеей независимости. Однако здесь есть важное отличие: ранее иудеи воевали исключительно на территории своей страны, в знакомой топографической обстановке, т.е. воевали партизанскими методами в Иудейских горах. В описываемый нами период возникла необходимость совершить поход за территорию Палестины, и Гиркан понимал, что от той Иудейской армии, которая использовалась ранее, толка будет мало. А именно по трем причи-

1959. P. 251; *Chaniotis A. War in the Hellenistic World: A Social and Cultural History (Ancient World at War)*. Oxf., 2005. P. 115–121). Так или иначе, несомненным представляется факт привлечения дополнительных средств для найма наемников и проведения соответствующих военных преобразований.

¹⁵ В статье израильского исследователя Кашера по данному вопросу высказывается мнение, что Флавий ошибся в датировке и расположении данного фрагмента текста. Он считает, что на самом деле данное событие следует отнести скорее к 129 г. до н.э. Мотивируя это тем, что именно тогда начались активные действия против Селевкидов. Нам данная позиция и аргументация кажется маловероятной и неубедительной. Обоснование нашей позиции приводится в дальнейшем тексте данной статьи. См.: *Kasher A. The Changes in Manpower and Ethnic Composition of the Hasmonaean Army (167–63 BCE) // The Jewish Quarterly Review. New Series. 1991. Vol. 81. No. 3/4. P. 346.*

¹⁶ К сожалению, анализ этого фрагмента текста не может дать нам точного обозначения происхождения наемников, поскольку Флавий лишь обобщенно сообщает, что Гиркан стал первым правителем, начавшим содержать наемные войска – *ξενотροφεῖν* (Jos. AJ. XIII.8.4). К примеру, в тексте «Иудейской войны» под редакцией А.Б. Ковельмана (Иосиф Флавий. Иудейская война (пер. с древнегр. М. Финкельберг и А. Вдовиченко, под ред. А. Ковельмана). М., 1999), в той части текста, которая, по своей смысловой и хронологической составляющей дублирует интересующий нас отрывок из «Иудейских древностей», наемники также обозначены достаточно безлико – «чужеземцы» (Jos. VJ. I.2.5). Между тем в обеих работах использовано *ξενотροφεῖν*. В то же время, существует позиция И. Шацмана, который считает, что за время от Иоханана Гиркана до Саломеи Александры национальный состав наемников практически не менялся: *Shatzman I. Op. cit.* P. 32.

¹⁷ По этому вопросу существует позиция весьма уважаемого нами израильского исследователя Б. Бар-Кохбы, который считает, что на содержание наемников ушла вся сумма денег, оставшаяся от выплат царю Селевкидов. См.: *Bar-Kochva B. The Image of the Jews in Greek Literature: the Hellenistic Period.* L., 2010. P. 405–406.

нам: первая – иудеи не имели достаточного опыта ведения боевых действий за территорией своей страны и, кроме того, ранее армия носила временный характер, собираясь исключительно для конкретной военной кампании. Использовать ее для содействия Антиоху не было ни экономической, ни политической¹⁸, ни, как это ни странно прозвучит, – военной необходимости, поскольку данная кампания не была жизненно необходимой для иудеев и не служила возможностью отстоять свою территорию или увеличить ее путем завоеваний. Вторая причина заключалась в том, что использовать наемников в этом походе было попросту эффективнее в плане скорости передвижения и целесообразнее экономически, учитывая то, что они лишь потребляли ресурсы, а не производили их в отличие от жителей Иудеи¹⁹. Суть третьей причины состоит в социальной составляющей вопроса. Необходимо понимать, что использование исключительно иудеев в данном походе на стороне Селевкидов вполне могло вызвать недовольство в среде ортодоксально настроенных иудеев. К примеру, это и произошло во время правления Александра Янная (Jos. AJ. XIII.13.5)²⁰. Учитывая богатую историю противостояния между Селевкидами и иудеями подобное недовольство могло стать вполне реальным. Так или иначе, несомненным представляется факт найма профессиональных солдат сразу по заключении мирного договора с Антиохом, после чего Гиркан со своим войском участвовал в военной кампании против парфян

¹⁸ Сам факт участия в кампании был вынужденный, и говорить об усилении влияния Гиркана на Селевкидского правителя и повышении его «котировок» при Селевкидском дворе, на наш взгляд, не приходится. Особенно с учетом того, что в дальнейшем Иудея окончательно выходит из сферы влияния Селевкидов.

¹⁹ Разумеется, в силу разницы моральных императивов нашего времени и периода правления Ионахана Гиркана, говорить об этом следует с достаточной осторожностью. Однако экономическая позиция в данном вопросе нам представляется убедительной, в силу того, что экономическое состояние Иудеи на тот момент было не самым благоприятным. Однако за период правления Гиркана оно, несомненно, улучшилось, что говорит о нем как об эффективном хозяйственнике: *Pastor J. Land and economy in ancient Palestine. N.Y., 2005. P. 61–64.*

²⁰ Впрочем, и самому Гиркану не чужды были конфликты с различными философско-религиозными группами иудеев. Примером тому является конфликт с фарисеями, причиной которого стали утверждения последних о том, что Гиркан не имеет достаточных прав, чтобы называться первосвященником (Jos. AJ. XIII.10.5–6). Если провести исторические параллели, то известны многочисленные примеры, когда в среде различных групп населения, недовольных чересчур активной политикой (прежде всего в военной сфере) правителя, распространяется идея о ложности его происхождения и отсутствия прав на престол. Сам конфликт секты фарисеев с властью Хасмонеев достаточно изучен в современной литературе. См.: *Kasher A. Op. cit. P. 347; Tchericover V. Op. cit. P. 254–255; Schwartz D. Studies in the Jewish background of Christianity. Tübingen, 1992. P. 44–57.*

(130/129 г. до н.э.). Таким образом, мы считаем, что участие войск Гиркана совместно с Антиохом против парфян было первым боевым использованием иудеями наемников.

Сама кампания Антиоха VII против парфянского правителя Фраата II носила характер ответного удара на нападение парфян и должна была раз и навсегда сломить Парфянское царство и вернуть потерянные ранее территории. Для этой цели Антиох VII собрал многочисленную армию, общее число воинов в которой, если верить источникам, было следующим: по Юстину – восемьдесят тысяч солдат и двести тысяч в обозе (Iust. XXXVIII.10.2)²¹, по Диодору – в общей сложности триста тысяч человек (Diod. XXXIV.17). Даже если отнестись к этим цифрам со здоровой долей скептицизма, все равно понятно, что общая численность войск значительно превосходила нормы того времени²². Впрочем, в данной статье мы не намерены обращаться к пересказу событий войны Антиоха с Фраатом, благо они в достаточной мере изучены и освещены в источниках и историографии. Скажем лишь о том, что Антиох после трех побед над парфянами захватил значительную часть Парфии (Iust. XXXVIII.10.5; Jos. AJ. XIII.8.4), однако в итоге потерпел поражение (Iust. XXXVIII.10.10; Diod. XXXIV.16–17)²³, которое не затронуло иудейский контингент во главе с Иохананом Гирканом. Возвращаясь к численности объединенных войск, необходимо отметить, что говорить о размерах иудейского отряда мы можем лишь опираясь на косвенные данные. Гиркан просто не мог выста-

²¹ Вместе с тем, в дальнейшем Юстин пишет, что в армии Антиоха было сто тысяч пехоты и двадцать тысяч конницы (Iust. XLI.5.7). Подробнее о численности войск Антиоха см.: *Дибвойз Н.К.* Политическая история Парфии. СПб., 2008. С. 51.

²² Для сравнения вспомним, что ранее самая большая по численности армия у Селевкидов собиралась в 190 г. до н.э. при Магнесии – семьдесят две тысячи человек (Liv. XXXVII.40), в сражении при Рафии в 217 г. до н.э. – шестьдесят восемь тысяч человек (Polyb. V.79), хронологически же более близок к нам смотр войск в Дафне в 166 г. до н.э. – пятьдесят тысяч человек (Polyb. XXXI.3).

²³ *Farrokh K.* *Shadows in the Desert: Ancient Persia at War.* Oxf., 2007. P. 122–123. В частности, Кевином Фарроком высказывается мнение о том, что именно неудачное управление и распределение войск после первой победы над парфянами, когда в дальнейшем, в 129 г. до н.э. под Экбатанами у правителя Селевкидов была под рукой лишь незначительная часть войска, и послужили причиной того, что сам Антиох погиб, а государство Селевкидов перестало быть серьезным соперником для Парфянского царства (Ср.: *Bivar A.* *The Political History of Iran Under the Arsacids // The Cambridge History of Iran.* Cambr., 2000. Vol. III. P. 37–38). В то же время, Н. Дибвойз предполагает, что первопричину поражения следует искать в жестоком отношении к местному населению. Часть населения захваченных городов первоначально приветствовало появление Селевкидов, однако поведение расквартированных войск и непродуманная политика снабжения вызвали восстания против Селевкидов. Этим удачно воспользовался Фраат II. *Дибвойз Н.К.* Указ. соч. С. 52–53.

вить сколько-нибудь значительного войска, причиной чего, безусловно, являлось общее разорение страны и более чем тридцатилетнее практически непрекращающееся военное противостояние с Селевкидами. Все это привело к сокращению боеспособного населения²⁴. В подтверждении данной позиции мы можем указать на то, что буквально за год до описываемых событий Антиох VII беспрепятственно дошел до Иерусалима, а у Гиркана хватило сил лишь на оборону стен города. Поэтому для того чтобы обеспечить выполнение договора, он был вынужден обратиться к привлечению наемников²⁵. С учетом численности гарнизонов крепостей, которые были разрушены по мирному договору с Антиохом (Jos. AJ. XIII.8.3), и того, что некоторое количество войск было необходимо оставить как в гарнизоне Иерусалима, так и для защиты восточных границ от набегов соседей, то, на наш взгляд, число солдат от Иудеи, участвующих в кампании, может составить порядка четырех – пяти тысяч человек.

Теперь же обратим внимание на еще один интересный момент, а именно на упоминание Николая Дамасского, что после победы над неким парфянским военачальником Антиох задержался на месте в течение двух дней по просьбе Гиркана, в связи с наступающим иудейским праздником. На данный момент установлено, что речь идет о празднике «Шавуот», или т.н. Пятидесятнице – пятидесятом дне после Песаха. В этот день традиция запрещает иудеям путешествовать. На территории Иудеи праздник длится один день, однако за пределами Израиля традицией установлено совершать все необходимые ритуалы в течение двух дней, что, как мы видим, и произошло. В том, что касается интерпретации данного события, а именно, почему Антиох пошел навстречу Гиркану и задержал все свое войско, то здесь мы сталкиваемся с определенными трудно-

²⁴ В дальнейшем относительно периода правления Александра Янная Иосиф Флавий будет оперировать цифрами в десятки тысяч человек (Jos. AJ. XIII.12.4; 13.3; 14.1–2; BJ. I.4.2–6). Но, во-первых, можно предположить обычное завышение численности войск историком, а во-вторых, даже если уполовинить эти цифры, то подобное количество иудеев вполне вероятно, по причине стабилизации внешней и внутренней политики, и с учетом увеличившейся практически в два раза территории Иудеи со времен правления Иоханана Гиркана. В том, что касается предшествующего Гиркану периода, то по источникам мы можем проследить, во-первых, относительно небольшие по численности формирования, использованные иудеями, а во-вторых, достаточно большое количество потерь в боевых действиях (I Масс. 4.6; 5.20; 7.40; 9.5; 12.47; II Масс. 4.40; 12.33; AJ. XII.7.3; 8.2).

²⁵ Их численность могла составить порядка пяти тысяч человек. В поддержку нашей версии говорит позиция Б. Бар-Кохбы относительно распоряжения полученными средствами. См.: *Bar-Kochba B. Op. cit.* P. 405–406.

стями. На данный момент у нас есть две гипотезы. Первая заключается в том, что армия после прошедшего сражения нуждалась в отдыхе, перегруппировке, сборе трофеев и прочих действиях, необходимых для восстановления организации войска после сражения, что использовалось Антиохом еще и как повод в укреплении доверительных отношений с союзником²⁶, тем более это ему ничего не стоило. Вторая гипотеза, состоит в том, что, несмотря на использование наемников, в отряде Гиркана было некоторое количество иудеев, которых Гиркан привел с собой с целью получения ими соответствующего опыта и использования их на постоянной основе параллельно с войсками, нанятыми из числа чужеземцев. И тот факт, что Гиркан вряд ли потребовал бы соблюдения традиции исключительно для себя самого, не будь в его отряде значительного числа соблюдающих эти догмы иудаизма иудеев, говорит о том, что общее число иудеев было таким, что их мнение нельзя было не принимать в расчет. В силу чего отделение от основной армии отряда Гиркана в начальной стадии кампании ни к чему хорошему привести не могло. И не привело, учитывая то, что в итоге, уже после того как иудеи покинули его войско, Антиох потерпел поражение, распылив свои войска на занятой территории. Однако, к сожалению, источники не позволяют пока в полной мере подтвердить или опровергнуть эти гипотезы, поэтому они и остаются лишь нашими предположениями.

Таким образом, в 130/129 гг. до н.э. иудейский военный контингент впервые принимал участие в столь отдаленном от территории Иудеи походе. Эта кампания была осуществлена по причине заключенного Иохананом Гирканом вынужденного мира с Селевкидами, вследствие чего иудеями впервые были наняты и применены в боях наемные солдаты, происхождение и состав которых, на данный момент, точно не установлен. Сама кампания завершилась неудачно и стала одним из крупнейших поражений Селевкидов за

²⁶ Укрепить отношения с союзником было бы для Антиоха совершенно лишним в силу того, что его контингент был сборным и состоял во многом из числа союзников – как выразился Бикерман «туземных правителей» (Бикерман Э. Указ соч. С. 68; подробнее о национальной идентификации армии Селевкидов см.: *Var-Kochva V. The Seleucid Army. Cambr., 1979. P. 42–53*), которых вполне мог попытаться привлечь на свою сторону Фраат II. Если верить Марине Пуччи, существовала некая переписка между Гирканом и парфянскими правителями (*Pucci M. Jewish-Parthian Relations in Josephus // The Jerusalem Cathedra. 1981. Vol. 3. P. 13–14*). Несмотря на то, что израильская исследовательница ссылается на т.н. «Книгу Иосифона», достоверность которой нам представляется дискуссионной, сама возможность существования связи между парфянами и участниками похода Антиоха VII нам кажется вполне вероятной.

всю их историю, ознаменовав окончательный отказ от возвращения восточных территорий Селевкидского государства. Причиной, по которой Иоханан Гиркан избежал судьбы основной армии Антиоха VII, вероятнее всего было то, что после первых побед армия захватила огромное число трофеев²⁷. Антиох же не желал экономического усиления своего вынужденного союзника, который впоследствии должен был снова стать противником, поскольку намерения Антиоха относительно окончательного возврата Иудеи во владение Селевкидов, не поддаются сомнению. Следствием поражения Селевкидов в этой кампании и того, что Иоханан Гиркан вместе со своим войском избежал этой участи, стало усиление влияния государства Хасмонеев на политической арене восточного Средиземноморья, а также окончательный выход Иудеи из зоны влияния государства Селевкидов.

²⁷ Юстин сообщает, что во время парфянского похода Антиоха VII даже простые воины пользовались золотыми пряжками, ели с серебряной посуды и в целом трофеи были очень богатые (Iust. XXXVIII.10.3). Косвенным свидетельством получения Гирканом каких-то трофеев служит сообщение источника о том, что по возвращении из похода он, после смерти Антиоха, начал активные военные действия, требующие, как известно, крупных затрат (Jos. AJ. XIII.9.1–2).

ВОСТРИКОВ И.В. (КАЗАНЬ)

АФИНСКАЯ ЭФЕБИЯ ВО II–I ВВ. ДО Н.Э.

В статье рассматриваются два аспекта функционирования эфебии: участие в ней иностранцев и её образовательная функция, поскольку именно во II в. до н.э. эфебия превращается в образовательный институт и впервые в данную организацию допускаются иностранцы¹.

1. *Иностранцы в афинской эфебии*

Говоря о принятии иностранцев в число эфебов в эллинистический период, необходимо сделать экскурс в историю эфебии более раннего времени. В IV до н.э. в эфебию, как строго государственный институт для подготовки юношей к взрослой жизни и несению различных гражданских обязанностей, принимались только сыновья граждан, которых перед этим подвергали проверке – докимасии. После этого происходила регистрация имени кандидата в деме его отца и получение права гражданства. Однако, хотя юридически юноши становились гражданами с 18 лет, они не считались полноправными гражданами. Фактически только после прохождения двухгодичной эфебии юноши могли участвовать в политической жизни полиса. По словам Аристотеля, только «по истечении этих двух лет они становятся уже на один уровень с остальными гражданами». Причем во время прохождения эфебии юноши освобождались от всех повинностей и от выступления в суде, чтобы не отлучаться со службы (Ath. Pol. 42.4).

Демотик был атрибутом гражданства. Форма использования демотики была разработана, судя по всему, для выражения всеобщего равенства граждан, независимо от знатности рождения. Возможно, его применение началось после реформ Клисфена, однако, демотики были задействованы в основном после восстановления демократии в Афинах в 403/2 г. до н.э.

Начиная с 306/5 г. до н.э. служба в эфебии не была больше необходимостью для получения всей полноты гражданских прав. По-

¹ Об эфебии в общем см.: *Видадь-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 115–185.; *Жураковский Г.Е.* Очерки по истории античной педагогики. М., 1963. С. 97–104, 273–294; *Никитюк Е.В.* Афинская эфебия IV–III вв. до н.э. // *Война и военное дело в античности* // *Para bellum*. 2001. Вып. 12. С. 57–68. *Уссинг И.Л.* Воспитание и обучение у греков и римлян. СПб., 1878. С. 78–91.; *Pélékidis C.* Histoire de l'éphébie attique des origines à 31 avant Jésus-Christ. P., 1962; *Oehler J.* Ephebia // *RE*. 1905. Bd. 5. Sp. 2737–2746; *Reinmuth O.W.* The Ephebic Inscriptions of the Fourth Century. Leiden, 1971.

этому число эфебов в 305 г. до н.э. было гораздо меньшим, чем прежде. Все филы представлены на одном камне, а имена перечислены с демотиками (IG II². 478). Служба сокращена до одного года. Юноши, записанные в эфебию при одном архонте, выпускались уже при следующем его преемнике. Из всего этого можно сделать вывод, что с 306 г. до н.э. регистрация в деме отмечала вступление в полноправное гражданство для всех тех, кто не пошел в эфебию. Однако только тот, кто был записан в деме, мог стать эфебом².

Очередной важной вехой в истории эфебии является 118/17 г. до н.э., когда в эфебию впервые были допущены иностранцы. Согласно надписям, иностранцы были приняты в эфебию при архонте Гиппархе в 119/18 г. до н.э.: это отражено в надписи 118/17 г. до н.э. (IG II². 1008). В данной надписи после текста декрета как обычно приведен список эфебов – граждан. Они записаны по филам с патронимиками и демотиками. После первого основного списка идет второй под заголовком Ξ – Ξένοι / иностранцы, и далее перечисляются имена семнадцати иностранных эфебов. Эти юноши тоже записаны с патронимиками, а вместо демотика у них стоит название города или этникон. У десяти человек имена не сохранились, а у двух – их этниконы (названия городов). Один эфеб родом из Пароса, один – из Сикиона, один – из Керкинитиды, двое – из Гераклеи, трое – из Лаодикеи, один – из Бейрута, один – из Феспия, трое – из Антиохии, один – из Сол. В списке последним стоит римлянин, но вместо названия города у него стоит этникон Ρωμαῖος. В последующих надписях это разделение сохраняется³.

А. Дюмон и Ч. Форбс полагали, что иностранные эфебы не были отделены от граждан. Они вместе посещали святыни, участвовали в жертвоприношениях, патрулировали границы и укрепления, слушали те же лекции философов⁴. О. Рейнмут скептически отнесся к мнению А. Дюмона и Ч. Форбса. Вхождение иностранцев на равных условиях с гражданами в учреждение, первоначально разработанное для обучения в гражданских традициях, кажется ему странным. Однако он замечает, что создание подготовленной гражданской армии со временем становилось все менее важной задачей, которая потеряла всякий смысл после 146 г. до н.э., когда

² Об эфебских надписях этого периода см.: *Reinmuth O.W. The Ephebic Inscriptions...* P. 83–122.

³ IG II². 1009; IG II². 1011; IG II². 1028; IG II². 1031; IG II². 1039; IG II². 1961; IG II². 1043; IG II². 1963; IG II². 1965; IG II². 1964; IG II². 1962.

⁴ *Forbes C.A. Greek Physical Education. N.Y.; L., 1929. P. 90; Dumont A. Essai sur l'éphébie attique. P., 1885. Vol. II. P. 159.*

Афины попали под власть Рима. По мнению О. Рейнмута, несмотря на изменения духа и характера обучения, введения философского образования при сохранении определенного военного компонента, эфебия в своих религиозных, военных, гражданских и моральных аспектах все-таки предназначалась афинским гражданам⁵. В подкрепление своей позиции О. Рейнмут ссылается на строки надписи, датированной 122 или 121 г. до н.э., где в декрете, среди прочего, говорится: «...люди, являвшиеся когда-либо самыми усердными в обучении и дисциплине эфебами, желали, чтобы те, которые покидали детство и вступали в зрелость, стали достойными преемниками их отцов в гражданских обязанностях; согласно законам, чтобы они могли познакомиться с землей, крепостями и границами Аттики, и чтобы выполняли упражнения с оружием. Из-за упомянутого обучения люди украсили город самыми красивыми трофеями; для этого они выбрали космета из мужчин, ведущих благородную жизнь...» (IG II². 1006. 52–56). Мнение О. Рейнмута не лишено оснований, к тому же эта надпись всего на три года старше той, где впервые появляются иностранцы. Но, как мы видим, полисная идеология все-таки либерализируется. Возможно, иностранные эфебы и не могли принимать участия в каких-либо обрядах или действиях. Однако декреты в честь эфебов, отмечающие их благочестие относятся ко всему эфебскому корпусу, в том числе и иностранцам. Кроме того, нет каких-либо специальных оговорок или условий о них.

Интерес представляет надпись, относящаяся к 83–78 гг. до н.э., где в списке эфебов встречаются каппадокийские царевичи, братья Ариобарзан и Ариарат, сыновья царя Ариобарзана II: 'Αριοβαρζάνης καὶ 'Αριάραθης βασιλέως 'Αριοβαρζάνου Συταλήττιοι Φιλωρωμαῖοι (IG II². 1039. fr. bl., p. col. II.3–5). Примечательно то, что царевичи представлены как граждане. Они занесены в филу Кекропиду и обладают демотиком Συταλήττιοι. А дем Спалетта как раз относился к филе Кекропиды. Несомненно, каппадокийская династия поддерживала хорошие связи с Афинами, в результате чего ей было даровано гражданство.

В надписи 106/5 г. до н.э. встречается одна особенность: в списке филы Атталиды у последнего имени отсутствует демотик – Ктесиклей, сын Ктесиклея (IG II². 1011. 2. 105). Вряд ли это было недочетом резчика. По-видимому, это было вполне закономерно.

⁵ *Reinmyth O.W.* The Ephebate and Citizenship in Attica // *TAPhA.* 1948. Vol. 79. P. 220.

Юноша не был иностранцем, так как тогда он не был записан со своим этниконом в списке иностранцев, приведенном после списков фил. Напрашивается вывод: этот юноша был моложе 18 лет, а, следовательно, еще не был зарегистрирован в деме. Но все-таки он был допущен в эфебию и, как будущий гражданин, был записан в филу, в которой в будущем он должен был быть зарегистрирован. Это очень важный факт, так как раньше, если на докимасии выяснялось, что юноша моложе 18 лет, то на демотов, внесших его в список, налагалось взыскание (Arist. Ath. Pol. 42.2).

Дальнейшие изменения по отношению к иностранцам наблюдаются в надписи 39/8 г. до н.э. В ней имена иностранцев не отделены от граждан, а идут сразу после них, отличаясь лишь наличием этникона после демотика (IG II². 1043. col. I. 81–128, col. II. 82–130, col. III. 83–120). Кроме того, в списке филы Антиокиды, хотя некоторые имена в надписи не сохранились, насчитывается по крайней мере десять эфебов с этниконом Ἀθηναῖος – «афинянин» (IG II². 1043. col. III. 89–124). Возникает вопрос об их статусе: это аттические юноши, не достигшие 18 лет, и соответственно не зарегистрированные в деме, или это новые афинские граждане? По мнению О. Рейнмута, если бы они были моложе 18 лет и, соответственно, не записанными в деме, то они были бы внесены просто без демотика, как в надписи 106 г. до н.э. Остается одно объяснение их статуса – это иностранцы, получившие афинское гражданство. Судя по всему, гражданство они получили персонально, так как в надписи другие иностранцы вписаны со своими этниконами⁶.

Из всего этого можно сделать вывод, что в конце III–I вв. до н.э. эфебия теряет свой государственный гражданский характер, вследствие чего становится космополитичной, и в нее начинают допускаться иностранцы. Но со временем деление эфебов на две категории исчезает.

2. *Эфебия как образовательное учреждение*

Именно II в. до н.э. является временем появления и расцвета в эфебии интеллектуального или духовного образования. Эфебы посещали занятия философов, риториков и грамматиков, о чем говорится в надписях: «...совершали жертвоприношения благодетелям в соответствии с законами и постановлениями, находились в гимнасии в течение года и повиновались космету, считая самым наилучшим и необходимым сохранять порядок; под руководством народа

⁶ Reinmyth O.W. The Ephorate and Citizenship in Attica. P. 223.

в знаниях они стали безупречны и, повинаясь указаниям космета и учителей, были прилежны по отношению и к Зенодоту, обучающему в Птолемайоне и Ликее, равно и к другим философам в Ликее и Академии в течение года...» (IG II². 1043.16–21), «... сидели вместе в школе риториков и грамматиков..» (IG II². 1039.17). Таким образом, видно, что у эфебов не было строгой определенности в отношении философов и учителей. Как следует из надписей, эфебы занимались в разных местах и у разных философов в Птолемайоне, Ликее и Академии. Это характеризует эфебское интеллектуальное образование как свободное, плюралистическое, несмотря на сохранившийся контроль государства над эфебией. Само появление интеллектуального образования свидетельствует об изменении характера института эфебии. Однако принципы или условия выбора учителей и философов нам неизвестны. Вполне возможно, что решающую роль в этом выборе играл космет как руководитель эфебского корпуса, который, как и прежде, выбирался на народном собрании. Поэтому, на мой взгляд, вышеупомянутую фразу «под руководством народа в знаниях стали безупречны и повинаясь указаниям космета и учителей» можно трактовать как контроль космета над их интеллектуальным обучением. Но если, с другой стороны, предположить, что «под руководством народа» подразумеваются сами философы, риторика и грамматика, которые обучали эфебов, это не имеет под собой никаких оснований. В этом случае философы, риторика и грамматика специально выбирались бы народом для эфебов, и, соответственно, относились бы к официальным должностным лицам эфебского корпуса, а в эфебских надписях упоминались бы их имена. Кроме этого, их непременно бы награждали как космета и традиционных эфебских наставников, таких как педотриб и учителя по стрельбе из лука, использованию метательных орудий, инструктора по бою в тяжелом вооружении. Единственный упоминаемый по имени философ Зенодот тоже не входил в эфебскую администрацию, так как его имени нет в конце декрета и его не награждают. Однако, судя по его упоминанию в надписи, он играл видную роль в образовании эфебов. Кажется маловероятным и предложение самими философами своих образовательных услуг.

У Диогена Лаэртского мы находим упоминания о двух Зенодотах. Первый, Зенодот из Эфеса, грамматик александрийской школы, к рассматриваемому периоду не имеет отношения: он жил в 325–260 гг. до н.э. (II.15). Остается второй Зенодот, стоик, ученик

Диогена Селевкского (Diog. Laer. VII.30). Этот Диоген стоик, был, в свою очередь, учеником Хрисиппа и участвовал в знаменитом посольстве философов в Рим в 156 г. до н.э. (Diog. Laer. VI.81). Предыстория этого посольства была такова. Афиняне вторглись в Ороп. Оропцы же обратились за помощью в Рим, и в результате на Афины был наложен большой штраф в 500 талантов. Для переговоров о снижении суммы в Рим в 156 г. до н.э. было отправлено посольство из Афин, в составе которого были три известных философа: Карнеад из Кирены (Академия), Критолай из Фаселиды (Перипатос) и Диоген из Селевкии (Стоя); об этом посольстве упоминают Цицерон и Авл Геллий (Cic. Cat. 23; Att. XII.23.2; Gell. Noct. Att. VI.14.8)⁷. Несомненно, что эти философы оказали значительное влияние на культурную жизнь Рима.

Интеллектуальное образование, по-видимому, было очень популярным среди эфэбов, так как в надписях неоднократно подчеркиваются их старание, стремление к знаниям, усердие: «...старание и благочестие ни в чем не оставляли, сохраняли они друг с другом единомыслие и дружбу во всем...» (IG II². 1009.9–10). Эфэбы делали подарки учебным заведениям. В надписи 185/4 гг. до н.э. говорится о том, что эфэбы по просьбе космета сделали какое-то посвящение в Ликей и декретом было решено из этого посвящения сделать памятник усердия и дисциплины и написать их (эфэбов) имена с именами отцов и названиями демов и космета и учителей (IG II². 900.17–18). В 116/15 г. до н.э. эфэбы пожертвовали в библиотеку сто книг (IG II². 1009.8).

Однако сохранялась старая военная и физическая подготовка, которой с эфэбами занимались педотриб, специалист по физической подготовке, гопломах – инструктор по использованию гоплитского вооружения, аконтист – специалист по метанию дротиков, афет – инструктор по метательным машинам. В надписи 122 г. до н.э. говорится, что эфэбы восстановили старую катапульту (IG II². 1006.82). Но эфэбы стали заниматься еще и морским делом, поэтому среди эфэбских преподавателей появляется новая должность гиперета – моряка (специалиста по кораблям). В 122 г. до н.э. в надписи встречаются сразу три гиперета (IG II². 1006.46–47). Возможно, появление новой дисциплины в обучении было связано с религиозной деятельностью эфэбов, когда они отправлялись на Саламин к трофею, чтобы почтить победу греков над персами, а

⁷ Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 2003. С. 107–113.

потом приплывали в Мунихий и в гавани устраивали состязания на кораблях (IG II². 1006.29–31). Также эфебы упражнялись в беге, совершали походы, полевые учения с оружием на территории Аттики. Но речь о серьезном патрулировании и несении охранной службы в крепостях, конечно, уже не идет.

В рассматриваемый период ярко проявляется патриотическое воспитание, напрямую связанное с весьма насыщенной общественно-религиозной деятельностью. Эфебы присутствовали на заседаниях эkkлeсии в строю с оружием (IG II². 1006.20–21).

Очень примечательным в рамках патриотического воспитания является обращение к блестящему прошлому греков, к периоду героической борьбы с персами. Среди прочих священных мест, эфебы посещали марафонское захоронение, где надевали венки и совершали жертвоприношения в войне погибшим за свободу (IG II². 1006.26–27). Как сообщает Павсаний, на могиле были установлены стелы с именами погибших и указанием их фил (I.32.3). Также эфебы совершали жертвоприношение в святилище Амфиарая, в котором жертвенник был разделен на пять частей, посвященных разным богам, в том числе Зевсу, Гераклу, Афине (Paus. I.34.2), где, согласно надписи, «от отцов храма слушали дошедшее с древних времен» (IG II². 1006.27–28). После этого эфебы отплывали к трофею, сооруженному в честь победы Фемистокла (Paus. I.36.1), и при трофее приносили жертву Зевсу Трофейскому, совершали величественную процессию в честь богов и на кораблях устраивали состязания (IG II². 1006.28–29).

В рамках гражданского и религиозного воспитания эфебы участвовали во многих праздниках, в том числе таких основных как Панафинеи, Тесеи и Дионисии. На Тесеях устраивались агоны для мальчиков, эфебов и мужчин. Так в надписи 155/4 г. до н.э. воздается хвала агонифету и приводится список победителей, где в беге с факелом среди эфебов победил некий Афинобий из Леонтиды (IG II². 958.62–63), а Эйдокс из Гиппотонтиды победил в метании копья среди эфебов (IG II². 958.77).

В заключении следует сказать, что во II в. до н.э. эфебия превращается в известный центр образования, который привлекает к себе богатых афинян и иностранцев. Военный элемент эфебии сохранялся, но он уже не играл основной роли. Это было связано, прежде всего, с существенным ослаблением роли Афин в международных отношениях и возрастанием роли Рима в регионе, поэтому надобность в сильной полисной армии отходит на второй план.

Однако сохраняется религиозное и патриотическое воспитание, от эфебов требуется повиновение учителям и соблюдение дисциплины. Но допуск иностранцев свидетельствует о космополитизме эфебии. Поэтому об эфебии можно говорить как о некой модели гражданского воспитания в античности, включающей в себя интеллектуальное, военно-физическое, патриотическое и религиозное воспитание.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

КЛЕМЕШЕВА М.С. (САРАТОВ)

КОРНЕЛИЯ И ДРУГИЕ: МАТЕРИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Процесс воспитания – один из важнейших в любой культуре, потому что именно в нем ребенок усваивает культурные навыки, приобщается к определенному социуму, осознает свое место в мире, понимает, что такое хорошо и что такое плохо. Таким образом, воспитание можно рассматривать как процесс формирования определенной ценностной системы.

Каждое общество создает особую систему воспитания и образования как одно из основополагающих направлений культуры. Римская средиземноморская держава, по всем своим параметрам являясь одним из самых высокоорганизованных обществ древнего мира, имела одну из самых сложных и богатых систем воспроизводства своих основных носителей. Это был довольно продуманный и стройный комплекс, консервативный по тем социальным и культурным установкам, которые он воспроизводил.

Ведущую роль в формировании личности юного римлянина играло домашнее обучение и воспитание. На протяжении всей римской истории семейное воспитание играло большую или меньшую роль, но семья всегда была ответственна за нравственное и гражданское становление юных римлян. Естественно, ведущая роль в воспитании будущих «властителей мира» принадлежала отцу, *pater familias*. Это вполне типично для древних обществ вообще, а для Рима, где власть отца над членами фамилии была поистине безгранична, особенно. Тем не менее, у нас есть ряд свидетельств, разрозненных и далеких от исчерпывающей полноты, которые демонстрируют, что временами место отца могла занимать мать.

Сразу следует сделать оговорку, что все известные нам примеры относятся к высшему обществу¹, и, кроме того, за исключением одного случая, к кризисной эпохе. В условиях гражданской войны, изгнания, других политических сложностей, равно как и в случае длительного отсутствия отца, находящегося на службе, или вообще его смерти, матери приходилось принимать на себя ответственность за образование и воспитание своих детей².

¹ Dixon S. *Cornelia: Mother of the Gracchi*. L.; N.Y., 2007. P. 52.

² Rawson B. *Children and Childhood in Roman Italy*. Oxf., 2003. P. 197.

Традиционное римское мужское воспитание включало в себя три элемента. Самой важной в воспитании мальчиков являлись военно-физическая подготовка, за ней шло образование; третьим элементом был физический труд³. Правда, трудовым воспитанием зачастую пренебрегали. Все три элемента в совокупности встречаются лишь в биографиях Катона Старшего и Гая Мария. В жизнеописаниях других римских героев такой элемент как труд отсутствуют, даже в описании воспитания Катонем сына нет упоминаний о том, что он приобщал сына к сельской жизни и занятиям⁴.

Конечно, физическим воспитанием мальчика преимущественно занимался отец, как это можно увидеть из биографии Катона Старшего: «...он сам обучил мальчика и грамоте, и законам, и гимнастическим упражнениям, обучил его не только метать копье, сражаться в тяжелых доспехах и скакать на коне, но биться на кулаках, терпеть зной и стужу, и вплавь перебираться через реку, изобилующую водоворотами и стремнинами» (Plut. Cat. Min. 20). Однако и мать могла сыграть не последнюю роль, особенно если отец умер. Поскольку «одномужняя жена» (*univira*) по римским традициям была в обществе фигурой почтенной, многие римлянки, лишившись мужа, отказывались от повторного замужества и посвящали себя детям. В этом случае мать играла огромную роль в создании для сына стимулов к военной и гражданской доблести.

Наиболее красноречива здесь история Кориолана. Несмотря на то, что сам ее сюжет носит характер легенды, мы можем увидеть в ней очень любопытные реалии. Так, по рассказу Плутарха, Гней Марций Кориолан свои победы посвящал только матери и добивался славы только, чтобы порадовать её одну. «Другие были отважны ради славы, он искал славы, чтобы порадовать мать. Когда мать слышала, как его хвалят, видела, как его увенчивают венком, плакала от счастья в его объятиях, – в эти минуты он чувствовал, что достиг вершины почета и блаженства... Марций, считая, что матери по праву принадлежит и все то уважение, каким он был бы обязан отцу, не уставал радовать ее и чтить» (Plut. Coriol. 4). И женился он по указанию матери и после свадьбы остался жить с ней в одном доме. Когда встал выбор между смертью и мольбами матери, он уступил той, которая родила его, а сам пошёл на верную гибель,

³ Квашин В.А. Политика, право и религия в жизни римской гражданской общины (III–II вв. до н.э.). Вологда, 2006. С. 135–136.

⁴ Он же. Воспитание по Катону (К вопросу о традиционной системе воспитания в Древнем Риме) // *Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике*. Ярославль, 2003. Т. 1. С. 25.

но не позволил самой родной для себя женщине стоять перед собой на коленях. «Ах, что ты сделала со мною, мать!» – вскричал Марций и поднял Волумнию с земли. Крепко стиснув ей правую руку, он продолжал: «Ты одержала победу, счастливую для отечества, но гибельную для меня. Я уйду, потерпев поражение от тебя лишь одной!» (Plut. Coriol. 36).

Интересно, что под пером греческих авторов эта история выглядит достаточно сентиментально и густо приправлена риторикой. Дионисий Галикарнасский описывает, как, увидев мать, «Марций, до того неумолимый и суровый, способный противостоять всем тяготам, оказался уже не в состоянии следовать своим принципам: чувства быстро взяли верх, и он, обняв мать, стал целовать ее и называть самыми нежными словами и в течение долгого времени, проливая слезы, бережно поддерживал ее, лишившуюся сил и оседающую на землю» (Dion. Hal. VIII.45.1). Под стать этому и поведение матери: ею произносится длинная речь с объяснением того, как и на каких условиях Кориолан может увести вольсков, как следует переносить несчастья благородным людям и т.п. Мать Кориолана выглядит здесь как прилежный ученик греческой риторической школы, аккуратно выполнивший домашнее задание и произносящий в классе составленную им речь. Конечно, вряд ли такое могло быть не только во времена Кориолана, но и в просвещенный век, когда жил Дионисий.

Иначе, без дешёвой риторики, сурово и немногословно выглядит эта сцена в изложении Тита Ливия. «...Он, кого не тронуло ни величие народа, воплощенное в послых, ни олицетворенная богобоязненность, представленная жрецами его взору и сердцу» (II.40.3), уступил авторитету матери. «Объятия жены и детей, стон женщин, толпою оплакивавших свою судьбу и судьбу отчизны, сломили могучего мужа. Обнявши своих, он их отпускает и отводит войско от города прочь», – завершает свой рассказ об этом герое, ставшем предателем, Тит Ливий (II.40.9–10). При всей недостоверности этой истории⁵, следует отметить, что в римском варианте мать, обращаясь к Кориолану, взывает к исконно римским доблестям, патриотизму и соблюдению благочестия в отношении родины, т.е., по всей видимости, именно тех качеств, которые она должна была воспитать у своего сына.

⁵ См.: Сидорович О.В. Гней Марций Кориолан: легенда и история // Античность Европы. Межвузовский сборник научных статей. Пермь, 1992. С. 9–15.

Если от легендарного материала обратиться к историческому, то и хронологически, и по объёму первое место принадлежит здесь Корнелии, матери Гракхов. О её роли в судьбе сыновей упоминает ряд авторов, а кроме того, сохранился фрагмент ее письма, адресованного Гаю, младшему сыну. Впрочем, сентиментальности хватает и здесь – как у древних авторов, так и у современных. Их мать Корнелия, дочь Сципиона Африканского, была «звездой среди римских женщин». Она была умна, образована, прекрасна, её чтили как друзья, так и недруги – так рисуется облик Корнелии в одной из современных работ⁶. Она осталась вдовой с двенадцатью детьми. Существует легенда относительно смерти её мужа. «Сын их, Гай, вспоминает, что отец однажды обнаружил в саду двух змей. Обеспокоенный, он вызвал к себе этрусских гадалек, которые предсказали, что это знак смерти для него, либо для жены. И тогда Тиберий предпринял все попытки, чтобы отвратить гибель от жены и направить её на себя. Через несколько дней он умер» (Plut. Tib. 1; Cic. De div. I.36; Plin. NH. VII.122). Плутарх писал: «Она приняла на себя все заботы о доме и обнаружила столько благородства, здравого смысла и любви к детям, что, казалось, Тиберий сделал прекрасный выбор, решив умереть вместо такой супруги» (Plut. Tib. 1). Известно, что царь Египта Птолемей просил её руки, однако Корнелия осталась верна памяти мужа. Самыми дорогими своими сокровищами, она считала детей. Валерий Максим со ссылкой на Помпония Руфа рассказывает, что некая матрона из Кампании однажды похвалялась перед ней своими драгоценностями. На это Корнелия, указав на сыновей, в это время вернувшихся из школы, сказала: «А вот мои украшения» (Val. Max. IV.4).

Все эти истории призваны продемонстрировать безупречную нравственность Корнелии и ее безграничную любовь к детям. Если теперь мы обратимся от поэзии к реальности, то, прежде всего, необходимо констатировать, что как младшая дочь Сципиона Великого и Эмилии, сестры Эмилия Павла, победившего в битве при Пидне македонян, она была связана со знатнейшими семьями Рима⁷. Однако ко второй половине II в. до н.э. эти семьи уже не обладали первенствующим положением в государстве. Положение Корнелии усугублялось ещё и тем, что она была лишена не только

⁶ Бобровникова Т.Н. Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. М., 2001. С. 350.

⁷ Bernstein A.H. Tiberius Sempronius Gracchus. Tradition and Apostasy. L., 1978. P. 42.

мужа, но и отца⁸, и, таким образом, не имела солидной мужской поддержки.

Корнелия воспитывала детей, руководствуясь примером предков. К детям приглашали пожилую родственницу, отличавшуюся безупречными нравами, которая жила в доме и следила за всеми отпрысками, в присутствии этой женщины недопустимо было ни произнести грубого действия, ни совершить непристойное деяние. «И мать следила не только за тем, как дети учатся и как выполняют свои другие обязанности, но и за их развлечениями и забавами, внося в них благочестие и благопристойность» (Тас. De orat. 28). Она часто рассказывала им о подвигах отца, и, несомненно, рассказы о его блестящей карьере должны были оказать глубокое влияние на амбиции и ценности столь отличных друг от друга сыновей Корнелии⁹. Она их воспитывала «с таким честолюбивым усердием, что они, – бесспорно, самые даровитые среди римлян, – своими прекрасными качествами больше, по-видимому, были обязаны воспитанию, чем природе» (Plut. Tib. 1).

Влияние Корнелии на стиль речи её сыновей отмечает уже Цицерон. По его словам, «для оратора очень важно и то, кого он слушает каждый день дома, с кем он говорит ребенком, каким языком изъясняется его отец, учитель и даже мать. Мы читаем письма Корнелии, матери Гракхов, и с несомненностью видим, что ее сыновья были вскормлены не столько ее молоком, сколько ее речью»¹⁰. Интересно, что Цицерон, крайне негативно относящийся к политической деятельности Гракхов, нигде не попрекает Корнелию за их моральную и политическую близорукость, но всегда воздает должное тому образованию, которое она им дала¹¹.

Согласно Плутарху, Корнелия разжигала в своих детях честолюбие – она часто корила сыновей тем, что римляне все еще зовут ее тещею Сципиона, а не матерью Гракхов (Tib. 8). По иронии судьбы, Корнелия достигла желаемого, и на ее статуе была надпись: CORNELIA AFRICANI F. GRACCHORUM (Корнелия, дочь Африканского, [мать] Гракхов); но заплатить за это звание ей пришлось

⁸ Hallett J.P. *Absent Roman Fathers in the Writing of Their Daughters: Cornelia and Sulpicia // Growing up Fatherless in Antiquity*. Cambr., 2009. P. 190.

⁹ Bernstein A.H. *Op. cit.* P. 42.

¹⁰ Cic. Brut. 210–211. Ср. несколько раньше: «Гракх, благодаря неустанной заботе своей матери Корнелии, с детства получил отличное образование и познакомился с греческой литературой. Он всегда имел лучших греческих учителей» (ibid. 104).

¹¹ Dixon S. *Op. cit.* P. 54.

жизнями обоих своих сыновей¹². При этом, согласно рассказу Сенеки, тем, кто именовал ее несчастной, она гордо отвечала: «Я никогда не назову себя несчастной – я, которая родила Гракхов!» (Sen. Cons. ad Marc. 16.3). Здесь нужно внести определённые коррективы. Что Корнелия стремилась если не разжечь честолюбие своих сыновей, то, во всяком случае, наставить их в семейных традициях служения государству¹³, это несомненно. Но к деятельности своих сыновей она относилась резко отрицательно, о чем свидетельствует её письмо Гаю, дошедшее до нас (Nep. Fr. 59). Здесь она, фактически, принимает на себя роль своего покойного мужа и увещевает Гая отказаться от мести, которая нанесёт вред государству. При этом эмоциональность её обращения связана с тем, что, не обладая *patria potestas*, она не имела реальных рычагов воздействия на мятежного сына¹⁴.

Есть информация и о других матерях, которые оказали на своих сыновей большое влияние. Так, мать руководила воспитанием Квинта Сертория, известного мятежного полководца I в. до н.э. По рассказу Плутарха, Серторий рано лишился отца и воспитывался матерью, которую любил очень сильно (Sert. 2). Правда, сыну было за что любить мать. Судя по тому, что Серторий изучал право, риторiku, небезуспешно выступал перед согражданами и даже приобрел в их среде некоторое влияние (Plut. Sert. 2; Cic. Brut. 180), мать вложила в его воспитание и обучение немало сил и средств. Таким образом, здесь мы имеем не просто сходство с судьбой Корнелии, но и образец идеальной матроны, после смерти мужа посвятившей себя (и не без успеха) воспитанию потомства, а не устройению нового брака¹⁵. Плутарх не пишет, был ли брак с отцом Сертория единственным для его матери, но искусно построенный рассказ биографа невольно создает именно такое впечатление – ведь верность первому мужу считалась нормой для истинной римлянки. Так образ самой родительницы героя обретает идеальные черты, как бы давая понять: от доброго семени – добрый плод.

Тацит упоминает наряду с Корнелией еще двух матрон – Аврелию, мать Цезаря, и Атию, мать Августа (De orat. 28). Об их роли в воспитании их знаменитых сыновей, ставших первыми гражданами Рима, нам известно мало. Однако, так как и Цезарь, и Август

¹² Bernstein A.H. Op. cit. P. 43.

¹³ Hallett J.P. Op. cit. P. 190.

¹⁴ Ibid. P. 181.

¹⁵ Короленков А.В. Женщины в политике Сертория // АМА. 2006. Вып. 12. С. 181.

лишились отцов в раннем детстве, мы можем предполагать, что матери воспитывали их по такому же образцу, сами подбирали им учителей и поддерживали их честолюбивые устремления. Во всяком случае, нам точно известно, что Атия принимала участие в политической жизни Октавиана, и он очень ценил её советы.

Тацит приводит и еще один пример благотворного влияния матери на сына – воспитание своего тестя, известного полководца Юлия Агриколы. По его словам, «мать Агриколы, Юлия Процилла, была женщиной редкой нравственной чистоты. Воспитанный ею в нежной заботе и ласке, Агрикола провел детство и юность в изучении всех благородных наук. Помимо прирожденного целомудрия и благонравия, его уберегло от соблазнов дурного общества также и то, что уже с малых лет его местопребыванием и наставницею в науках стала Массилия, город, в котором переплетаются и уживаются в добром согласии греческая обходительность и провинциальная бережливость. Помню, как он неоднократно рассказывал, что в ранней молодости предался бы изучению философии с неповольным для римлянина и будущего сенатора жаром, если бы благоразумие матери не охладило пыл его горячей души» (Тас. Agric. 4).

Интересно, что в данном случае, в отличие от республиканских традиций, мать не поощряет занятия философией, как то делала Корнелия, а, наоборот, удерживает сына от них. Видимо, это связано с тем, что в императорскую эпоху занятия эти стали подозрительны для властей и могли навлечь беды на не в меру увлекающегося ими юношу.

Таким образом, приведенные примеры демонстрируют, что Рим знал случаи, когда женщинам принадлежала активная роль в воспитании мальчиков. Мать могла заменять им отсутствующего отца, контролировать процесс воспитания, создавать стимулы к активной гражданской деятельности. Но это не было «женское воспитание» мужчины в современном смысле слова; по своей сути оно оставалось тем же воспитанием, которое получали мальчики в других римских семьях.

При этом стоит обратить внимание на то, что во всех приведённых примерах речь идёт о персонажах, которые сыграли неоднозначную роль в римской истории, мятежниках и смутьянах (исключением здесь является лишь Агрикола). Чем это объяснить? Да и возможно ли объяснение? Думается, на два момента указать всё-таки можно. Ни в одном из приведённых случаев мы не слышим о

влиятельных родственников, которые могли бы с детства ввести молодых людей в круг политической элиты. Видимо, определённая ущербность связана здесь именно с этим – дорогу прокладывать приходилось в значительной мере самостоятельно, иногда в нарушение существующих традиций. Матери могли зажечь честолюбие в юношах, но они, видимо, не могли обеспечить пути для его удовлетворения. И второй момент: у матерей, кроме увещевания, не было средств воздействия на сыновей. Таким образом, в процессе материнского воспитания молодые римляне оказывались лишёнными одной из главных составляющих – необходимости следовать жесткой и неукоснительной дисциплине, одной из главных добродетелей достойного гражданина.

АКОПЯН П.А. (ВОЛГОГРАД)

«АРМЯНСКИЙ ВОПРОС» НА РИМСКО-ПАРФЯНСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 92 Г. ДО Н.Э.

Одним из важных последствий каппадокийского конфликта¹ стало расширение зоны контактов Рима с восточными государствами и установление первых контактов с Парфией². Среди них наибольший интерес представляют римско-парфянские переговоры 92 г. до н.э. Несмотря на обилие научных публикаций по этой теме³, лишь некоторые касаются такого ее аспекта, как роль Великой Армении на этих переговорах⁴. Поэтому в статье будет предпринята попытка рассмотрения вопроса об Армении во время римско-парфянских переговоров 92 г. до н.э.

Как сообщает Плутарх, к Сулле, после возвращения каппадокийского престола Ариобарзану I, прибыл посол парфянского царя Митридата II Оробаз (Plut. Sull. V). Между римским военачальником и парфянским послом состоялась встреча, на которой Оробаз предложил заключить договор о союзе и дружбе. Вопрос о том, бы-

¹ Более подробную информацию о каппадокийском конфликте см., напр.: *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира. М., 1966. Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии; *Keaveney A.* Roman Treaties with Parthia circa 95 – circa 64 B.C. // *AJPh.* 1981. Vol. 102, No. 2. P. 195–212; *Манасерян Р.Л.* Борьба Тиграна против экспансии Рима в Каппадокии в 93–91 гг. до н.э. // *ВДИ.* 1985. № 3. С. 109–118; *Ломоури Н.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979. Ч. 1.

² В своей диссертации А.Р. Панов приводит мнение И.Д. Головки, согласно которому отношения Рима с Парфией могли быть установлены еще ранее, в ходе общей борьбы против Селевкидов, но данными источников это предположение не подтверждается (*Панов А.Р.* Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в период поздней республики – ранней империи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.). Дис. ... докт. ист. наук. Н. Новгород, 2009. С. 137).

³ *Бокщанин А.Г.* Указ. соч.; *Головка И.Д.* Римско-парфянские политические взаимоотношения в I в. до н.э. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Одесса, 1952; *он же.* Римсько-парфянські відносини в першій половині I століття до н.э. // *ТОГУ.* Одесса, 1959. Г. ХCV. Т. 149. СИН. Вып. 7. С. 68–80; *Ziegler K.H.* Die Beziehungen zwischen Rom und dem Partherreich. Ein Beitrag zur Geschichte des Volkerrechts. Wiesbaden, 1964; *Badian E.* Roman Imperialism in the Late Republic. Pretoria, 1967; *Keaveney A.* Op. cit.; *Debevoise N.C.* A Political History of Parthia. N.Y., 1968; *Гамкрелидзе А.Ш.* Римско-парфянские взаимоотношения от Суллы до Траяна (с 92 г. до н.э. по 117 г. н.э.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1986; *Смыков Е.В.* Рим и Парфия: первые контакты (к вопросу о договорах Суллы и Лукулла с парфянами) // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности.* Казань, 2000; *Беликов А.П.* Парфия и Рим: истоки взаимного неприятия // *АМА.* 2002. Вып. 11. С. 51–52.

⁴ *Манасерян Р.Л.* Процесс образования державы Тиграна II // *ВДИ.* 1982. № 2. С. 122–138; *Литовченко С.Д.* Армяно-римские отношения в 90-е гг. I в. до н.э. // *Проблемы истории и археологии Украины.* Харьков, 2001. С. 67; *Панов А.Р.* Указ. соч.

ло ли соглашение оформлено, является спорным – в современной историографии имеются как сторонники⁵, так и противники⁶ версии о подписании официального договора. Независимо от того какую форму приобрело римско-парфянское соглашение, сомневаться в самом его существовании не приходится.

Небольшое свидетельство Плутарха относительно римско-парфянских переговоров 92 г. до н.э., к сожалению, подводит нас к некоторым трудностям в выявлении причин и целей состоявшегося мероприятия. Вся информация древнегреческого автора сводится к следующему: «Когда Сулла стоял у Евфрата, к нему явился парфянин Оробаз, посол царя Арсака. До тех пор оба народа еще не соприкасались друг с другом; видимо счастьем своему Сулла обязан и тем, что первым из римлян, к кому обратились парфяне с просьбой о союзе и дружбе, оказался именно он. Рассказывают, что Сулла поставил три кресла – одно для Ариобарзана, другое для Оробаза, третье для себя – и во время переговоров сидел посредине» (Plut. Sull. V).

В исследовательской литературе имеется ряд высказываний относительно того, что Сулла и Оробаз пришли к соглашению, носившему характер конкретного договора, по которому Евфрат должен стать границей территориальных интересов Рима и Парфии⁷. Исходя из предположения К. Циглера, следует, что уже в 92 г. до н.э. перспектива раздела Передней Азии на две сферы господства означала для Армении участь быть зажатой между двумя державами, что было в корне враждебным интересам Армянского государства. Однако нам не удалось найти ни в одном источнике, в том числе и в свидетельствах Плутарха, сведений о том, что Евфрат признается границей сфер влияния и господства между Римом и Парфией. Данные же Плутарха лишь локализуют римско-парфянские переговоры у берегов Евфрата: «Когда Сулла стоял у Евфрата, к нему явился парфянин Оробаз, посол царя Арсака» (Sull. V).

Нельзя не согласиться с выводом А.Р. Панова о том, что предположение о складывании антиармянского римско-парфянского союза делается под воздействием воспроизведения последующих событий, а не в рамках объективного анализа си-

⁵ Debevoise N.C. Op. cit. P. 47; Keaveney A. Op. cit. P. 198.

⁶ Гамкрелидзе А.Ш. Указ. соч. С. 104; Смыков Е.В. Указ. соч. С. 323.

⁷ Ziegler K.H. Op. cit. S. 22–23.

туации конца 90-х гг. I в. до н.э.⁸ Исследователь указывает, что если имя Тиграна и мелькало на переговорах, то явно не при обсуждении центральных вопросов, каковыми были оформление дружеских и союзных отношений⁹.

Очевидно, что проблема складывания антиармянского союза вызвана неоднозначностью сведений, которые нам предоставляют античные авторы: *amicitia* Тита Ливия (Ерп. LXX) и *Πάρθους συμμαχίας καὶ φιλίας δεομένους* Плутарха (Sull. V). Международные отношения на территории Передней Азии к 92 г. до н.э. определяются такими основными акторами, как Великая Армения (держава Тигран II Великого), процесс образования которой пока не был еще завершен, но в арсенале которой уже имелись успешные завоевания ближневосточных территорий, в первую очередь за счет Парфии и Сирии (Strabo XI.14.15); Парфия с ее ярко выраженным экспансионизмом в отношении Армении; государство Селевкидов, в зоне влияния которого находилось армянское царство Цопк (Софена); Понтийское царство и Рим, который не скрывал своего желания подчинить себе все территории Малой и Передней Азии, Египет и другие страны. Поэтому *συμμαχία*, которую предлагал Митридат II Риму, в данном контексте может быть понята как оборонительно-наступательный военный союз¹⁰ Парфии и Рима против третьего государства.

Таким образом, ввиду скудности данных античных авторов, основной вывод работы носит предварительный характер и заключается в следующем. Вопрос об Армении мог стать одной из возможных тем для обсуждений, поднимаемых во время римско-парфянских переговоров 92 г. до н.э., но только лишь в контексте заключения военного союза против третьего государства, о чем могут свидетельствовать как употребление Плутархом термина *συμμαχία*, так и сложившаяся международная обстановка в указанный период.

⁸ Панов А.Р. Указ. соч. С. 138.

⁹ Там же.

¹⁰ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 2. S.v.

ЧЕРКАСОВА С.В. (САМАРА)

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ ЛУЦИЯ ЛИЦИНИЯ ЛУКУЛЛА И ГНЕЯ ПОМПЕЯ МАГНА В ХОДЕ III МИТРИДАТОВОЙ ВОЙНЫ

В крушении Понтийской державы Митридата VI Евпатора наибольшую роль из римских военачальников сыграли Луций Лициний Лукулл и Гней Помпей Магн. При этом и в античной, и современной историографии господствует в целом отрицательная оценка деятельности Лукулла и положительная – Помпея (Memnon. 15.36 f; App. Mithr. 69 ff; Cic. Mur. 31 f; Oros. 6.2 f; Plut. Luc. 6 ff)¹. Одной из главных причин тому, по моему мнению, была оценка древними авторами степени легитимности их полномочий.

Целью данной работы и является попытка проанализировать особенности полномочий Лукулла и Помпея во время III Митридатовой войны.

В середине 70-х гг. Лукулл находился на вершине своей славы. Его власть постепенно распространилась на значительные территории. Для понимания последующих событий важно учитывать, каким образом он получил эту власть. Первоначально Лукуллу удалось добиться замены доставшейся ему по жребию по окончании консулата Цизальпинской Галлии на Киликию, правитель которой (пропретор Октавий) умер в начале 74 г. до н.э. (Plut. Luc. 6.1–6)²; одновременно в Вифинию был назначен консул М. Аврелий Кота (Memnon. XV.37.1; App. Mithr. 71; Plut. Luc. 6.7). При этом следует отметить, что ведение наступательной войны было поручено Лукуллу. Цицерон и Плутарх четко разграничивают обязанности Котты и Лукулла: первый должен был охранять Вифинию, а второй – вести войну с царем. Аппиан и Мемнон прямо говорят о назначении Лукулла главнокомандующим (Memnon. XV.37.1; App. Mithr. 72; Cic. Mur. 33; Plut. Luc. 6.7)³.

Однако Котта, не обладавший военными талантами⁴, тоже жаждал лавров победителя. Результатом этих притязаний стало по-

¹ Keaveney A. Lucullus. L., 1992; Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. I–II; Смыков Е.В. Луций Лициний Лукулл: полководец и общественное мнение // АМА. 1999. Вып. 10.

² Смыков Е.В. Указ. соч. С. 52.

³ Erciyas D.B. Wealth, Aristocracy and Royal Propaganda under the Hellenistic Kingdom of the Mithradatids. Leiden; Boston, 2006. P. 62; Magie D. Op. cit. P. 323.

⁴ Аппиан дает весьма нелестную оценку его качеств (Mithr. 71): «человек, в военном отношении слабый».

ражение его войска и осада Калхедона Митридатом, причем сам Котта был заперт в осажденном городе и избавлен от осады лишь своевременно подоспевшим Лукуллом (App. Mithr. 72; Oros. 6.2.13; Plut. Luc. 8 f), что отмечено в записи о триумфе Лукулла: *conlegam suum pulsum a rege Mithridate, cum se in Calchedona contulisset, opsidione liberavit* (Dess. 60)⁵. Впоследствии Котта не играет активной роли в войне, Аппиан и Плутарх его даже больше не упоминают. В 70 г. он отбывает в Рим, предварительно отослав свои войска Лукуллу (Memnon. XVI.52.2).

В 73 г. Лукулл был назначен проконсулом в Азию (Memnon. XV.37.1)⁶. Веллей Патеркул утверждает, что она досталась ему после консульства по жребию (II.33.1: *ex consulatu sortitus*), но, видимо, это ошибка, поскольку жребий доставил ему Цизальпинскую Галлию. В 72 г. Лукулл становится проконсулом и Вифинии, и Понта⁷.

В распоряжении у Лукулла было 2 бывших легиона Сервилия Исаврика, 2 легиона «фимбрианцев» и легион, который ему было разрешено набрать в Италии, чтобы отправиться с ним на Восток. Итоговые силы оцениваются примерно в 30000 пехоты и 2500 конницы; ему подчинялись как минимум 6 легатов, которые в случае его отсутствия могли быть наделены полномочиями независимого командования (App. Mithr. 72; Plut. Luc. 7)⁸.

Таким образом, Лукулл постепенно, но достаточно быстро (в течение 3 лет), получил власть сразу над провинциями Азией, Киликией, а также над Вифинией и Понтом, но именно это было его слабым местом, так как, в сущности, плохо вязалось с римской республиканской конституцией. После восстановления досулланских порядков в 70 г. такая концентрация власти в руках одного человека, тем более известного своей близостью к Сулле (то, что это в данное время служило плохой рекомендацией, видно из сообщаемого Титом Ливием факта: сразу же после восстановления досулланской конституции цензоры исключили из Сената 64 человека (Erit. 98) – не менее 1/8 его состава], не могла не настораживать, хотя Лукулл до этого не участвовал в вооруженной политической

⁵ Цит. по: Смыков Е.В. Указ. соч. С. 52.

⁶ Crawford M. The Roman Republic. Hassocks, 1978. P. 155.

⁷ Keaveney A. Op. cit. P. 75; Смыков Е.В. Указ. соч. С. 53.

⁸ Downey G. The Occupation of Syria by the Romans // TAPhA. 1939. Vol. 70. P. 151; Hooke N. The Roman History from the Building of Rome to the Ruin of the Commonwealth. L., 1806. Vol. VIII. P. 8; Magie D. Op. cit. P. 324; Sherwin-White A.N. Rome, Pamphylia and Cilicia, 133–70 BC // JRS. 1976. Vol. 66. P. 11; Абрамзон М.Г. Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н.э. – 74 г. н.э.). СПб., 2005. С. 77; Смыков Е.В. Указ. соч. С. 55.

борьбе как самостоятельная политическая фигура, пользуясь исключительно легальными методами⁹.

Таким образом, прежде всего недоверием к Лукуллу следует объяснять то, что в то время, как он руководит войной против Митридата, Лукулла постепенно лишают статуса наместника всех трех провинций; в 69 г. его лишают Азии, переданной Долабелле, затем, в 68 г. – Киликии, переданной Марцию Рексу, наконец – Вифинии и Понта, переданных в 67 г. Манию Ацилию Глабриону (Dio Cass. XXXVI.2.2; Cic. De imp. 26; Sall. Hist. Fr. V.13). Комментируя происшедшее, Цицерон заявляет: «...вы, следуя древнейшему обычаю (*vetere exemplo*), сочли нужным ограничить продолжительность его империя» (Cic. De imp. 26). Следовательно, поводом к замене Лукулла была неконституционность сосредоточения такой власти в одних руках¹⁰. К тому же на тот момент он уже публично заявил о своей победе, вызвав комиссию десяти, и ограничение его власти, учитывая память о Сулле, должно было казаться весьма своевременным.

Помпей в рассматриваемый период дважды становился держателем экстраординарных полномочий и чрезвычайных военных сил – сначала для борьбы с пиратством (закон Габиния, 67 г.), а затем для завершения войны с Митридатом VI Евпатором (закон Манилия, 66 г.).

В 67 г. плебейский трибун Авл Габиний внес на обсуждение в народное собрание законопроект о полномочиях на ведение войны против пиратов (*de piratis persequendis*). На пост главнокомандующего был избран на 3 года Гней Помпей. Это были экстраординарные полномочия, исходившие от комиций и предоставленные по предложению плебейских трибунов (Cic. De imp. 34; Sall. Hist. Fr. V.II.19; Liv. Epit. 99; Plut. Pomp. 25; App. Mithr. 94; Strabo XIV.3.3; Vell. Pat. II.31.2; Flor. I.41.7; Eutr. VI.12)¹¹.

Согласно данному закону, Помпей назначался единым военачальником для решения пиратского вопроса¹² и получал неограниченную власть над всем побережьем Средиземного моря вплоть до Гибралтарского пролива на западе и побережья Черного моря на

⁹ Keaveney A. Op. cit. P. 78; Моммзен Т. История Рима. М., 1941. Т. 3. С. 70; Смыков Е.В. Указ. соч. С. 53.

¹⁰ Смыков Е.В. Указ. соч. С. 54.

¹¹ Voak A.E.R. The Extraordinary Commands from 80 to 48 BC: A Study in the Origins of the Principate // AHR. 1918. Vol. 24. No. 1. P. 11; Cary M. The Lex Gabinia once more // CR. 1924. Vol. 38. No. 7/8. P. 164; Magie D. Op. cit. P. 298; Stuart Jones H. A Roman Law Concerning Piracy // JRS. 1926. Vol. 16. P. 169.

¹² Cic. De imp. 52: ... *lex de uno imperatore contra piratos constituendo*.

востоке. Однако права расширялись за счет того, что эта власть распространялась и на прибрежные земли на 4000 стадий (около 80 км) вглубь от береговой черты. Всем царям и правителям, подчинившимся римлянам или находившимся в союзе с ними, было отправлено указание всячески содействовать Помпею; ему самому было дано право самостоятельно выбирать себе подчиненных командиров, набирать войско и собирать необходимые для нужд его армии денежные средства (App. Mithr. 94; Plut. Pomp. 25; Vell. Pat. II.31.2)¹³. Можно с уверенностью сказать, что до того времени ни одному человеку (кроме Суллы) не предоставлялись столь большие полномочия¹⁴.

Часть исследователей полагает, что империй Помпея был *imperium maius* в том смысле, что он обладал свободой в принятии решений по вопросам не только военным, но и экономическим¹⁵; другие же считают, что его империй был *maius imperium infinitum*¹⁶. Некоторые уточняют его как *imperium infinitum aequum*¹⁷. Однако Помпей получал *imperium pro consule*, и это не был *imperium maius*, который имел бы власть и над другими проконсулами. Это уже другой аспект закона Габиния. Помпей назначал своих собственных легатов, и они получали *imperium pro praetore* (App. Mithr. 94; Plut. Pomp. 25)¹⁸. Помпей имел *imperium maius* по отношению к своим *legati*, но это был обычный *imperium maius* любого командующего.

Большинство же современных исследователей полагает, что его империй был *imperium aequum* и не был *infinitum*: *ei imperium aequum in omnibus provinciis cum proconsulibus usque ad quinquagesimum miliarium a mari* (Vell. Pat. II.31)¹⁹.

¹³ Downey G. Op. cit. P. 150; Hickson-Hahn F. Pompey's "Supplicatio Duplicata": A Novel form of Thanksgiving // Phoenix. 2000. Vol. 54. No. 3/4. P. 245; Sestier J.M. La piraterie dans l'antiquité. P., 1880. P. 206; Игнатенко А.В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1988. С. 132.

¹⁴ Boak A.E.R. Op. cit. P. 12; Ehrenberg V. Imperium Maius in the Roman Republic // AJPh. 1953. Vol. 74. No. 2. P. 118; Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East // CAH². 1994. Vol. 9. P. 249; Wylie J.M. Pompey megalopsychos // Klio. 1990. Vol. 72. No. 2. P. 446; Эгер О. Всемирная история. М., 1999. Т. 1. Древний мир. С. 571; Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 56; Зелинский Ф.Ф. Римская республика. СПб., 2002. С. 346.

¹⁵ Loader W.R. Pompey's command under the Lex Gabinia // CR. 1940. Vol. 54. No. 3. P. 134.

¹⁶ Ormerod H.A. Piracy in the Ancient World. Liverpool, 1978. P. 219.

¹⁷ Boak A.E.R. Op. cit. P. 12.

¹⁸ Stuart Jones H. Op. cit. P. 172.

¹⁹ Downey G. Op. cit. P. 150; Loader W.R. Op. cit. P. 135.

Итоговые силы Помпея оцениваются в 500 вымпелов (по мнению Аппиана – 270 кораблей²⁰; в его распоряжение давалось 120 тыс. пехотинцев (20 легионов) и около 4 тыс. всадников (по мнению Голдсуорти и Сестье – 5 тыс.) (Mithr. 94)²¹.

Народный трибун Гай Манилий в 66 г. до н.э. выступил с предложением отозвать наместника Глабриона из Вифинии и Понта, а Марция Рекса из Киликии и передать эти должности Помпею. Также он внес законопроект о передаче Помпею командования на Востоке с вручением ему высшего империя (*imperium maius*) по отношению к другим полководцам – проконсулам и пропреторам, с правом самостоятельно объявлять войну и заключать мир, а также обустраивать жизнь в провинциях (App. Mithr. 97; Plut. Pomp. 30; Dio Cass. XXXVI.42.4)²². Новые полномочия предоставлялись Помпею на неопределенный срок²³. Учитывая, что по закону Габиния империй предоставлялся Помпею на 3 года, то по-прежнему в своем распоряжении он имел своих легатов и главенствовал на море (Cic. De imp. 24.69; Plut. Pomp. 30).

Предложение Манилия поддержал Цицерон, который позднее опубликовал речь, произнесенную им в поддержку этого закона, заявив, что Помпей в избытке обладал четырьмя основными качествами великого полководца, а именно: знанием военного дела, мужеством, авторитетом и везением (*scientiam rei militaris, virtutem, auctoritatem, felicitatem*)²⁴. Относительно Лукулла Цицерон отметил, что замена его Помпеем была связана с тем, что он перестал руководить военными действиями, в результате чего оказались под угрозой интересы римского народа на Востоке, его “*certissima vectigalia et maxima*” (Cic. De imp. 5–6). Несмотря на то, что предложение не было воспринято с одобрением в сенате, данный законопроект (*lex Manilla*) был принят народным собранием (Vell. Pat. II.33.2; Liv. Epit. 100)²⁵.

²⁰ Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 1997. Т. I. С. 136.

²¹ Ormerod H.A. Op. cit. P. 234; Sestier J.M. Op. cit. P. 208; Голдсуорти А. Римский Александр: Помпей Великий // Голдсуорти А. Во имя Рима. М., 2006 // <http://www.roman-glory.com/03-04-15>; Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. С. 377.

²² Balsdon J.P.V.D. Consular provinces under the Late Republic, I. General Considerations // JRS. 1939. Vol. 29. P. 70; Ehrenberg V. Op. cit. P. 120; Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 250; Абрамзон М.Г. Римское владычество. С. 90; Молев Е.А. Властитель Понта. Н. Новгород, 1995. С. 127.

²³ Boak A.E.R. Op. cit. P. 13; Моммзен Т. Указ. соч. С. 96.

²⁴ Magie D. Op. cit. P. 351; Wylie G.J. Op. cit. P. 448.

²⁵ Collins H.P. Decline and fall of Pompey the Great // Greece & Rome. 1953. Vol. 22. No. 66. P. 103; Downey G. Op. cit. P. 151; Magie D. Op. cit. P. 351; Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 250.

Следовательно, утвердившееся в современной историографии мнение, согласно которому полномочия Помпея были законными, Лукулла же – незаконными, т.к. последний действовал вне правового поля, нуждается в значительном уточнении. Полномочия обоих военачальников превосходили традиционные полномочия римского полководца, что было продиктовано военной ситуацией. Однако полномочия Лукулла расширялись постепенно постановлениями сената, полномочия же Помпея оформились сразу, посредством специальных законов. Определенную роль, видимо, сыграло то обстоятельство, что оформление полномочий Помпея происходило на фоне уже сложившихся постепенно полномочий Лукулла и воспринималось менее болезненно. Все это делало положение Помпея в глазах современников гораздо более легитимным.

ЧЕРКАСОВА С.В. (САМАРА)

РИМСКО-КРИТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 70-60 ГГ. I В. ДО Н.Э.

Особую страницу в истории римской восточной политики представляют столкновения со средиземноморскими пиратами. Во второй половине II – первой трети I вв. средиземноморское пиратство достигает необычайного расцвета, что создает значительные препятствия для эффективного управления внеиталийскими владениями Рима¹. Решение пиратского вопроса становилось все более необходимым мероприятием для новой средиземноморской державы.

Одним из регионов, где никак не удавалось уничтожить пиратство, были прилегающие к Криту воды. Остров Крит с древнейших времен играл значительную роль в развитии средиземноморского пиратства. Установление римского господства в восточном Средиземноморье привело к интенсификации контактов с Критом, учитывая его важное стратегическое положение в регионе. Постепенно отношения Рима и критских полисов эволюционировали во враждебные, особенно обострившись в первой половине – середине I в. до н.э. Причиной тому послужила поддержка критянами врагов Рима².

На рубеже 70–60-х гг. до н.э. пиратская проблема особенно обостряется. В 74 г. до н.э. в Риме свирепствовал голод вследствие неурожая и, главным образом, невозможности нормально подвозить продовольствие, в том числе и из-за пиратского разбоя³.

Однако относительно подробная информация о критско-римских отношениях содержится в источниках, начиная с событий второй половины 70-х гг. до н.э., связанных с пиратской угрозой. В рамках борьбы с пиратством в целом и на Крите в частности, в 74 г.

¹ *Boak A.E.R.* The extraordinary commands from 80 to 48 BC: a Study in the Origins of the Principate // *AHR*. 1918. Vol. 24. No. 1. P. 8; *Cary M.* The Lex Gabinia once more // *CR*. 1924. Vol. 38. No. 7/8. P. 163; *Ormerod H.A.* Piracy in the Ancient World. Liverpool, 1978. P. 219; *Sherwin-White A.N.* Roman Foreign Policy in the East 168 BC. to AD. 1. L., 1984. P. 157; *Stuart Jones H.* A Roman Law concerning Piracy // *JRS*. 1926. Vol. 16. P. 160; *Игнатенко А.В.* Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре. Свердловск, 1988. С. 132–133.

² *Armstrong R.* Cretan women: Pasiphae, Ariadne, and Phaedra in Latin poetry. Oxf., 2006. P. 307; *Гурин И.Г.* Серторийская война (82–71 гг.). Испанские провинции Римской Республики в начальный период гражданских войн. Самара, 2001. С. 248.

³ *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. М., 1966. Ч. 2. Система политического дуализма в Передней Азии. С. 34.

претору Марку Антонию⁴ сенатом была дана власть над всеми морскими берегами, находящимися под римским управлением (Cic. Verr. II.2.8, III.2.13)⁵. Собственно, для данной кампании была создана новая, особая магистратура – морской главнокомандующий⁶.

Его империй был определен сенатом как *imperium infinitum aequum* (Vell. Pat. II.31.3; Cic. Verr. II.2.8; III.2.13)⁷; Цицерон же говорит об *imperium infinitum*, поскольку он не был ограничен конкретными пределами (Cic. Verr. II.2.8, III.2.13), к тому же он получал *curatio infinita totius orae maritimae* (Ps.-Ascon. 202, 259)⁸ (у Саллюстия – “... orae maritimae qua Romanum esset imperium curator nocentior piratis” (Sall. Hist. Fr. III.2)).

О греческой интерпретации империя Антония можно судить благодаря надписи из Эпидавра, согласно которой Марк Антоний признавался τῷ ἐπὶ τῶν πάντων στρατηγῷ⁹. Веллей Патеркул нам сообщает, что империй Антония был равен империи Помпея (67 г.): *paene totius terrarum orbis imperium* (II.31). Однако полномочия Антония были ограничены временем: то есть это была обычная магистратура, которая пролонгировалась (каждый год), до тех пор, пока *bellum adversus Cretenses parum prospere gestum morte sua finivit* (Liv. Erit. 97; App. Sic. 6.1)¹⁰. Таким образом Марк Антоний признавался единым военачальником для войны против пиратов, и его полномочия в ведении военных действий не были ограничены территориально.

В обязанности Антония входило набрать и экипировать флот из провинций¹¹. Помимо него у Антония была конница (Sall. Hist. Fr. III.6). О качестве и количестве набранных им сил можно лишь сказать, по свидетельствам античных авторов, что они были недостаточны для квалифицированного и успешного ведения антипи-

⁴ Сын Марка Антония, проконсула 102 г., и отец триумвира (App. Sic. 6.1).

⁵ Boak A.E.R. Op. cit. P. 8; Cary M. Op. cit. P. 163; Sherwin-White A.N. Op. cit. P. 162; Stuart Jones H. Op. cit. P. 160; Абрамзон М.Г. Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н.э. – 74 г. н.э.). СПб., 2005. С. 78; Игнатенко А.В. Указ. соч. С. 132–133.

⁶ Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. I. P. 292; Sherwin-White A.N. Op. cit. P. 157.

⁷ Boak A.E.R. Op. cit. P. 8; Cary M. Op. cit. P. 163; Ormerod H.A. Op. cit. P. 219; Sherwin-White A.N. Op. cit. P. 157; Stuart Jones H. Op. cit. P. 160; Игнатенко А.В. Указ. соч. С. 132–133.

⁸ Цит. по: Абрамзон М.Г. Указ. соч. С. 78.

⁹ Цит. по: Boak A.E.R. Op. cit. P. 8.

¹⁰ Ehrenberg V. Imperium Maius in the Roman Republic // AJPh. 1953. Vol. 74. No. 2. P. 117; Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East // CAH². 1994. Vol. 9. P. 249.

¹¹ Ormerod H.A. Op. cit. P. 224; Моммзен Т. История Рима. М., 1941. Т. 3. С. 67.

ратской кампании (Cic. Verr. II.2.8; Flor. I.42.2–3; Plut. Ant. 1). К тому же Т. Моммзен отмечает, что флот, организованный для борьбы с пиратами, был весьма дорогим¹²; однако, А. Шервин-Уайт считает, что флот Антония был весьма значителен, но тут же добавляет, что сведений в источниках по этому поводу нет¹³.

Видимо, по этим причинам действия Антония не были удачными: он не был обеспечен соответствующим его обширной задаче количеством денег и судов; к тому же сказались личные качества полководца – для него гораздо интереснее было то, что он сам получит в результате этих действий, чем то, что может выиграть Рим. Античные авторы в целом относятся к действиям Антония довольно скептически и иронически. Так, у Флора мы находим такую оценку полководца: он настолько был уверен в победе, что «вез на кораблях больше оков для пленных, чем оружия» (Flor. I.42.2). Таким образом, складывается общее представление о невысоких профессиональных качествах Марка Антония как полководца.

С определенным успехом Антоний вел действия в западном регионе, по побережьям Сицилии и Испании, но когда он начинает борьбу с критскими пиратами, то здесь его постигает неудача¹⁴. Пятилетние действия против пиратов закончились безрезультатно, более того, сам Марк Антоний был разбит на море критским флотом, принудившим его заключить с Критом мирный договор (App. Sic. 6.1). Так ничего и не добившись, Антоний умер в 71 г. до н.э.¹⁵ (Liv. Epit. 97).

За свою деятельность Антоний получил от современников ироничное прозвище Критский¹⁶. Однако, по мнению современных исследователей, прозвище Антонием было получено как почетное, поскольку поставки хлеба в Рим стабилизировались, а совместные действия критян и Митридата на некоторое время приостановились. Данное *cognomina* было дано ему, скорее всего, не сенатом, а прежде всего его солдатами¹⁷.

В 70 г. до н.э. послы критян явились в Рим с предложением о возвращении пленных и восстановлении союза. И они едва не до-

¹² Моммзен Т. Указ. соч. С. 67.

¹³ Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 249.

¹⁴ Armstrong R. Op. cit. P. 307–308; Magie D. Op. cit. P. 292–293.

¹⁵ Моммзен Т. Указ. соч. С. 67; Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 1997. Т. I. С. 101.

¹⁶ Armstrong R. Op. cit. P. 308; Magie D. Op. cit. P. 293; Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 249; Ферреро Г. Указ. соч. С. 101.

¹⁷ Linderski J. The Surname of M. Antonius Creticus and the *cognomina ex vicibus gentibus* // ZPE. 1990. No. 80. P. 164.

бились положительного результата. Но римский сенат постановил, что критские общины, если они хотят избежать войны, должны были выдать Риму, помимо римских пленных, своих вожаков Ласфена и Панара, а также все корабли и лодки, имевшие четыре или более весел, выставить 400 заложников и уплатить штраф в 4 тысячи талантов. На это критские послы ответили, что они не уполномочены на принятие таких условий. Тогда было принято решение о том, чтобы один из консулов следующего года по истечении срока его должности отправился на Крит, чтобы или получить требуемую компенсацию или же начать войну¹⁸.

В соответствии с этим решением в 68 г. проконсул Квинт Цецилий Метелл был отправлен на Крит с заданием ликвидировать это второе по значению после Киликии гнездо пиратов в Средиземном море¹⁹. Благодаря Орозию, можно сказать, что в распоряжении Квинта Метелла были пехота и флот, поскольку он оперировал на суше и на море (Oros. VI.3.5.)²⁰. Т. Моммзен утверждает, что Метелл высадился на Крите с тремя легионами, однако, откуда он почерпнул подобную информацию – неизвестно²¹. Встречала римское войско критская армия в 24 тысячи человек под начальством Ласфена и Панара²².

В 67 г. он завоевывает город Кносс, Ликт, Кидонию и др. (Flor. I.42.7.4; App. Sic. 6.2; Oros. VI.3.5; Liv. Epit. 98; Vell. Pat. II.33.1)²³; Успехи Метелла отразились на положении дел в других регионах Средиземноморья (Oros. VI.3.5).

Чуть позже у Метелла возник конфликт с Помпеем, поскольку он считал, что Помпей отнимает у него военную славу, послав на Крит своего легата для принятия сдавшихся городов (App. Sic. 6.2; Flor. I.42.6; Liv. Epit. 99), причем Патеркул и Флор по-разному оценивают поведение Помпея²⁴. Ситуацию удалось урегулировать, и

¹⁸ Magie D. Op. cit. P. 293; Sestier J.M. La piraterie dans l'antiquité. P., 1880. P. 197; Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 249; Моммзен Т. Указ. соч. С. 67.

¹⁹ Armstrong R. Op. cit. P. 308; Феррепо Г. Указ. соч. С. 137.

²⁰ ...quem mox navali terrestrique proelio comminutum Sicilia decedere compulit.

²¹ Моммзен Т. Указ. соч. С. 68.

²² Там же.

²³ Sestier J.M. Op. cit. P. 198; Моммзен Т. Указ. соч. С. 67–68; Хаджидаки Э. Критское эллинистическое пиратство // ВДИ. 1992. № 2. С. 158.

²⁴ Патеркул обвиняет Помпея в излишнем стремлении к славе, Флор же объясняет его вмешательство стремлением спасти побежденных критян от жестокости Метелла (Vell. Pat. II.33.2; Flor. I.42.6).

год спустя (т.е. в 66 г.) «Квинт Метелл подчиняет римским законам» остров Крит (App. Sic. 6.2; Liv. Epit. 100; Plut. Pomp. 29)²⁵.

По словам Аппиана, Метелл был «прозван Критским с большим основанием, чем Антоний» (App. Sic. 6.2) и, в отличие от Антония, его прозвище Критский было “*confecto bello ... ex virtute*”²⁶. О кампании Метелла никогда не говорили, что его война была столь же успешной, как и Помпея, в ходе которой были уничтожены очаги средиземноморского пиратства, что, однако, не помешало ему в 62 г. до н.э. все таки справить триумф за свои деяния (Liv. Epit. 49; App. Sic. 6; Plut. Pomp. 29; Dio Cass. XXXVI.17–19; 45.1)²⁷.

Крит являлся последним значительным оплотом пиратства, который был подчинен Римской республикой, в результате чего проблема морского разбоя была временно ликвидирована (App. Mithr. 96; Cic. De imp. XI.31; Oros. VI.4.1)²⁸.

Таким образом, только после того как действия критян и их союзников стали угрожать жизненным интересам Рима и Италии, правящие круги Римской республики обратили пристальное внимание на положение дел на этом большом острове, играющем важную роль в истории Средиземноморья. До этого, судя по всему, положение дел на Крите Рим не интересовало, что может послужить примером политики римского государства в отношении зависимых от него регионов.

²⁵ Oros. VI.4.2: ...*legesque Minois Romanis legibus permutavit*. См.: Sherwin-White A.N. Lucullus, Pompey and the East. P. 250; Sestier J.M. Op. cit. P. 199; Бунпер Р.Ю. Избранные сочинения. Ростов-на-Дону, 1995. Т. 1. С. 376; Моммзен Т. Указ. соч. С. 100–101; Ферреро Г. Указ. соч. С. 141.

²⁶ Linderski J. Op. cit. P. 164.

²⁷ Armstrong R. Op. cit. P. 308.

²⁸ Balsdon J.P.V.D. Consular Provinces under the Late Republic, I. General considerations // JRS. 1939. Vol. 29. P. 73; Magie D. Op. cit. P. 301; Millar F. The Mediterranean and the Roman Revolution: Politics, War and the Economy // Past and Present. 1984. No. 102. P. 11; Reynolds J. Cyrenaica, Pompey and Cn. Cornelius Lentulus Marcellinus // JRS. 1962. Vol. 52. P. 100; Ферреро Г. Указ. соч. С. 137.

ХРУСТАЛЕВ В.К. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНОГО ТРИБУНА ГАЯ КОРНЕЛИЯ И ПРИНЯТИЕ *LEX CALPURNIA DE AMBITU*

Гай Корнелий не является по-настоящему крупной фигурой в политической жизни Римской Республики I в. до н.э. Наши сведения о его биографии крайне скудны. Известно, что он служил квестором у Гнея Помпея Великого, скорее всего, в Испании, во время войны с Серторием (Ascon. 57, 61 Clark). По возвращении Корнелий был избран народным трибуном на 67 г.¹ В период пребывания в этой должности он действует активно и энергично, а после 65 г. бесследно исчезает со страниц истории. Похоже, что этот трибунал так и остался венцом его политической карьеры.

Деятельность Гая Корнелия в период его насыщенного событиями трибуната рассматривается в ряде исследований². В данной статье мы сосредоточимся лишь на одном ее аспекте, а именно на борьбе Корнелия за принятие нового закона о подкупе избирателей.

Проблема эта не нова. Различные нарушения, связанные с выборами должностных лиц, фиксируются с более ранних времен³. В римском праве подобные злоупотребления квалифицировались как *ambitus* – незаконное домогательство должности. Вообще, определение понятия *ambitus* достаточно расплывчато. Под него попадали все правонарушения, совершаемые кандидатами во время предвыборной кампании для того, чтобы обеспечить себе поддержку избирателей. В первую очередь, это был, конечно, прямой подкуп деньгами. В целях обеспечения необходимой секретности при подкупе использовалась целая система промежуточных звеньев, которая включала: *interpretes* (переговорщиков) – лиц, договаривавшихся о сделке, и *divisores* (раздатчиков) – людей, непосредственно распределявших деньги среди избирателей по трибам. Иногда к

¹ Все даты в настоящей работе – до н.э.

² Griffin M. The tribune C. Cornelius // JRS. 1973. Vol. 63. P. 196–213; McDonald W. The Tribunate of Cornelius // CQ. 1929. Vol. 23. P. 196–208; Seager R. The Tribunate of Cornelius: Some Ramifications // Hommages à Marcel Renard. Brussels, 1969. Vol. 2. P. 680–686; Ward A.M. Politics in the trials of Manilius and Cornelius // TAPhA. 1970. Vol. 101. P. 545–556.

³ Подробнее об этом см.: Lintott A. Electoral bribery in the Roman Republic // JRS. 1990. Vol. 80. P. 3–7.

этой операции привлекали также посредников – *sequestres*, которые сохраняли деньги у себя и раздавали их уже после выборов.

Однако кандидаты пользовались и более изощренными способами. Яркую картину тех средств и уловок, к которым прибегали соискатели государственных должностей, рисует «Краткое наставление по соисканию» (*Commentariolum petitionis*) Квинта Цицерона⁴. Римские традиции требовали от кандидата «радушия» (*benignitas*) и «щедрости» (*liberalitas*) по отношению к своим избирателям, которые считались вполне законными, в отличие от «домогательства» (*ambitus*) и «подкупа» (*largitio*). Соискатель повсюду ходил в окружении толпы сопровождающих (*adsectatores*), и по их количеству судили о его влиянии и популярности. В свиту кандидата входили клиенты, которые, среди прочего, должны были поддерживать своего патрона на выборах; это были лица, чем-либо ему обязанные или, наоборот, рассчитывающие на его покровительство. Подобная практика первоначально никак не регулировалась и открывала широкие возможности для злоупотреблений. Стремясь увеличить число своих сопровождающих, кандидаты устраивали для них пышные банкеты, предоставляли им места на играх, наконец, просто платили им деньги (*Cic. Mur.* 67–70). Еще одной уловкой, которую использовали кандидаты на выборах, было использование номенклаторов (*nomenclatores*). Номенклатором назывался раб, сопровождавший кандидата и сообщавший ему имена встречаемых избирателей, чтобы соискатель мог их поприветствовать⁵. Упомянем также о гладиаторских играх, которые устраивались кандидатами для того, чтобы завоевать расположение плебса (*Ascon.* 88 Clark).

⁴ Вопрос об авторстве «Краткого наставления...» до сих пор остается дискуссионным в историографии. С некоторыми аргументами «за» и «против» авторства Квинта Цицерона можно познакомиться, в частности, в следующих работах: *Balsdon J.P.* *The Commentariolum petitionis* // *CQ.* 1963. Vol. 13. P. 242–250; *Hendrickson J.L.* *On the authenticity of the Commentariolum petitionis of Quintus Cicero* // *AJPh.* 1892. Vol. 13. P. 200–212; *McDermott W.C.* *Commentariolum petitionis 2* // *Historia.* 1970. Bd. 19. Ht. 3. S. 384–385; *Nisbet R.G.* *The Commentariolum petitionis: some arguments against authenticity* // *JRS.* 1961. Vol. 51. P. 84–87; *Richardson J.S.* *The Commentariolum petitionis* // *Historia.* 1971. Bd. 20. Ht. 4. S. 436–442. Как бы то ни было, это произведение остается ценным свидетельством реальной политической практики в Римской республике в последние десятилетия ее существования.

⁵ Этот обычай был настолько распространенным, что, когда Марк Катон Младший баллотировался в военные трибуны, он был единственным из всех кандидатов, который следовал существующему закону и не прибегал к услугам номенклатора, чем немало удивил и даже смутил своих приверженцев (*Plut. Cat. Min.* 8).

В 60-е гг. проблема борьбы с этим видом преступлений встала особенно остро. В 70 г. была восстановлена цензура, упразднённый Суллой. Цензорами стали два консула 72 г., Луций Геллий Попликола и Гней Корнелий Лентул Клодиан. При составлении ими нового списка сенаторов из состава сената по разным поводам были исключены 64 человека. Чтобы вернуться в сенаторское сословие, этим людям необходимо было снова добиваться избрания на государственную должность. Это обстоятельство сделало борьбу на выборах в последующие годы еще более напряженной и, безусловно, способствовало росту злоупотреблений (Dio Cass. XXXVI.38.2).

Законом, который призван был бороться с предвыборными нарушениями, в тот период времени все еще оставался *lex Cornelia de ambitu*, принятый Суллой во время реорганизации судов в 81 г. По нему кандидату, уличенному в незаконном домогательстве, запрещалось повторно домогаться государственной должности в течение следующих десяти лет (Schol. Bob. 78 Stangl)⁶. Однако в новых условиях эти меры уже казались недостаточными. Встал вопрос о принятии нового, более сурового, закона для борьбы с предвыборными махинациями. Инициатором его как раз и выступил в 67 г. народный трибун Гай Корнелий.

Обращаясь к анализу этих событий, мы должны отметить, что, к сожалению, состояние источниковой базы оставляет желать лучшего. Связный рассказ можно найти только у двух авторов – Диона Кассия (XXXVI.38–39) и Аскония Педиана в его комментарии к речам Цицерона (*Pro Cornelio de maiestate*), произнесенной в 65 г. (Ascon. 57–81 Clark). Данные этих писателей совпадают не полностью, а кое-где и противоречат друг другу. Поэтому встает вопрос о степени достоверности обоих вариантов традиции⁷.

Рассмотрим и сопоставим версии развития событий, предлагаемые каждым из этих авторов. Асконий пишет: «Будучи магист-

⁶ Сведения об этом законе чрезвычайно скудны. Некоторые исследователи (см., напр.: Long G. *Ambitus // Thayer W., Smith W. A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. L., 1875. P. 77) вообще отрицают его существование. Аргументы в пользу того, что законодательство Суллы о подкупе избирателей все-таки существовало, см. об этом: Lintott A. *Op. cit.* P. 5. Note 24, 7.

⁷ Разные исследователи отдают предпочтение либо одному, либо другому источнику, что, в свою очередь, влияет на предлагаемые ими варианты реконструкции событий. М. Гриффин (*Griffin M. Op. cit.* P. 199 ff.) больше доверяет Асконию, а У. Макдоналд – Диону Кассию (*McDonald W. Op. cit.* P. 200–203), Ф. Мюнцер (*Münzer F. Cornelius // RE*. 1901. Bd. 4. Sp. 1252 ff.) и Э. Грюн (*Gruen E.S. The last Generation of the Roman Republic*. Berkeley; Los Angeles; L., 1974. P. 213–216).

ратом, [Корнелий] вел себя так, что справедливо казался неуступчивым. Вызвал отчуждение сената он по следующей причине. Он предложил сенату, чтобы, так как послам чужеземных народов деньги даются под большие проценты и из этого извлекают бесстыдную и позорную прибыль, никто не давал послам чужеземных народов займы денег. Его предложение сенат отверг и постановил, что кажется достаточно надежным [средством] то, что было установлено сенатусконсультом за несколько лет до этого, в консульство Луция Домиция и Гая Целия [94 г.], так как сенат несколькими годами ранее по такому же поводу на основании того сенатусконсульта постановил не давать денег займы критянам⁸. Корнелий, по этой причине обиженный на сенат, пожаловался на это на народной сходке. [Он заявил]: провинции разоряются из-за [взимания ростовщиками] процентов; должно быть предусмотрено, чтобы послы имели определенную сумму денег на текущие нужды. И он обнародовал проект закона, которым уменьшал власть сената, [предложив] чтобы никто не освобождался от действия законов [иначе], кроме как народом. И это также обеспечивалось древним законом, поэтому во всех сенатусконсультах, которыми кто-либо освобождался от действия законов, обыкновенно прибавлялось, чтобы по этому вопросу обращались к народу. Но постепенно это было прекращено, и уже вошло в обычай, чтобы, наконец, не делать в сенатусконсультах добавление о необходимости обращаться к народу; и сами эти сенатусконсульты составлялись в присутствии лишь немногих» (Ascon. 57–58 Clark). Асконий в своем изложении вообще не упоминает законопроект о подкупе, он лишь туманно сообщает о «многих других законах» (*alias complures leges*), предложенных трибуном Корнелием (Ascon. 59 Clark).

Дион Кассий, напротив, ничего не знает о внесении Корнелием законопроекта об иностранных посольствах; из его рассказа можно понять, что первым законопроектом Корнелия был проект о подкупе, который не встретил одобрения сената. Дион Кассий объясняет, что сенаторы сочли предложенные Корнелием наказания для виновных слишком суровыми: в таких условиях нелегко будет найти общественных обвинителей, да и судьи не захотят выносить обвинительные приговоры. Поэтому консулам Гаю Кальпурнию Пи-

⁸ Речь идет о событиях 70 г. Подробнее по этому поводу см.: Griffin M. Op.cit. P. 197. Note 14.

зону и Марку Ацилию Глабриону было поручено составить свой, более умеренный проект закона против подкупа (XXXVI.38.4–5). Наибольшую активность в его разработке проявил Гай Кальпурний Пизон, и в результате разгорелась борьба между двумя законопроектами – консула Пизона и трибуна Корнелия⁹.

Асконий и Дион Кассий сходятся в том, что Корнелий, недовольный отклонением его законопроекта сенатом, созвал народную сходку (*contio*). На ней он предложил восстановить старый, уже давно не применявшийся закон, по которому никакое отступление от существующих правовых норм не может быть осуществлено сенатом без обращения к народному собранию. Эта инициатива Корнелия вызвала недовольствие сенатской верхушки, которая попыталась помешать ее претворению в жизнь (Ascon. 58 Clark; Dio Cass. XXXVI.39.2).

Версия Диона представляется нам более логичной с точки зрения мотивов Корнелия. Если же мы отдадим предпочтение сообщению Аскония, то не совсем ясно, чего же он хотел добиться своим законопроектом. Единственным объяснением остаются только личные мотивы – желание отомстить сенату за свой отвергнутый законопроект. Эти основания кажутся нам недостаточно вескими. Напротив, если мы примем версию Диона Кассия, то действия Корнелия кажутся вполне разумными.

Дело в том, что объяснение причин, по которым проект Корнелия был отвергнут сенатом, приводимое Дионом (XXXVI.38.4–5), нам представляется лишь формальной отговоркой. На деле многие из сенаторов, будучи кандидатами, наверняка использовали какие-то не совсем честные «предвыборные технологии». Сам Пизон в предыдущем году был обвинён в подкупе избирателей в ходе своей кампании на выборах в консулы, но спасся, подкупив также и суд. В то же время проект Корнелия был поддержан плебсом; полностью игнорировать его сенат не мог, так как, действительно, зло-

⁹ Вопрос об участии Марка Ацилия Глабриона в разработке данного законопроекта довольно темен. Цицерон во фрагменте, сохраненном Асконием, говорит только об одном консуле; очевидно, что он имеет в виду Пизона (Cic. Pro Corn. apud Ascon. 75 Clark; см. также: Cic. Mur. 46). Сам Асконий также связывает внесение этого закона исключительно с Пизоном и везде называет его *lex Calpurnia* (Ascon. 69 Clark). Л. Хэйн вообще полагает, что Глабрион мог симпатизировать и даже поддерживать Гая Корнелия: *Hayne L. The Politics of M'. Glabrio, cos. 67 // CPh. 1974. Vol. 69. P. 282*. Мы поостережемся делать столь смелые выводы, но несомненно, что Ацилий Глабрион, в отличие от своего коллеги Пизона, не принимал активного участия в борьбе против Корнелия.

употребления на выборах всё множились. Поэтому и было принято решение противопоставить ему другой, сенатский вариант закона. Проблема заключалась в том, что к этому моменту уже была объявлена дата предстоящих выборов магистратов. Согласно римскому законодательству, теперь ни один закон не мог быть утвержден, пока выборы не закончатся¹⁰. Тем не менее, сенаторы проголосовали, чтобы законопроект Пизона поставили на голосование до выборов и чтобы консулам дали вооружённую охрану (Dio Cass. XXXVI.39.1).

Таким образом, запретив сенату без одобрения народного собрания освобождать кого-либо от действия законов, Гай Корнелий тем самым желал заблокировать рассмотрение проекта Пизона.

Тогда противники Гая Корнелия прибегли к испытанному средству – трибунской интерцессии. Был найден один из народных трибунов, некий Публий Сервилий Глобул, который наложил вето на законопроект Корнелия. Корнелий, однако, не подчинился и сам зачитал народу текст своего закона. Попытка консула Пизона ему противодействовать привела к беспорядкам: консульские фации были сломаны, а в самого Пизона полетели камни. После этого Корнелий распустил собрание (Ascon. 58, 60–61 Clark; Cic. In Vat. 5; Dio Cass. XXXVI.39.3–4; Quintil. Inst. Orat. IV.4.8).

Выборы магистратов на следующий, 66 г., дважды откладывались – вероятно, по инициативе сената, так как это дало Пизону еще одну возможность представить комициям свой проект закона (Cic. De imp. Pomp. 2; см. также: Att. I.11.2). Однако он не встретил поддержки народа, который шумно потребовал принятия закона Корнелия (Ascon. 74–75 Clark).

О том, что происходило дальше, источники умалчивают. Асконий сообщает лишь, что, когда Пизон предложил закон более суровый, чем существовавший, он был атакован многочисленными *divisores* и силой изгнан с форума (Ascon. 75 Clark). После этого Пизон обратился к гражданам с призывом поддержать предложенный им закон (Cic. Pro Corn. apud Ascon. 75 Clark). По всей видимости, уже на следующих комициях *lex Calpurnia* был принят.

Если, судя по сообщениям источников, первоначальный вариант этого закона и был более умеренным, чем законопроект Корне-

¹⁰ Это ограничение устанавливали *leges Aelia et Fufia* (Schol. Bob. 148 Stangl).

лия, то в окончательной редакции предусматривались более строгие наказания¹¹. Согласно ему, осужденным запрещалось когда-либо в будущем выдвигать свою кандидатуру на государственные должности; кроме того, они исключались из состава сената и присуждались к денежному штрафу (Ascon. 69 Clark; Dio Cass. XXXVI.38.1; Schol. Bob. 78 Stangl). Однако все эти санкции относятся только к нарушителям-кандидатам. Мы можем лишь предполагать, предусматривал ли *lex Calpurnia* какие-то наказания для других участников предвыборных махинаций, в частности, для посредников – *divisores*¹².

Одним из важнейших представляется вопрос о характере борьбы между Гаем Корнелием и Пизоном. На первый взгляд, эти события идеально ложатся в русло идущей ещё от Т. Моммзена концепции противостояния двух римских «партий» – оптиматов и популяров. Демократический трибун Корнелий предлагает закон, направленный против сената; ему противостоит консервативный нобиль, консул Кальпурний Пизон¹³.

Однако в настоящий момент большинство исследователей обоснованно критикуют эту точку зрения¹⁴. На наш взгляд, наиболее резонно рассматривать деятельность Корнелия в этот период в тесной связи с политикой Гнея Помпея¹⁵. Гай Корнелий, как мы уже упоминали, в свое время был квестором последнего. Гай Кальпурний Пизон относился к числу непримиримых соперников Помпея и был тесно связан с Луцием Лицинием Лукуллом, Квинтом Гортензием и Марком Кальпурнием Бибулом. В свое консульство, помимо оппозиции Корнелию, он также сопротивлялся принятию закона народного трибуна Авла Габиния о предоставлении Пом-

¹¹ Э. Грюн вообще считает, что между законопроектом Корнелия и принятым *lex Acilia Calpurnia* не было принципиальной разницы. См.: Gruen E.S. Last... P. 214–215.

¹² Т. Моммзен отрицал, что *lex Acilia Calpurnia* затрагивал *divisores* (Mommesen Th. Römisches Staatsrecht. Leipzig, 1888. Bd. 3. S. 870). Ему возражает Э. Грюн (Gruen E.S. Last... P. 214–215), аргументы которого представляются нам более убедительными. В поддержку этой версии см. также доводы М. Гриффин: Griffin M. Op. cit. P. 197.

¹³ Именно под таким углом рассматривают события трибуната Корнелия, например, У. Макдоналд (McDonald W. Op. cit. P. 196 ff.) и Х. Майер (Meier Ch. Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten Römischen Republik. Wiesbaden, 1966. S. 141).

¹⁴ См., напр.: Griffin M. Op. cit. P. 196, 203 ff.; Gruen E.S. Last... P. 213–214.

¹⁵ Одна из первых таких попыток была предпринята Л.Р. Тэйлор: Taylor L.R. Caesar's Early Career // CPh. 1941. Vol. 36. P. 128–130.

пею империя для борьбы с пиратами¹⁶. Вообще в тот период Помпей часто пользовался услугами народных трибунов в своих интересах; вспомним, что именно он в 70 г. стал автором закона о восстановлении в полном объеме трибунской власти, урезанной Суллой (Cic. De leg. III.9, 22; Verr. I.15.44; Liv. Erit. XCVII; Plut. Pomp. 22; Vell. Pat. II.30.4). Отмечается, что законопроекты, предложенные Корнелием, в целом отвечают «генеральной линии» политики Помпея, проводившейся им в данный период¹⁷.

Подводя итоги, можно сказать, что принятие *lex Calpurnia* стало шагом вперед в развитии римского уголовного законодательства. Для кандидатов, уличенных в подкупе, предусматривались намного более суровые наказания, чем ранее. Есть серьезные основания предполагать, что впервые действие закона распространялось не только на самих преступников, но и на их соучастников. Действенность закона подтвердилась очень быстро: уже в 66 г. вновь избранные консулы Публий Корнелий Сулла и Публий Автроний Пет были уличены в подкупе и осуждены. Однако окончательно победить коррупцию и злоупотребления на выборах так и не удалось. Уже в 66 г. вновь начинаются разговоры об ужесточении законодательства, и в 63 г., в год консульства Цицерона, был принят новый закон о подкупе – *lex Tullia*.

¹⁶ О взаимоотношениях Пизона и Помпея подробнее см.: Gruen E.S. Pompey and the Pisones // CSCA. 1968. Vol. 1. P. 156–159.

¹⁷ См.: Griffin M. Op. cit. P. 203 ff. Относительно законопроекта *de ambitu* Р. Сигер, в частности, замечает, что выступление Корнелия против подкупа избирателей имело целью отобрать контроль за выборами у *principes civitatis*, которые противодействовали Помпею (Seager R. Op. cit. P. 680 ff.).

ВЬЮШКИН М.В. (КАЗАНЬ)

**К ПРОБЛЕМЕ КАТЕГОРИИ JUSTITIA У ЦИЦЕРОНА
(ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАКТАТОВ
«О СТАРОСТИ», «О ДРУЖБЕ», «ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ»)**

Главными тенденциями в римском праве кризисной эпохи II–I вв. до н. э., переходного периода от республики к империи, были: восприятие греческих идей о естественном праве, сращение с греческой философией и территориальное расширение действия римской «конституции» в рамках складывающейся империи, т. е. проблемы сущностного наполнения и формы. Главным выразителем первой тенденции был Марк Туллий Цицерон (106 – 43 гг. до н.э.). Именно его почитали как первого, кто реально сблизил римское мышление с греческой культурой. Как активный участник всех политических событий и оратор высочайшего класса. Цицерон представляет собой ценнейший источник.

Органической частью всех его политических, морально-этических построений об «упадке нравов», необходимости *«concordia ordinum»* становится категория «справедливости» или «законности», хотя более правильно обозначить эту проблему как проблему *justitiae*.

Впервые в советском антиковедении суть этого понятия попыталась передать Е.М. Штаерман, ставя проблему отношения к законности и справедливости в кризисную республиканскую эпоху, и их осмысления правовой системой в системе перехода правосознания «от гражданина к подданному». Однако и у нее, и у главного переводчика Цицероновских трудов В.О. Горенштейна *justitia* переводится на русский язык то как справедливость, то как законность¹. Такая двойственность сохраняется и сейчас, например, в переводах Л.Л. Кофанова.

Наиболее близко к пониманию особенностей *justitiae* подошел Пьер Грималь в своей монографии «Цицерон». Он прямо переводит: «*Justitia* – юстиция, право, совокупность норм, юридических и моральных, основанных на *jus*»². И передает в переводе этот тер-

¹ Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. 1. С 44–46. См. также выполненные В.О. Горенштейном переводы сочинений Цицерона.

² Грималь П. Цицерон. М., 1991. С. 538.

мин двумя словами: «право и справедливость» или «справедливость, основанная на праве».

Надо сказать, что категория *justitiae* присутствует у Цицерона во многих трудах, однако к концу жизни (ум. в декабре 43 г. до н. э.) уровень её теоретического осмысления значительно повышается. Традиционно три последних трактата «О старости» (первая четверть 44 г.), «О дружбе» (после 15 марта 44 г) и «Об обязанностях» (октябрь–декабрь 44 г) принято объединять в отдельную группу, на основании схожести предмета этих трактатов: это политико-философские темы о значении и смысле старости, ценности мудрости для общества, о дружбе как союзе граждан на основании общих политических взглядов, о нравственных основах государственной деятельности, гражданском долге. Писались они в уникальной политической обстановке – большей частью после смерти Цезаря – и могли отражать надежды на возрождения Республики.

Именно потому, что трактаты посвящены, прежде всего, этическим темам их редко привлекают для анализа правовой сферы древнеримской культуры. Хотя, на мой взгляд, все философско-этические построения в этих трактатах есть часть государственно-правовых воззрений автора. Просто в виду представления о «гибели республики», личных переживаний, собственной отстранённости от политической борьбы акцент в восприятии мира, дел общественных и государственных у Цицерона смещается на отдельную личность, её качества как основы идеального государственного устройства.

Неоднозначность перевода и трактовки понятия, вызывает необходимость подробного понятийно-терминологического анализа текстов. И хотя метод пришел из области лингвистики, называемой понятийным терминоведением, очень интересным кажется опробовать его на древних текстах. Оценки семантических и структурных свойств терминов и понятий, герменевтический разбор используемых категорий – вот суть исследования данного этапа. Отличительной особенностью метода в лингвистики считается именно научность анализируемых текстов, о которой в античности говорить сложно. Однако отметим, что предложенные трактаты имеют предельный уровень теоретизации материала для того времени, а учитывая гений Цицерона в области совестного мастерства

и относительно узкий характер предмета в них, считаем уместным именно такой подход.

Сложности в понимании этого термина-понятия придает еще и наличие других терминов: *aequitas* (справедливость в этическом отношении) и *legitime* (законность, как строгое соответствие писаным нормам). Поэтому для лучшего понимания нами была предложена трехуровневая схема, по которой все регуляторы в обществе можно разделить на три уровня:

уровень *aequitas* – нравственно-этическая плоскость справедливости, высокая мораль;

уровень *justitia* – пограничное и не устоявшееся в полной мере понятие, обозначающее совокупность юридических и моральных норм, справедливость права, абстрактную законность, не привязанную к конкретному закону, одно из оснований естественного права;

уровень *lex* – т.е. закона, юридического правила, конкретных юридических правил и принципов. Законность здесь, прежде всего, легитимность (*lēgitimē*).

Justitiae представлена как элемент теории естественного права. Понятия справедливости, нравственных достоинств явно выведены за пределы отдельной личности, они присутствуют в природе и человек может либо отвергать их, либо следовать им, но они априорны. Концепция естественного права у Цицерона выглядит стандартным образом:

Априори данные от природы качества человека (разум, речь, стремление постигать истину, защитные инстинкты) позволяют объединяться в общности, где господствуют чувства законности, справедливости и доброта (*iustitiam, aequitatem, bonitatem*) (Cic. Off. I.50).

Из первоначальных семейно-родственных общностей возникает государство, и, несмотря на заявления об общности всего человеческого рода, Цицерон признает общности на основе племени, народа, языка, гражданской общины (*civitas*) более «близкими нам» (Cic. Off. I.54). Выше всех стоит связь отдельного человека и государства.

Главные основания действия *justitiae* в обществе – это охрана порядка и принципа частной собственности, и сохранение «относи-

тельного» равенства³. Определение таких общих философско-правовых основ человеческого сообщества говорит об универсальном характере Цицероновских выводов. Цицерон сам заявляет, что то, о чем он говорил, есть *infinitus* – беспредельное общество. Очень примечательно, что Цицерон, рассуждая о *justitiae* для обозначения общества, чаще употребляет слова *commune*, *hominum societas* (Cic. Off. I.15, 20, 21), *sanctam societatem* (Cic. Off. I.26), ни о какой *civitas* или полисе речи не идет. Это доказывает глобальное действие категории *justitia*, её связь как с гражданским правом, так и с высокой (божественной) моралью.

Синонимия и полисемия понятий *justitia*, *aequitas* или *legitime* не наблюдается в широких масштабах, её нет как явления. Поэтому можно утверждать, что понятие *justitia* имеет преимущественно один способ выражения.

Итак, по сути, во всех трактатах рисуются образы идеальные, а именно общественной связи между честными мужами, чьи нравы одни на другие похожи, связаны дружескими отношениями, нравственно-прекрасными основами, особенно справедливостью и щедростью (*iustitia et liberalitas*) (Cic. Off. I.56). Именно то, чего, по мнению, Цицерона не хватает современному ему Риму⁴.

Учитывая особую популярность этих трактатов Цицерона еще при жизни и сразу после смерти, естественно можно утверждать, что эти идеи не прошли мимо римской культуры.

Поверхностный анализ Гая Светония, Саллюстия Криспа и Тита Ливия выявил употребление и ими данных понятий, и варианты их укладываются в ту же трехуровневую сетку. А если взять классические источники римского права, наиболее близкие по времени к жизни Цицерона, – «Институции» Гая (II в. н. э.) и «Фрагменты» из произведений Домиция Ульпиана (ум. в 228 г.), «Пять книг Сен-

³ Первая задача *justitiae* – «в том, чтобы никому не наносить вреда, если тебя на это не вызвали противозаконием, затем – в том, чтобы пользоваться общественной собственностью как общественной, а частной – как своей (*iustitiae primum munus est, ut ne cui quis noceat, nisi lacessitus iniuria, deinde ut communibus pro communibus utatur, privatis ut suis*) (Cic. Off. I.20).

⁴ Можно проводить много параллелей, что всё это есть попытка на этической основе объяснить необходимость объединения римской аристократии, через возрождение морали личности возродить республику, а проблема опыта старости должна дать понять насколько сам Цицерон, отстранённый от большой политики, важен для самой этой политики. Но ясно одно, что органической частью морально-этического концепта является идеи натурправовой *justitiae*.

тенций к сыну» Юлия Павла (конец II – нач. III вв.), то можно делать и некоторые выводы о терминологичности характера *justitiae*.

Классические источники римского права термина *aequitas* сознательно не используют, хотя и знают⁵, предпочитая в виду своей специфики оставаться на уровне *justitiae* и *legitime*. Хотя и в них есть моменты, говорящие о «моральном» смысле *justitia*, когда ее можно перевести как «справедливость» (Ulp. XX.1).

Итак, *justitia* – это совмещенное понятие, на грани двух сфер, этической и правовой. У Цицерона она присутствует в системе натурправовых и этических взглядов на жизнь как понятие, а в классических источниках римского права это, скорее, устоявшийся термин.

Понятие носит универсальный характер и приложимо как к абстрактным явлениям, так к конкретным фактам и случаям. Особая гибкость (гибкость) может объясняться с одной стороны неустойчивостью понятия вообще в римском сознании, с другой особым писательским мастерством автора. Однако нам более основательным кажется «новизна» для римской философско-правовой мысли этого понятия о *justitiae* в осмыслении Цицероном.

Формы и значение термина вполне можно признать уже устоявшимся, хотя в культуре и интеллектуальном поле римской культуры это была одна из первых попыток её осмысления.

И хотя истоки *justitiae* на римской почве нам пока не известны, можно проследить восприятие цицероновских натурправовых трактовок, прежде всего римским правом. Выяснить механизм подобных «рецепций» – вещь необходимая.

⁵ «Ибо справедливо, чтобы внуки наследовали вместо своего отца..» (*aequum est enim, nepotes in patris sui locum succedere...*) (Ulp. XXVI.2)

ВЬЮШКИН М.В. (КАЗАНЬ)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЗАКОННОСТИ В РЕЧАХ ЦИЦЕРОНА

Эвристический базис представлений о справедливости и вытекающей из неё законности, как они утвердились в общеевропейском культурном пространстве, был заложен еще в античности. Справедливость – категория не только морального, но также правового, экономического и политического сознания – всегда выступает в качестве системообразующего элемента социального сознания. Не случайно исследователи, независимо от их методологических предпочтений, демонстрируют через представления о справедливости симптоматику состояния общества, акцентируя внимание одни – на воспроизведении в этих представлениях закономерностей исторического процесса, другие – на их роли в формировании исторической памяти¹. В любом случае, представления о справедливом и воплощениях справедливости чрезвычайно важны для понимания хода исторического процесса.

Что касается времени Цицерона, т.е. эпохи перехода от Республики к Империи, то это один из ярких примеров того, как меняются самые важные, базисные основы жизни общества. Наследие Цицерона, в этом случае, очень удобный материал для рассмотрения римских представлений о справедливом и законном, которые стали важной частью классического римского права, столь востребованного европейской цивилизацией. К выяснению роли этих категорий в миропонимании римлян I в. до н.э. подталкивает еще и то обстоятельство, что и в традиции переводов, и в историографии присутствует путаница в определении конкретных терминов, которыми следует передавать эти категории. *Aequitas* и *Justitia* часто смешивают и путают, к этому прибавляются трудности с термином *legitime*. Хотя римлянам и не было свойственно философствовать так, как грекам, все же в римской общественной мысли можно найти и абстрактные, и конкретные, основанные на исторических прецедентах, рассуждения относительно справедливости и законности.

¹ Ср.: Гринберг Л.Г., Новиков А.И. Критика современных буржуазных концепций справедливости. Л., 1977; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 250–253. В первом случае воспроизводится марксистский подход. Во втором – антропологический, когда представления о справедливости выступают в качестве одного из механизмов формирования исторической памяти (*justitia connectiva*).

Такие, вполне систематизированные и выверенные, рассуждения мы находим в последних трактатах Цицерона («О старости», «О дружбе», «Об обязанностях»), где он рассматривает их в системе естественного права.

В результате терминологического анализа этих трактатов возможно выделить определённую систему «общественных регуляторов», рассматриваемых древним автором. Она отражает три уровня осмысления справедливости: уровень *aequitas* (нравственно-этическая плоскость справедливости – высокая мораль), уровень *justitia* (пограничное понятие, обозначающее совокупность юридических и моральных норм одновременно, справедливость права, абстрактную законность, не привязанную к конкретному закону), уровень *lex* (закон, конкретное юридическое правило; законность здесь, прежде всего, легитимность – *legitime*).

Значение цицероновского корпуса для исследователя истории идей в переломную эпоху I в. до н.э. в том, что мы располагаем еще двумя видами источников, по которым можно проследить некую эволюцию взглядов автора на справедливость и законность: это его письма и речи. Последние и стали объектом анализа в данной статье.

За свою жизнь Цицерон написал и опубликовал более сотни речей, из которых до нас дошли 58. Типологию и деление речей в данном случае мы опустим и перейдем сразу к некоторым полученным выводам, прежде определив, что же Цицерон вкладывал в эти понятия.

Aequitas считается одним из самых значительных творческих принципов создания и толкования римского права, игравшим существенную роль в правопонимании римских юристов². Сформировался он под влиянием греческой и римской философии, хотя римские юристы теоретически его не разработали и даже не давали определения. Поэтому нам приходится делать заключения по косвенным данным, второстепенным упоминаниям. О.В. Аксенова говорит о том, что применительно к правовым явлениям понятие «справедливость» выражалось словом «*justitia*»³. Это лишь отчасти так, ибо *justitia* имела самостоятельное значение, более широкое, чем сфера права.

² Аксенова О.В. *Aequitas* как важнейший принцип римского права // Вестник ТИСБИ. 2005. № 3 // <http://www.law.edu.ru/doc/-document.asp?-docID=-1219314>.

³ Там же.

У Цицерона эти понятия чаще всего выступают в качестве характеристик человека, его поступков. Это две великие добродетели, разница между которыми видна очень слабо. Обладание властью, по его мнению, должно сочетаться с добродетелью *aequitas*. С самой первой речи Цицерон часто взывает к справедливости (*aequitatis*) судей (Cic. Quinct. 5–6.), попутно обвиняя всех своих противников и некоторых магистратов в несправедливости и пристрастности⁴. *Justitia* – это не высшая нравственность как *aequitas*, а человеческое качество другого плана, это способность соотносить свои действия с потребностями общества, не наносить вреда никому, т.е. действовать по правилам. Её как заслугу, как доблесть упоминают больше всего⁵.

Почти не встречаются примеры употребления *aequitas* по отношению к законам или правовым постановлениям, так обозначаются только решения людей⁶. *Justitiae* в речах, как и в трактатах, продолжает оставаться на некоем промежуточном положении между моральными оценками и собственно правом. Контекст, её окружающий, говорит об этом. Заявляя, что Помпею было бы справедливее (*iustissime*) предоставить полномочия децемвира по аграрному закону Рулла, Цицерон намекает на его большой авторитет среди народа, неподкупность, мужество. При всем при этом он тут же подтверждает это ссылкой на народные постановления (законы) о предоставлении Помпею обширных военных полномочий вести «все войны со всеми народами на суше и на море» (Cic. Leg. agr. I.23).

Частая апелляция к общественному мнению в речах вполне понятна, оно выступает в качестве источника. К примеру, Катилина заслужил справедливую ненависть всего народа⁷, а сам Цицерон –

⁴ Законность и понятия её олицетворяющие в устах Цицерона превращаются в мощное оружие обвинения, в добродетель, присущую древнеримским устоям. При этом оратором признается, что основы её в современном ему обществе значительно поколеблены. Так, Цицерон обвиняет претора в том, что из-за его несправедливости и нарушения порядка (*id accidit praetoris iniquitate et iniuria*) ему приходится выступать первым, хотя он защитник, и в сторону его клиента «не выпущено пока ни одной стрелы». (Cic. Quinct. 9). Народного трибуна Сервилия Рулла, проводившего очередной аграрный закон в 63 г., Цицерон обвиняет в нехватке справедливости к римскому народу и его свободе (*aequitas in vos (Quirites – M.B.) libertatemque*) (Cic. Leg. agr. I.20).

⁵ См. интересные высказывания: Cic. Mur. 23; 30; Cic. Rosc. Am. 76.

⁶ Как, например, в эпизоде с частью закона Сервилия Рулла, где территория Реценторика в Сицилии освобождалась от действия закона. Здесь справедливым признаётся не правовое постановление в отношении территории, а решение, принятое в Риме относительно этого (Cic. Leg. agr. I.57).

⁷ «...*tu cum conscientia scelerum tuorum agnoscas odium omnium iustum et iam diu tibi debitum, dubitas*» – «...ты же, зная за собой свои злодеяния и при-

почти справедливый упрёк отчизны в бездеятельности⁸. И в таких моментах лучше всего видна разница её с *aequitas*. Условно можно сказать, что *aequitas* – справедливость сферы *потенциального* равенства, а *justitia* – этико-правовое понятие справедливости из области *актуального* неравенства.

В корпусе речей наблюдается смешанное употребление разных вариантов этих понятий, однако явна и тенденция к терминологизации понятий. Это заметно на примере двух речей: за Секста Росция Америкского (80 г. до н.э.) и за Квинта Росция-актёра (76 г. до н.э.). В первой Цицерон также активно обращается к образам справедливого, к принципам равенства, однако устойчиво термин *aequitas* не встречается, чаще присутствуют близкие к нему «*aequa*» «*aequiores*» (Cic. Rosc. Am. 7). При этом сохраняется многозначность смыслов понятия, древняя языковая основа *aequa* – «ровность», «одинаковость» – используется и как речевой оборот («также..., как и...»)⁹, и в других смыслах¹⁰. Уже во второй речи справедливость выступает и в форме определённого правового принципа, будучи встроенной в жёсткие арбитражные формулы¹¹. Возможно, это связано с тем, что Цицерон в промежуток между этими выступлениями несколько лет провел в Греции, где активно занимался изучением греческой философии.

К сожалению, какую-либо эволюции во взглядах Цицерона на *justitia* и *aequitas* по материалу речей проследить сложно. И для целостного понимания древних представлений о справедливости и её воплощении необходимо привлечение более широкого круга источников. Однако и анализ речей добавляет еще один штрих к определению разницы в содержании анализируемых понятий. Его

зная всеобщую ненависть справедливой и давно уже заслуженной, еще колеблешься» (Cic. Cat. I.17). Или выражение «*supplicis iustis*» – «заслуженная кара» (Cic. Cat. I.20).

⁸ «*Nunc, ut a me, patres conscripti, quandam prope iustam patriae querimoniam detester ac deprecet...*» - «Теперь, отцы-сенаторы, дабы я мог решительно отвести от себя почти справедливую, надо сказать, жалобу отчизны...» (Cic. Cat. I.27).

⁹ «*In rebus minoribus socium fallere turpissimum est aequeque turpe atque...*» - «Обмануть товарища по предприятию даже в менее важном деле - низкий поступок, столь же низкий, как и...» (Cic. Rosc. Am. 116).

¹⁰ «*...si hac indigna suspicione careat, animo aequo se carere suis omnibus commodis dicit*» – «Если с него будет снято это не заслуженное им подозрение, то он, по его словам, спокойно перенесет утрату всего своего состояния» (Cic. Rosc. Am. 144). См. также: Cic. Rosc. Comod. 2, 16.

¹¹ «*Quid est in arbitrio? Mite, moderatum: quantum aequius et melius sit dari*» – формула арбитражного суда составлена в более мягких, умеренных выражениях: «сколько должно быть уплачено в видах справедливости...» (Cic. Rosc. Comod. 11). См. также: Cic. Rosc. Comod. 12.

можно обозначить как «масштаб действия»: *aequitas* – более внутриличностное, морально-индивидуальное определение, *justitia* – скорее относится к характеристике общества, группы людей, постановлений и договоров, распространяющихся на множество персоналий, или к характеристике человека, но как члена определённой среды, группы.

Для более полного понимания цicerоновских представлений о справедливости и законности необходимо привлечение всего комплекса источников, а также сравнение его взглядов с представлениями других древних авторов.

НИКИТИНА К.А. (САРАТОВ)

СТАТУЯ АВГУСТА ИЗ ПРИМА ПОРТА: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА

Изображений Августа сохранилось довольно много. Можно без преувеличения сказать, что ни один деятель античной эпохи не представлен в скульптурных памятниках так хорошо, как Август¹. Август был одним из первых политиков в истории, который понял, что искусство может служить важным средством пропаганды, и активно применял это на практике². Портретные статуи прославляли Августа как миротворца, украшали площади и общественные здания огромной столицы Римской империи и других городов Апеннинского полуострова, а также провинций. Римские скульпторы создавали прототипы статуй, с которых делалось большое количество копий, которые в дальнейшем распространялись по всему римскому миру, устанавливались в общественных местах римских провинций³. Через эти статуи и бюсты каждому человеку в империи становилось известно, как выглядит их император. Статуи дошли до нашего времени в большом количестве, потому что их не разбивали и не уничтожали после смерти Августа, как позднее поступали после свержения многих других римских императоров, вызывавших у народа и сената не только страх, но и ненависть⁴. Большинство дошедших статуй были созданы во время правления Августа, но многие статуи воздвигались и после смерти императора, т.к. Август был обожествлен и существовал его культ⁵.

При Августе начал складываться новый политический строй – принципат, который оказал сильнейшее влияние на все сферы жизни. Сущность его состоит в том, что наряду с сенатом – республиканским органом – Римом правил также принцепс – «первый сенатор», который сосредотачивал в своих руках высшую гражданскую, военную и жреческую власть. В обширной надписи, которая подводит итог его жизни и известна под названием «*Res gestae divi*

¹ Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М., 1949. С. 589.

² Thompson N.L. Roman Art. N.Y., 2007. P. 40.

³ Ibid.

⁴ Обширный материал по этой теме специально рассматривается в монографии: Varner E.R. *Damnatio memoriae and Roman imperial portraiture*. Leiden; Boston, 2004.

⁵ Машкин Н.А. Указ. соч. С. 567.

Augusti», Август дает формулировку этой новой политической системы и характеризует свою власть. Он сообщает, что он является идеальным гражданином, который потушил огонь гражданских войн, защитив при этом свое государство и возродив старые обычаи, присущие республиканской эпохе⁶. За свои деяния он был отмечен наградами – высшими должностями, которые он получил по закону, и это высшее положение в государстве было ознаменовано заботой о римском государстве⁷.

Идеология находит свое отражение в изобразительном искусстве: принцепса изображали во всех его государственных должностях – верховным жрецом, облаченным в тогу и приносящим жертвы богам, полководцем, выступающим с речью перед войсками, а порой и всесильным божеством⁸. В одних статуях он представлен стоящим во весь рост, в других – сидящим на троне, закутанным в широкую тогу или облаченным в воинские доспехи, или же выступающим с полуобнаженным торсом, в виде божества.

Есть мнение, что Августа всегда изображали в зафиксированном возрасте, вне зависимости от его возраста и времени правления⁹. На самом деле, до настоящего времени дошло множество статуй, в которых явно отражено возрастное различие¹⁰. Вероятнее всего, историки, придерживающиеся мнения о зафиксированности возраста Августа¹¹, делали свои выводы, ориентируясь на немногие памятники.

Одно из самых значительных и известных изображений Августа – это статуя из Прима Порта. Она была найдена в 9 милях от Рима, на Фламиниевой дороге в развалинах виллы жены Августа Ливии у римских ворот Прима Порта¹². Как предполагают ученые, статуя стояла на постаменте, на северо-востоке атриума здания и,

⁶ *Машкин Н.А.* Указ. соч. С. 315.

⁷ Там же.

⁸ Примеры разных ипостасей образа Августа: римский гражданин – статуя из Виа Лабикана (ок. 10 г. н.э. Национальный музей, Неаполь); полководец – статуя из Прима Порта (10–20 гг. до н.э. Ватиканский музей, Рим); жрецом Август предстает на фризе Алтаря Мира (13 г. до н.э. Рим, Марсово поле); космократор – статуя из Кум (I в. н.э. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж).

⁹ *Thompson N.L.* Op. cit. P. 39.

¹⁰ Достаточно сравнить, например, портрет молодого Августа – мраморную голову из Вероны (40-е гг. до н.э. Верона, Археологический музей), и изображение Августа в расцвете сил – статую из Прима Порта (кон. I в. до н.э. Рим, Ватиканский музей).

¹¹ *Leach E.W.* The Politics of Self-Presentation: Pliny's «Letters» and Roman Portrait Sculpture // *ClAnt.* 1990. Vol. 9. No. 1. P. 25.

¹² *Furtwangler A., Ulrichs H.L.* Greek and Roman sculpture. L., 1914. P. 231.

тем самым, встречала входящих гостей взглядом и поднятой рукой¹³. В настоящее время оригинал статуи размещен в Ватиканском музее в Риме¹⁴. По поводу датировки этого памятника идут споры. Существует несколько точек зрения. Датировка варьируется от 20-х годов I в. до н.э. по I в. н.э. (поставгустовского времени). В защиту мнения о том, что эта работа 10-х годов I в. до н.э. – нач. I в. н.э., времени от даты возвращения знака римского легиона до смерти Августа, служит рельеф панциря статуи, на котором центральные фигуры изображены на земле: линии почвы под ногами фигур пластично намечены. Следовательно, Август в тот момент был жив, он не парит в воздухе подобно окружавшим его божествам. Если бы эта статуя была создана после смерти Августа, то рельеф, вероятно, был бы иной. Император посмертно был обожествлен, появился его культ, значит, тематика была бы направлена именно на этот факт, а не на событие, которое произошло треть века назад.

Статуя изваяна из мрамора, в высоту она немного больше натурального роста¹⁵. Перед зрителем – величественная фигура мужчины в расцвете сил, который облачен в боевые доспехи. Такой тип статуи изображает полководца, выступающего с речью перед войсками. Август здесь в короткой, выше колен, тунике; поверх надет панцирь с рельефными сценами; бедра окутывает плащ – палюдamentум, конец его переброшен через локоть левой руки. Полководец показан без обуви. У ног его изображен Амур на дельфине.

Если говорить об источниках, к которым восходит статуя Августа из Прима Порты, то существует мнение, что прототипом здесь послужил «Копьеносец» Поликлета¹⁶. Сходство статуарных произведений проявляется в положении ног – левая отставлена назад, пятка ее оторвана от постамента, другая является опорной, на которой держится вся тяжесть тела. Используя этот прием, скульптор делает фигуру подвижной и оживленной, будто находящейся еще в процессе ходьбы¹⁷. Однако думается, что прием этот носит здесь чисто технический характер и не имеет никакого отношения к «подражанию Поликлету». Конечно, именно он является мастером,

¹³ *Klynne A., Liljenstolpe P.* Where to Put Augustus? A Note on the Placement of the Prima Porta Statue // *AJPh.* 2000. Vol. 121. No. 1. P. 126–127.

¹⁴ *Бритова Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А.* Римский скульптурный портрет. М., 1975. С. 30.

¹⁵ *Furtwangler A., Urlichs H.L.* Op. cit. P. 231.

¹⁶ *Машкин Н.А.* Указ. соч. С. 593.

¹⁷ *Furtwangler A., Urlichs H.L.* Op. cit. P. 232.

который впервые стал широко использовать этот композиционный прием – но следует учитывать и то, что в течение прошедших с того времени четырех столетий прием этот успел стать общим достоянием скульпторов, так что ни о каком прямом влиянии не может быть речи¹⁸. Скорее, неизвестный скульптор был знаком с работами эллинистических ваятелей и, в некоторой степени, был ими вдохновлен¹⁹.

Еще одним прототипом статуи из Прима Порты называют «Оратора», этрусско-римскую статую II в. до н.э.²⁰ Статуя оратора знаменита своим жестом – протянутая вперед правая рука призывает к тишине²¹. Однако заострять на ней внимание как на прямом прототипе тоже не следует: в конечном счете, она была выражением сложившейся традиции. Высоко поднятая рука августовской статуи выражает желание полководца обратиться к своим легионам, призыв слушателей к вниманию – и такое же движение вполне естественно для говорящего перед народом оратора. По имеющимся данным, этот жест был традиционным в позднереспубликанскую эпоху и многократно повторен в римских произведениях – скажем, в конной статуе Бальба Младшего (Неаполь, Национальный музей) или в статуе, изображающей Августа в его гражданской ипостаси, в тоге (Флоренция, галерея Уффици)²². Таким образом, следует говорить, скорее, об использовании автором статуи уже сложившихся к тому времени художественных приемов и стереотипов, чем о подражании конкретным произведениям.

Кроме следования римской традиции, в статуе Августа проявляется и традиция эллинистической парадной скульптуры. Именно ее следствием является некоторая непропорциональность фигуры

¹⁸ В качестве примеров использования того же самого приема можно привести произведения, относящиеся к разным эпохам: находящуюся в Риме, в Ватикане, статую неизвестного грека (*Hecler D. Greek and Roman Portraits. N.Y., 1912. P. 50*), знаменитую статую диадоха (*ibid. P. 82*), находящуюся в Национальном музее в Афинах статую неизвестного (*ibid. P. 127*), статую Юлия Цезаря в кольчуге (Рим, Дворец Консерваторов) (*ibid. P. 156*).

¹⁹ *Wickhoff F. Roman Art. Some of its Principles and their Application to Early Christian Painting. L., 1900. P. 28.*

²⁰ *Машкин Н.А. Указ. соч. С. 593.*

²¹ *Лосева Н.М., Сидорова Н.А. Искусство Этрурии и древней Италии. М., 1988. С. 236.*

²² Бальб: *Hecler D. Op. cit. P. 153*; Август в тоге: *ibid. P. 165* (в этом случае, правда, жест несколько иной, рука простерта вперед примерно на уровне груди, как если бы аудитория, к которой обращается принцепс, была менее многочисленной. Это, скорее, выступление в сенате, а не перед народом или на сходке воинов).

императора. Голова и ноги здесь изображены весьма реалистично, вероятно, таковые болезненный по своей природе Август и имел. Что касается торса, то широкая грудь и плечи, мускулистая, тяжелая рука, которая явно толще ног, смотрятся совсем не гармонично с остальными частями тела. Если сравнивать изображение Августа с эллинистическими скульптурными портретами, то там напряженное, мощное тело визуально не выделялось на фоне идеализированного лица²³. В римской же традиции мощный торс был объединен с головой, выполненной реалистично, со всеми чертами, свойственными лицу портретируемого²⁴. Варьируя между двумя традициями, чисто римской со свойственным ей *веризмом*, и греческой, ваятель неизбежно получал непропорциональные фигуры статуй. Смысл подобного исполнения туловища понятен: статус военачальника предполагает в нем, помимо прочего, и качества сильного воина. Поэтому целью скульптора, не отходя от традиционного веризма, было возвеличивание императора в глазах римских граждан и врагов империи.

Рассмотрим другие художественные мотивы статуи Августа из Прима Порта. Довольно странным является, что скульптор запечатлел Августа с босыми ногами во время торжественной речи перед легионами. Попробуем понять смысл этого решения. Визуально разделим статую на две части – верхнюю и нижнюю. Верхняя часть – это подчеркивание личностных качеств императора и военачальника: мужество, сила, волевой характер. Эти характеристики акцентируют богатое облачение, и выражение лица – энергичное и уверенное²⁵. Нижняя часть статуи отсылает зрителя к героическому прототипу и напоминает о происхождении рода Юлиев от Венеры – на это намекает изображение Амура, еще одного порождения этой богини, на дельфине. Художник обратил свой взгляд к традиции передачи образа Ахиллеса – скульпторы изображали его нагим, что составляет принадлежность героических личностей²⁶. Однако, как выразительно подчеркивал Н. Ханнештад, «римский сенатор был по определению, и, очевидно, своему самосознанию,

²³ Типичный образец такого героизированного образа являет известная статуя эллинистического правителя-диадоха в Национальном музее в Риме (см.: *Hecler D.* Op. cit. P. 82–84).

²⁴ *Fejfer J.* Roman portraits in Context. B., 2008. P. 205.

²⁵ *Furtwangler A., Urlichs H.L.* Op. cit. P. 233.

²⁶ *Fejfer J.* Op. cit. P. 200.

почтенный человек, мудрый и опытный командир, который никогда не бросался в гущу схватки, как то делал Александр на мозаике, несущей его имя. Более того, он был прилично одет. Довольный собой, одеянием, которое выделяло его как римлянина в противоположность другим народам, он никогда не позволил бы представить себя в героической наготе»²⁷. Нехарактерная «босота» статуи Августа (аналогия с героической наготой) приближает образ принцепса к герою Илиады²⁸. Амур дополняет значение: с Августом у них общий предок – Венера. Таким образом, статуя из Прима Порта представляет зрителю одновременно и героя-победителя и обожествленного императора.

Панцирь Августа украшают рельефы, на которых показаны несколько сцен. Взор сразу же приковывает к себе центральная, изображающая две человеческие фигуры, стоящие друг напротив друга. По облачению можно определить, что одна из фигур – это римский воин: он в шлеме, сапогах, с переброшенным через плечо плащом. У ног воина изображен волк – священное животное Марса. Есть несколько версий по поводу его идентификации: это бог Марс²⁹, или пасынок Августа Тиберий³⁰ или, наконец, сам Август³¹. В пользу того, что здесь изображен Марс свидетельствует как фигура лежащего рядом волка, так и некоторые особенности изображения лица и прически. Второе предположение основано на том, что именно с Тиберием связано возвращение с Востока римских орлов³². Кроме того, некоторые авторы считают, что статуя была создана после смерти Августа в правление его пасынка Тиберия. Рельеф прославляет его и подтверждает легитимность его власти благодаря заслугам и символическому одобрению Августа. За это говорит то, что база, на которую помещена статуя, установлена не ранее правления Тиберия. Однако напрашивается вопрос – почему статуя обязательно современна базе? Почему она не могла быть по-

²⁷ *Hannestad N. Imitatio Alexandri in Roman Art // Alexander the Great: Reality and Myth. Roma, 1993. P. 61.*

²⁸ Нагие статуи в эллинистическом мире предназначались для сообщения зрителю об экстраординарном, героическом характере и достижениях личности. Это были почетные статуи правителей и атлетов.

²⁹ *Bringmann K., Schäfer T. Augustus und die Begründung des römischen Kaisertums. B., 2002. S. 245.*

³⁰ *Машкин Н.А. Указ. соч. С. 594.*

³¹ *Schlange-Schöningen H. Augustus. Darmstadt, 2005. S. 108–109.*

³² См. об этом: *Парфенов В.Н. Император Цезарь Август: Война, политика, идеология. СПб., 2001. С. 72–78; Борисов Ю. Тиберий Клавдий Нерон. Путь к власти. М., 2001. С. 69–71.*

ставлена на новый, специально установленный в данном месте постамент? Наконец, мнение о том, что здесь изображен сам Август, пожалуй, обосновано слабее всего, поскольку личного участия в этих событиях принцепс не принимал и может выступать в данной сцене только как гарант установившегося нового порядка – но это тематически не вписывается в содержание рельефов панциря. Таким образом, вопрос о том, кто подразумевается под римским воином пока остается открытым.

В одежде второй фигуры прослеживаются варварские черты – нехарактерная для римлян рубаха и штаны. Эта фигура держит в руках древко, увенчанное орлом. По бокам от этой сцены – две спокойные и меланхоличные женские фигуры. Одна из них (справа от варвара) держит ножны без оружия и трубы, другая отдает меч победителю. В верхней части панциря, на грудной части, показана сцена начала дня – утреннее небо, когда солнце поднимается над горизонтом³³. Наверху, в центре этой композиции – могучий старец, бог Неба, который распростёр над миром свою мантию. Слева мчится влекомая небесными конями колесница бога Солнца (Соль), который изображен юным, в развевающихся одеяниях³⁴. Справа, перед колесницей, покидает небо Аврора, держащая в руках пустой кувшин из-под росы и уносящая на своих плечах богиню ночи с вуалью и факелом³⁵. На нижней части панциря также изображены божества римского пантеона. Под фигурами женщин – покровитель Августа Аполлон на грифоне и Диана на лани³⁶. Под всеми сценами – богиня земли Теллус с рогом изобилия³⁷. Таким образом, рельеф панциря содержит достаточно большое количество религиозно-мифологических персонажей, появление которых в этом контексте нуждается в интерпретации. Обратимся для начала к той части рельефа, которая связана с историческими событиями.

В начале правления Августа основной ареной борьбы была Испания. Объединив соседние племена, в 28 г. против Рима выступили кантабры. В 19 г. после частых восстаний они были окончательно покорены Агриппой. Значительные затруднения приносила и

³³ Машкин Н.А. Указ. соч. С. 594.

³⁴ Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988. P. 191.

³⁵ Furtwangler A., Urlichs H.L. Op. cit. P. 235.

³⁶ Машкин Н.А. Указ. соч. С. 594.

³⁷ Zanker P. Op. cit. P. 175.

борьба с племенами, обитавшими севернее Италии. До 25 г. были покорены племена аквитанцев, саласов и иллирийцев. В провинции были превращены Реция и Норик. Последнее событие было важной исторической победой, которое ознаменовалось сооружением памятника «Трофей Августу» в честь покорения этих племен (CIL. V.7817; Plin. NH. III.20.136). Одновременно с этим шла борьба с германскими племенами, в ходе которой были покорены батавы, фризы, хатты, свевы и херуски³⁸.

На Востоке основное внимание было уделено отношениям с парфянами. Эта борьба была необходима: следовало смыть пятно позора, оставшееся со времен Красса, когда парфяне захватили символ римского легиона – древко с орлом на вершине. Для Августа победа над посрамившим империю врагом была идеологически важна: она означала восстановление чести и славы. Августу в 20 г. удалось достичь победы дипломатическими уловками и вернуть знамена³⁹. 12 мая произошла церемония передачи Тиберию знамен и пленных послами парфянского царя⁴⁰.

Итак, в центре композиции отображены события 12 мая 20 г., когда парфянами были возвращены знаки римского легиона. Это изображение задает тематику – победы Августа – всем остальным рельефам в центре панциря. Соответственно, две фигуры сидящих женщин – это персонификации побежденных народов⁴¹.

Покоренные Римом народы – иберийские, галльские и германские племена и Парфия – расположены, соответственно, на западе, севере и востоке относительно Рима. Таким образом, центральный рельеф на панцире статуи отсылает зрителя к западным, северным и восточным победам Августа. Однако к военным победам имеют отношение и Диана и Аполлон, чьи изображения находятся в нижней части панциря. Именно им Октавиан был обязан своей победой при Навлохе над Секстом Помпеем и при Акции над Антонием и Клеопатрой⁴². Последняя победа особенно важна, так как она положила конец гражданским и внешним войнам, которые раздирали Рим на протяжении двух десятилетий. В данном случае существен-

³⁸ Более подробный обзор внешней политики Августа в это время см.: *Машкин Н.А.* Указ. соч. С. 516–518.

³⁹ Там же. С. 523.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Zanker P.* Op. cit. P. 175.

⁴² *Bringmann K., Schäfer T.* Op. cit. S. 245.

но, что Египет расположен южнее Италии. Таким образом, Север, Юг, Запад и Восток – все четыре стороны света, подчинены власти Рима и его императора, они являются свидетелями и объектами его побед.

Теперь обратимся к мифологическим фигурам на панцире статуи. Верх и низ панциря замыкают фигуры Неба и Земли. Рог изобилия в руке богини в данном случае символизирует богатство и процветание нового мира под властью мудрого правителя⁴³. Таким образом, Август приобретает черты космократора – им покорены четыре стороны света, его деяния несут мир и изобилие истерзанному войнами земному кругу. Возможно, дополнительно ту же мысль об обновлении мира под его властью акцентирует появление на небе Солнца, прогоняющего ночную тьму. Этот символизм хорошо соотносится с теми заявлениями, которые делали поэты эпохи Августа⁴⁴ и делает статую из Примапорта одним из ценнейших источников для постижения пропаганды века Августа.

⁴³ *Amelung W., Holtzinger H. The Museums and Ruins of Rome. L., 1906. Vol. 1. P. 34.*

⁴⁴ Подробно об этом см.: Verg. *Aen.* VIII.720–728; Hor. *Carm. Saec.* 53–56; *Carm.* IV.5.25–28; 14.41–48; 15.21–24; Ovid. *Fast.* I.701–702, 709–719; II.857–862; VI.359–360.

СМЫКОВ И.Е. (САРАТОВ)

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА ЛУЧШЕГО ПРИНЦЕПСА: ПРОБЛЕМА ПРИЧИН ПАРФЯНСКОЙ ВОЙНЫ ТРАЯНА

Траян был последним из римских правителей, при котором активно проводилась наступательная внешняя политика. Он провёл две успешные кампании на Западе (первая и вторая Дакийские войны, 101–102 и 105–106 гг.), разгромив мощный союз дакийских племён. Самым красноречивым свидетельством этого деяния являются сцены из дакийской войны, изображённые на колонне Траяна, воздвигнутой им на новом форуме между Капитолием и Квириналом. Почти через десять лет после завершения Дакийской войны, в 115 г., началась война с Парфией, закончившаяся в 117 г. из-за смерти императора.

Что же стало причиной или причинами этой войны? Источники здесь предельно кратки – в сущности, информацию дает только Дион Кассий всего лишь одной фразой: «Затем он совершил поход против Армении и Парфии под тем предлогом, что армянский царь получил свою диадему не из его рук, а от парфянского царя, однако на деле – из-за желанья славы» (πρόφασιν μὲν ὅτι τὸ διάδημα ὑπ’ αὐτοῦ εἰλήφει, ἀλλὰ παρὰ τοῦ Πάρθων βασιλέως, ὁ τῶν Ἀρμενίων βασιλεύς, τῇ δ’ ἀληθείᾳ δόξης ἐπιθυμία) (Dio Cass. LXVIII.17.1). Вполне естественно, что и исследователи не дают однозначной оценки причинам войны, и единого мнения по данному вопросу нет. Иногда один и тот же исследователь резко меняет свою точку зрения на прямо противоположенную. Так, к примеру, Теодор Моммзен в своем курсе лекций по истории Римской империи, читанном им в 1882–1886 гг., утверждает, что начавшаяся вскоре после смерти Пакора война «была следствием ничем не спровоцированного наступления римлян» и завоевательной войной в чистом виде». По его мнению, Траяна привлекала слава Александра, сказочность далёкого Востока, он хотел войны, а если кто хочет войны, то причину всегда найдёт»¹.

Однако в это же самое время, в вышедшем в 1884 г. пятом томе «Истории Рима», немецкий историк писал: «Отношения с правителем Парфии Пакором были не особенно дружественными, но толь-

¹ Моммзен Т. История римских императоров. СПб., 2002. С. 375.

ко при его брате и преемнике Хосрое дело дошло до разрыва, и снова из-за Армении. Виновниками этого были парфяне». Как довод в пользу виновности парфян в развязывании войны он приводит то, что Траян, передавая освободившийся армянский престол сыну Пакора Аксидару, действовал в границах принадлежащего ему права; но царь Хосрой заявил, что Аксидар не способен царствовать, и самовольно поставил царём вместо него другого сына Пакора – Партомасирида. Ответом на это со стороны Рима и было объявление войны².

В сущности, вопрос о причинах войны здесь подменен вопросом о виновнике ее развязывания; и на этот вопрос Т. Моммзен дает взаимоисключающие ответы. Тем не менее, если говорить только о политической стороне дела, предложенные Моммзеном истолкования являются основными; каждое из них имеет многочисленных сторонников³. Рассмотрим, какие факты можно привести в пользу предложенной интерпретации в том и в другом случае.

Можно ли свести всё к «армянскому вопросу»? Несомненно, события в Армении послужили поводом к войне, но есть ряд фактов, которые говорят о том, что готовилась она задолго до них. Во-первых, фактом является назначение Адриана командующим в восточные провинции, самое позднее - в апреле 112 г., хотя, вероятно, он отбыл на восток ещё в 111 г. Во всяком случае, он был избран архонтом-эпонимом Афин на 112 г.⁴ Только пять римских граждан получили это отличие за те двести лет, что Афины находились под римским господством. Все они, кроме одного, почти наверняка были греками по происхождению и месту жительства; единственным исключением был император Домициан, который получил это звание заочно, через императорскую прерогативу, – первый римский

² Моммзен Т. История Рима. СПб., 1995. Т. 5: Провинции от Цезаря до Диоклетиана. С. 293–294.

³ Армения как *casus belli*: Rawlinson G. The Sixth Great Oriental Monarchy, or the Geography, History and Antiquities of Parthia. N.Y., 1872. P. 299–300; *idem*. The Story of Parthia. N.Y., 1893. P. 300; Sykes P.M. A History of Persia. L., 1915. P. 410; Bivar A.D. The political history of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran. Cambr., 1983. Vol. 3. P. 87. Жажда славы: Duruy V. History of Rome and the Roman People. Boston, 1883. Vol. 5. P. 292–293 (В. Дюруи особо подчеркивает, что Траяну уже было 59 или 62 года, и для него это была последняя возможность возобновить свою военную славу).

⁴ Дата устанавливается на основании свидетельства Флегона из Тралл (FGH. 257.36.25), который относит архонтство Адриана к году, когда Траян был консулом в шестой раз вместе с Титом Секстием Африканом, т.е. 112 г. (см.: Букерман Э. Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность. М., 1975. С. 228).

император, ставший афинским архонтом⁵. Следовательно, можно обоснованно предположить, что решение почтить Адриана свидетельствует о его присутствии в городе и о высоком статусе, который он имел⁶. В этом случае не может быть простым совпадением и то, что Эгнациеву дорогу, основной сухопутный путь из Италии в восточные провинции, проходивший через Балканский полуостров⁷, было приказано реставрировать именно в 112 г. Это мероприятие, скорее всего, была связано с подготовкой снабжения для войны с Парфией⁸.

Во-вторых, монетную чеканку 111/12–113 г. характеризует активизация военной тематики, возвещающая близкое отправление императора в поход. Типы реверсов монет того времени содержат изображения Марса с копьем и трофеем; орлов и значков легионов; Виктории; большой конной статуи на недавно построенном форуме, изображающей императора, попирающего своих поверженных врагов⁹.

В-третьих, в это же время осуществляется обожествление собственного отца Траяна¹⁰, одного из немногих римских командующих, которые получили триумфальные отличия за восточную кампанию¹¹. Д. Беннет называет этот факт бесстыдной попыткой манипулировать национальной волей для признания и доказательства семейного долга Траяна победить последнего остающегося врага Рима¹².

Что касается амбиций Траяна, то Траян, насколько можно судить, при всех своих завоеваниях, в отличие от Александра Великого не стремился к власти над миром – ни один источник не гово-

⁵ Jones B.W. The Emperor Domitian. L., 1993. P. 112.

⁶ Bennet J. Trajan: Optimus princeps. A Life and Times. L.; N.Y., 1997. P. 187.

⁷ Эгнациева дорога была продолжением италийской Аппиевой дороги, проходившей до Брундизия. Она начиналась в Диррахии и Аполлонии, по древнему торговому маршруту пересекала Балканские горы и шла до Византия (см.: Адкинс Л., Адкинс Р.А. Древний Рим. Энциклопедический справочник. М., 2009. С. 245–247).

⁸ Bennet J. Op. cit. P. 187.

⁹ См.: Mattingly H., Sydenham E.A. The Roman Imperial Coinage. L., 1926. Vol. 2. P. 262 (No. 258), 263 (No. 269, 270) – Марс; p. 264 (No. 294–296 – орлы и значки легионов; No. 280–287 – Виктория); p. 262 (No. 263), 264 (No. 290, 291) – император на коне.

¹⁰ См. монеты с изображением отца императора: Mattingly H., Sydenham E.A. Op. cit. P. 261 (No. 251, 252), 297 (No. 726–727), 301 (No. 762–764).

¹¹ Траян-старший управлял провинцией Сирия с 72/3 по 75/6 гг. О его деятельности там см.: Groß W.H. M. Ulpius Traianus (pater) 77 // RE. 1965. Spbd. 10. Sp. 1033.

¹² Bennet J. Op. cit. P. 193.

рит о том, что он простирал свои планы за пределы Парфии. Сравнение с Александром выводится современными исследователями на основании лишь того, что он вёл боевые действия в том же регионе, где за четыре с половиной столетия до него прошёл Александр. Достаточно взглянуть на официальные портреты Траяна, выполненные со стилизацией под римское республиканское прошлое, в суровой манере¹³, и на возвышенно-идеализированные портреты Александра, чтобы понять, что само такое сравнение можно считать некорректным. Любопытные данные по поводу отношения Траяна к Александру содержатся у Диона Кассия. С одной стороны, Траян, выйдя к Персидскому заливу, собирал информацию о делах в Индии, называл Александра счастливым человеком и говорил, что и сам он переправился бы в Индию, если бы был моложе. Но, с другой стороны, как типичный римлянин, он не испытывал никаких комплексов перед достижениями Александра и вполне мог заявлять, что продвинулся дальше, чем он (Dio Cass. LXVIII.29.1)¹⁴. В общем и целом, если оценивать глобальный смысл походов Траяна на Востоке, то можно согласиться с А. фон Домашевским: это была не мечта о повторении похода Александра, а попытка объединения в рамках Средиземноморской державы всех территорий, охваченных единой, как он её называет, «греко-семитской» культурой¹⁵.

Рубеж XIX–XX вв. в исторической науке был ознаменован повышенным интересом к проблемам экономического развития древности. Соответственно, и действия Траяна получили оценку с точки зрения экономики – начались поиски экономических мотивов для его восточного похода. Эта трактовка заняла лидирующее

¹³ Бритова Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А. Римский скульптурный портрет. М., 1975. С. 49–50. Даже героизация образа императора, характерная для второй половины его правления, осуществлялась не в эллинистических, а в типично римских формах: «На этих портретах император старше, чем на ранних изображениях, лицо его стало строже, суровее, значительнее. Резче подчеркнуты складки на переносице, брови нахмурены, выдавая напряженную работу мысли. Несмотря на отсутствие пластически выполненного зрачка, глаза переданы очень выразительно – ощущается сосредоточенный, внимательный взгляд» (там же. С. 50).

¹⁴ Превосходство своих достижений над достижениями Александра демонстрировал уже Гн. Помпей Великий. См.: Смыков Е.В. Александр Великий и римская политическая идеология // Античное общество-IV: Власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов 5–7 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 73–78.

¹⁵ Domaszewski A. von. Geschichte der römischen Kaiser. Leipzig, 1909. Bd. 2. S. 182.

место в отечественной науке. Так, С.И. Ковалёв напрямую связывал активизацию внешней политики Рима с кризисными явлениями в экономике: «Наиболее вероятным будет предположение, что причиной активизации римской внешней политики в начале II в. был ...хозяйственный кризис Италии.... Организация государственной благотворительности, начатая Нервой и продолженная его преемником, требовала больших средств. Налоговое обложение было доведено до крайней степени ещё при Флавиях и, как показала внутренняя политика Адриана, не могло быть увеличено. Оставался один путь – завоевания, которые должны были принести с собою военную добычу и увеличить доходы казначейства. Приток рабов мог решить проблему рабочей силы, которая при империи становилась всё более сложной. Наконец, на завоёванные территории можно было вывести колонистов и таким путём смягчить аграрный кризис»¹⁶.

На первый взгляд, эти причины кажутся довольно искусственными: перед войной с Парфией была проведена победоносная для Рима вторая Дакийская война, в ходе которой была захвачена огромная добыча. Свидетельством финансового благополучия государства было то, что в Риме Траян заложил новый форум, самый грандиозный из всех императорских форумов, который был построен на деньги, полученные им в ходе войны с даками. Не могло же всё, что было завоёвано, быть полностью потрачено сразу же, за те несколько лет, которые прошли с момента завершения дакийской кампании до начала подготовки к парфянской войне! Это выглядит тем более нереальным, что в Дакии были золотоносные и серебряные рудники, эксплуатация которых приносила немалые доходы¹⁷.

Однако, например, такой крупный знаток хозяйственной жизни Римской империи, как М.И. Ростовцев, ничего не говоря о кризисе, тоже подчёркивал: «Траян платил за свои победы колоссальным напряжением сил всей империи. Для проведения военных операций требовались все новые и новые мобилизации, их бремя ложилось почти исключительно на римские и романизированные области... Мужчины, уезжавшие на целинные земли востока и юга, редко возвращались назад, многие из них находили там свою

¹⁶ Ковалёв С.И. История Рима. Л., 1986. С. 549.

¹⁷ Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955. С. 86–91.

смерть; меж тем для колонизации и урбанизации недавно присоединенных провинций нужен был все новый и новый приток многочисленных людских резервов. <...> Времена, когда Рим мог финансировать свои войны, а победы приносили завоевателям богатства, миновали. Какой бы богатой ни была дакийская и месопотамская военная добыча, ее было недостаточно, чтобы покрыть колоссальные расходы на ежегодное проведение планомерных военных операций, требующих многочисленных войск и ведущихся на далеко удаленных друг от друга театрах военных действий. <...> Лишь тот, кто на собственном опыте испытал подобные трудности, несмотря на наличие современных железных дорог, автомобилей и крупных фабрик, может оценить всю остроту проблем, которые возникали в Древнем Риме во время настоящих, а не «колониальных» войн, продолжавшихся годами. Кроме того, после войны с даками Траян выделил огромные денежные суммы на *congiaria* для народа, *donativa* для солдат, а также на всевозможные игры и представления. Ещё большие затраты были им сделаны на масштабное строительство в Риме, Италии и в провинциях»¹⁸.

Таким образом, если развить мысль автора до логического завершения, расходы императора превышали доходы, и это делало войны необходимыми. Получается заколдованный круг: большие расходы покрываются новой войной, которая, в свою очередь, требует больших расходов и т.д. Конечно, признание той или другой связи войны с экономическими процессами, явлениями и нуждами Рима, при отсутствии надежных статистических данных, остается целиком на совести автора. Скажем, между дакийской и парфянскими войнами можно усмотреть и иную связь – не экономическую (необходимость покрывать расходы), а политическую – осознание собственного могущества. Так дело представлено, например, авторами учебника по истории древнего Рима: «Завоевание Дакии и общее укрепление империи в дунайском бассейне и Северном Причерноморье, по мнению господствующих кругов Рима, создало благоприятные условия для проведения крупномасштабной войны с могущественной Парфией и осуществления давнишней идеи Ри-

¹⁸ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. СПб., 2001. Т. 2. С. 75–76.

ма – вытеснить парфян из Месопотамии и отбросить их за горы Загроса»¹⁹.

В общем и целом, ко второй половине XX в. объяснение действий Траяна на основе признания влияния на его политику, полностью или в значительной степени, тех или иных экономических интересов стало доминирующим подходом²⁰. Соответственно, вполне конкретная личность принимающего решения императора заменяется более абстрактными понятиями – «правлящий слой», «господствующие круги» и т.п. Так, А.Г. Бокщанин всячески подчеркивал, что Траян действовал в интересах рабовладельческой знати, которая надеялась сокрушить «наследственного врага» на Востоке²¹. На теоретическом уровне проблема экономических мотивов римской внешней политики рассматривалась, в первую очередь, применительно к Римской республике эпохи великих завоеваний. Анализ фактического материала показал, что и в самом деле итогом ведения войн были экономические выгоды, которые получали, фактически, все слои общества²². В этом отношении ситуация в эпоху раннего принципата вряд ли изменилась. Но одно дело выгоды, полученные в результате войны, и совсем другое – экономические выгоды как побудительный мотив для начала войны. Американская исследовательница С. Мэттерн-Паркс, специально исследовавшая проблему отношения Рима к враждебному ему миру²³, подчеркивает: «В стремлении прочесть римское мышление, в поиске причин того, что они делали, а особенно – военного дела, для современных историков является обычным делом прибегать к экономическому, стратегическому или даже социальному рационализму – стремлению немногих великих людей к могуществу и славе – для того, чтобы объяснить то, что в ином случае кажется неясным. Но прежде всего важно осознать, что сами римляне признавали хорошие и плохие причины для ведения войны. Для

¹⁹ *История Древнего Рима*. М., 1993. С. 221.

²⁰ *Lepper F.A.* Trajan's Parthian War. Oxf., 1948. P. 156. Ф. Леппер не согласен с этим подходом, но для обстоятельной критики выбирает только один его вариант – теорию, согласно которой Траян вел войну, имея целью укрепиться на торговых путях, проходивших через Месопотамию к Персидскому заливу (*ibid.* P. 158–163).

²¹ *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. М., 1966. Ч. 2. С. 227–228.

²² Обзор дискуссии см.: *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э. М., 1993. С. 74–78.

²³ *Mattern S.P.* Rome and the Enemy: Imperial Strategy in the Principate. Berkeley; Los Angeles; L., 1999.

них экономические факторы или жажда славы со стороны полководца были несправедливыми, недостаточными причинами»²⁴.

Таким образом, ни одно из предложенных объяснений не может служить достаточным основанием для войны, если мы посмотрим с римской точки зрения. Даже поведение парфян в армянском вопросе, хотя и нарушало договорённости, существующие между империями, давало возможность мирного выхода из ситуации, стоило только Траяну принять «моральную компенсацию» – дары от Хозроя и, в соответствии с его просьбой, утвердить на престоле Партамазириса. Тем не менее, он этого не сделал. В чем же причина такой неуступчивости?

Как мне кажется, здесь следует обратить внимание на давно известное свидетельство Плиния Младшего о переговорах парфян с дакийцами. В письме императору Плиний сообщает: «Апулей, владыка, солдат из Никомедийского поста, написал мне, что некий Каллидром, которого пытались задержать хлебники Максим и Дионисий, как нанявшегося к ним на работу, кинулся к твоей статуе, а когда его привели к магистратам, показал, что он был когда-то рабом у Лаберия Максима, захвачен был в Мезии Сусагом в плен и отправлен Децебалом в подарок парфянскому царю Пакору, много лет находился у него на службе, а затем бежал и очутился в Никомедии. Его привели ко мне, и когда он рассказал то же самое, я решил отправить его к тебе, но несколько задержался, разыскивая гемму с изображением Пакора во всем убранстве, которую, по словам Каллидрома, у него украли. Я хотел, если бы она нашлась, послать ее вместе с ним, как я послал кусочек металла, который он, говорит, унес из парфянских рудников» (Plin. Ep. X.74).

Об этом эпизоде часто упоминают²⁵, но он еще не нашел своего места в ряду тех событий, которые предшествовали войне. Между тем он достаточно важен. Во-первых, несомненно, что Каллидром прибыл к Пакору не один, а, видимо, в составе посольства, отправленного в ходе второй дакийской войны. Цели и итоги этого по-

²⁴ *Mattern-Parkes S.P.* The defeat of Crassus and the just War // *Classical World*. 2003. Vol. 96. No. 4. P. 395.

²⁵ См., напр.: *Merivale Ch.* A History of the Romans under the Empire. L., 1982. Vol. 7. P. 372; *Schiller H.* Geschichte der römischen Kaiserzeit. Gotha, 1883. Bd. 1. S. 555; *Rawlinson G.* The Story... P. 389; *Duruy V.* Op. cit. P. 293.

сольства неизвестны, как и то, от кого исходила инициатива²⁶. Возможно, оно имело определённый результат – Н. Дибвойз считает, что закованные в броню всадники, изображенные на колонне Траяна, могут быть не сарматами, а парфянами²⁷. Но в любом случае сам факт такого посольства не мог не поставить парфянского царя в положение виноватого, которому следует отомстить за такое вопиющее нарушение верности. Здесь следует подчеркнуть, что тремя столетиями раньше аналогичные переговоры Филиппа V, царя Македонии, с Ганнибалом привели к началу первой Македонской войны – римляне объявили её, несмотря на то, что годом раньше потерпели жесточайшее поражение при Каннах и война в то время складывалась для них отнюдь не блестяще. Самое главное при этом, пожалуй, то, что напоминание о вероломном поведении македонского царя было одним из мотивов, по которым в дальнейшем римляне вступили во вторую войну с Филиппом – вина за союз с карфагенянами продолжала на нем оставаться²⁸, и Рим был удовлетворен только сокрушив окончательно мощь македонской монархии.

Как кажется, мы можем представить себе такую последовательность событий. Переговоры Децебала и Пакора остались не замечены римлянами во время их ведения, либо же у римлян не было твердых доказательств того, что они велись. Ситуация изменилась после появления Каллидрома. Обращает на себя внимание то, что его показания совпадают по времени с началом римских военных приготовлений. Свидетельством того, какая важность придавалась всему делу, была отправка этого авантюриста в Рим, к императору – явно, слишком высокая честь, если бы это дело было рядовым происшествием. Как знать – может быть, именно Каллидром и его рассказ (кстати, наличие у него геммы с изображением Пакора может быть свидетельством его отнюдь не рядового положения при царе) послужили тем детонатором, который окончательно определил направление новых военных усилий «лучшего принцепса» и сделал мир между ним и Хозроем невозможным?

²⁶ Так, А.Г. Бокщанин писал, что «парфянам удалось установить сношения с Децебалом», что предполагает инициативу с их стороны (*Бокщанин А.Г.* Указ. соч. С. 224). Естественно, это допущение является произвольным.

²⁷ *Дибвойз Н.К.* Политическая история Парфии. СПб., 2008. С. 186.

²⁸ С. Мэттерн-Паркс подчеркивает, что война в отместку за что-либо была в глазах римлян безусловно справедлива (*Mattern-Parkes S.P.* Op. cit. P. 395).

УЛЯМАЕВ Т.Р. (САРАТОВ)

АЛЕКСАНДР СЕВЕР И АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ФИКЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В апреле 224 г.¹ на равнине Ормиздаган Ардашир из рода Сасана, выходец из Парса (Персида), в генеральном сражении одержал победу над парфянским войском во главе с царём Артабаном V. Через два года, в 226 г., происходит захват персами Ктесифона и торжественное вступление Ардашира на престол. Эти события ознаменовали собой приход к власти в Персии новой династии Сасанидов (224–651 гг.)². Уже её первый правитель Ардашир I (226–242), по свидетельству Геродиана, заявлял, что «ему подобает восстановить для персов целиком всю державу, которой они владели», «со времени Кира, который первым перенёс власть от мидян к персам, вплоть до Дария, последнего персидского царя» (Herod. VI.2.2).

Практически одновременно с этими событиями, в 222 г., в Риме воины убили Антонина Гелиогабала (218–222) и провозгласили новым императором 16-летнего Александра (222–235)³, представителя боковой сирийской ветви римского императорского рода Северов.

Таким образом, получается ряд интереснейших исторических аналогий. На политической карте Востока снова появляется название Персия, причём эта Персия – мощное централизованное государство, правители которого сразу начинают демонстрировать имперско-ахеменидские амбиции и на протяжении почти четырех столетий ведут активную борьбу с Римом и его наследницей – Византией. Одновременно с этим на Западе появляется юный император, носящий роковое для Ахеменидов имя Александр. Этот «новый Александр», вдобавок ко всему прочему, является правителем государства, которое на протяжении трёх веков выступало как главный геополитический противник аршакидской Парфии, преемницей которой была Сасанидская Персия.

¹ Все даты в статье нашей эры.

² О происхождении Сасанидов и захвате ими власти см.: *Frye R.N. The Political History of Iran under the Sasanians // The Cambridge History of Iran. Cambr., 1983. Vol. 3. Pt. 1. P. 116–124.*

³ Новый император родился 1 октября 205 г., а власть получил 13 марта 222 г. См.: *Bengtson H. Grundriss der römischen Geschichte mit Quellenkunde. Republik und Kaiserzeit bis 284 v. Chr. München, 1982. S. 397.*

Была ли в ходу эта идея у римских историков, современников событий и действительно ли существовало в Риме в 20-е – 30-е годы III в. подражание Александру Великому со стороны императора? Или же эта традиция появилась у более поздних авторов? А если это так, то чем эта традиция была вызвана? Рассмотрим внимательнее данные источников. Сразу же следует оговориться, что если для Каракаллы, например, подражание Александру засвидетельствовано всеми основными письменными источниками⁴, то для Александра Севера об этом говорит только один источник, да и тот не очень достоверный – сборник императорских биографий «*Scriptores Historiae Augustae*»⁵.

По мнению Элия Лампридия, под именем которого дошла до нас биография Александра Севера, этот император часто сравнивался современниками с Александром Великим, да и сам всячески почитал Македонца и подражал ему. Лампридий приводит ряд подробностей, связанных с рождением императора. Согласно его рассказу, «он получил имя Александра потому, что родился в храме, посвящённом Александру Великому в городе Арке, так как случилось, что отец его вместе с женой пришли сюда в день праздника Александра для выполнения религиозных обрядов» (SHA. Alex. V.2). Кроме того, «день рождения этого Александра, сына Мамеи, приходится на тот день, когда умер тот Великий Александр» (SHA. Alex. V.2). Эти сведения Лампридий считает знаменами ожидавшей Александра Севера императорской власти (SHA. Alex. XIII.1).

Затем Лампридий сообщает, что кормилицу Александра Севера звали Олимпиадой (SHA. Alex. XIII.3) и что якобы «случайно получилось», что дядькой его был крестьянин по имени Филипп (SHA. Alex. XIII.4). Как известно, Олимпиадой звали мать Александра Македонского, а Филиппом – его отца, Филиппа II Македонского. Лампридий приводит и интересное знамение (SHA. Alex. XIII.7) – «лавр, выросший в доме рядом с персиковым деревом, в течение одного года перерос персиковое дерево»; в силу этого Александр Север определяется как будущий победитель персов.

Однако эта «мифология происхождения» рушится сразу же, если ее сопоставить с другими источниками. Согласно рассказу Геро-

⁴ Dio Cass. LXXVIII.7.1–3; 8.1; 9.1; Herod. IV.8.1–2; 6–9; SHA. Carac. 2.1–2.

⁵ О характере этого сборника и проблеме его достоверности см.: *Штаерман Е.М. Scriptores Historiae Augustae как исторический источник // ВДИ. 1957. № 1. С. 233–245.*

диана первоначальное имя будущего императора было Алексиан (Herod. V.7.3)⁶. Имя Александр он получил не при рождении, а после того, как Гелиогабал объявил его цезарем по совету своей матери Месы (Herod. V.7.1). Неверно указан и день рождения будущего императора: он родился 1 октября (CIL I² 255, 274), а Александр Македонский умер, как известно, 13 июня 323 г. до н.э.

Естественно, что Геродиан ничего не знает о якобы «случайном» совпадении имён и о чудесном знамении с лавром и персиковым деревом, что, при существовании подобных рассказов уже в то время, было бы довольно странно, учитывая его ориентацию в первую очередь не на книжную, а на устную традицию⁷. Таким образом, все приводимые Лампридием подробности являются фикцией, причем, скорее всего, позднего происхождения, если только они не были измышлены им самим. Как справедливо отмечает современный исследователь, всё написанное Лампридием жизнеописание является замечательным образцом того, как легенда об Александре могла переноситься на других персонажей⁸.

Однако легенды, связанные с происхождением и обстоятельствами рождения – это только одна сторона вопроса. Другая, более важная, – это то, повлиял ли образ Александра Великого на политическое поведение Александра Севера? Здесь мы снова сталкиваемся с маловероятными, а то и совершенно невероятными, сообщениями. Элий Лампридий повествует, что при вступлении на престол Александр Север отказался «и от имени Великого, которое было ему предложено по решению сената, словно новому Александру Македонскому» (SHA. Alex. V.5). Сам по себе этот факт возможно и не выдуман, однако, споря с сенатом, отказываясь от титулов Антонин и Великий, Александр размышляет слишком долго, взросло, рассудительно, учитывая тот факт, что ему было всего 16 лет! Кроме того, определение «Великий» никогда не входило в титулатуру Александра Македонского и вообще не употреблялось по

⁶ Согласно Диону Кассию, его звали Бассиан (Dio Cass. LXXX.30). О полном имени Александра см.: *Groebe. Aurelius (221)* // RE. 1896. Hbd. 4. Sp. 2526–2527.

⁷ О методах работы Геродиана с его материалом см.: *Доватур А.И.* Историк Геродиан // Геродиан. История императорской власти после Марка. М., 1996. С. 153, 156, 160–161.

⁸ *Nadell J.B.* Alexander and the Romans. Ann Arbor, 1959. P. 117.

отношению к нему греческими писателями, именовавшими его либо просто «Александр», либо «Александр, сын Филиппа»⁹.

Еще одну подробность проверить довольно легко. Александр Север, рассказывает его биограф, «выбил много монет с изображением Александра» (SHA. Alex. XXV.9). Теоретически Александр мог быть изображен на монетах его тезки, либо самому императору могли придать черты великого македонянина. Однако здесь мы натываемся на то, что данными нумизматики утверждение не подкрепляется: у нас нет ни одной подобной монеты¹⁰! В данном случае Александру Северу пришлось бы опираться на эллинистическую традицию, в рамках которой сложился возвышенно-романтический портрет Александра, чертами которого (но с сохранением их личных портретных особенностей!) наделялись монархи¹¹. Явление это достаточно хорошо известно и изучено, но Риму оно, судя по всему, оставалось чуждым как до Александра Севера, так и после него.

Несомненно, Лампридий ищет черты сходства с Александром Великим и в военной деятельности Александра Севера. Так, римский император якобы создал себе отряд среброщитников и золотощитников, а также фалангу из тридцати тысяч воинов-фалангариев, «и с ними очень успешно действовал в персидской земле» (SHA. Alex. L.5). И вновь: у Геродиана, чье изложение событий военной истории гораздо подробнее и систематичнее, мы ничего не находим об этой фаланге, хотя сама по себе эта информация может оказаться как ложной, так и истинной. Здесь стоит вспомнить «фалангу Александра Великого», которую создал Нерон, готовя свой восточный поход (Suet. Nero. 19.2) – может быть, именно этот факт лежит в основе сообщения биографа?

⁹ Michel D. Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und Marcus Antonius. Archäologische Untersuchungen. Bruxelles, 1967. S. 35.

¹⁰ См.: Mattingly H., Sydenham E.A., Sutherland C.H.V. The Roman Imperial Coinage. L., 1938. Vol. 4. Pt. 2. P. 62–69 (общая характеристика монетной чеканки Александра Севера). Далее (P. 70–122) приводятся описания всех известных монет Севера, но ни об одной из них нельзя с уверенностью сказать, что она отсылает к образу македонского завоевателя. Правда, образ Александра сохранился в провинциальной македонской чеканке (см. обзор относящегося сюда материала: Dahmen K. The Legend of Alexander the Great on Greek and Roman Coins. L.; N.Y., 2007. P. 136–141), но говорить здесь о каком-либо «подражании» вряд ли приходится.

¹¹ См., напр., обстоятельное исследование К. Бом: Bohm C. Imitatio Alexandri im Hellenismus. Untersuchungen zum politische Nachwirker Alexanders des Grossen in hoch- und spathellenistischen Monarchien. München, 1989.

Однако между действиями Александра Великого (и Нерона, который, независимо от его конкретных планов, готовил наступательную войну) и действиями Александра Севера есть принципиальная разница, которую Лампридий совершенно сглаживает. Описывая кампанию 231–233 гг. против персов, он говорит только о победе Александра и бегстве персидского царя (SHA. Alex. LV.1,2), Геродиан же подробно описывает ход военных действий, упоминая заодно и о том, что Александр два раза пытался разрешить конфликт с персами мирным путём (Herod. VI.2.3–4; 4.4). Это находится в разительном противоречии с поведением Александра Великого, который, как известно, отверг все попытки Дария добиться мирного урегулирования, считая этот путь недостойным своего величия (Diod. XVII.39.1; 54.1; Curt. IV.1.7 sq.; Just. XI.12.1; Arr. II.14.4 sq).

Что касается исхода кампании, то, по словам Геродиана, он был отнюдь не блестящим: «...При почти одинаковом с обеих сторон числе павших воинов представляется всё же, что оставшиеся в живых варвары одержали победу благодаря превосходству в числе, а не своей мощью» (Herod. VI.6.6).

Лампридий пишет о том, что некоторые авторы (из них по имени он называет только Геродиана) пишут о поражении Александра Севера, но «это сообщение противоречит мнению многих» (SHA. Alex. LVII.2–3). Обращает на себя внимание то, что из оппонентов Лампридия назван по имени хотя бы Геродиан, а вот доказывает он свою правоту ссылаясь на каких-то «многих», из которых не назван никто. Если учесть к тому же, что герой биографии ведет себя не как реальный политик III в., а подобно Александру из уже сложившейся к тому времени литературно-исторической традиции, напрашивается вывод: победа Александра Севера над персами – это домысел, связанный опять-таки с желанием подчеркнуть сходство двух Александров.

Развивая аналогию с войной Александра Великого против Ахеменидов, Лампридий применяет и откровенную выдумку. Он говорит об использовании персами серпоносных колесниц (SHA. Alex. LV.2) – но дело в том, что на вооружении у персидской армии эпо-

хи Сасанидов этих колесниц не было!¹² В свете этого довольно забавно выглядит изложение доклада Александра Севера сенату, в котором тот говорит, что колесницы были захвачены, но привезти их в Рим он посчитал излишним, «так как это было легко подстроить» (SHA. Alex. LVI.4). Интересно, что, по словам Лампридия, сенат, чествуя Александра за победу над персами, именует его «величайший Персидский» (*maximus Persicus*), «подлинно Парфянский» (*vere Parthicus*), «подлинно Персидский» (*vere Persicus*) (SHA. Alex. LVI.9). Безусловно, это не были официальные титулы, которые поднесли Александру; более того, весьма вероятно, что и вся эта сцена просто вымышлена автором. Тем не менее, в ней есть любопытная деталь: римляне тогда ещё рассматривали военные действия 231–233 гг. против Сасанидов в контексте римско-парфянских войн, не разделяя пока ещё чётко парфян и персов.

Таким образом, напрашивается вывод, что в III в. в Риме никакой мысли о «новом Александре», вступившем в борьбу с персами, не было; идея о «Новом Александре», о подражании Александра Севера Александру Великому, о борьбе Александра Севера с Сасанидской Персией как продолжении борьбы Александра Великого с Ахеменидской державой – всё это не современное событиям идеологическое обрамление, а продукт более позднего времени и чисто литературной переработки исторического материала. Скорее всего, в дальнейшем, вследствие тяжёлой борьбы Рима с Сасанидским Ираном, первые военные столкновения вписываются в новый политический контекст и появляются эти многочисленные, отчасти выдуманные, а отчасти достоверные сопоставления юного римского императора с македонским завоевателем.

Однако при всей надуманности аналогий и отсутствии за ними реального политического содержания, в произведении Лампридия содержится очень интересная информация несколько иного плана, отражающая историческую реальность и касающаяся отношения к образу македонского завоевателя в Риме. Несмотря на то, что в политике это не проявлялось, личный интерес Севера к Александру тем более вероятен, что сам он был уроженцем восточной полови-

¹² См. характеристику армии Сасанидов: *Nicolle D. Sassanian armies. The Iranian Empire early 3rd to mid – 7th centuries AD.* Stockport, 1996.

ны Империи¹³, для эллинизированного населения которой Александр оставался воплощением доблести. Но столь же вероятно и то, что этот интерес не встречал понимания в столице, поскольку для природных римлян Александр во многом олицетворял темные стороны единоличного правления. В силу этого, по словам Лампридия, Александра Севера «порицали... за то, что он... хотел казаться Александром Великим» (SHA. Alex. L.5). В чем конкретно выражалось это желание – неизвестно, но «он охотно слушал, если кто-либо произносил похвальное слово в честь Александра Великого» (SHA. Alex. XXXV.1), «председательствовал на Геркулесовом состязании в честь Александра Великого» (SHA. Alex. XXXV.1). Наверное, самое интересное здесь следующее замечание: «Он старался казаться достойным своего великого имени и – мало того – превзойти великого македонянина. Он говорил, что должна быть большая разница между римским Александром и македонским» (SHA. Alex. L.4). В свете того, что было сказано выше о военных достижениях Александра Севера, все это утверждение выглядит очень сомнительным. Превзойти великого завоевателя можно было только на полях сражений, к чему молодой император явно не стремился. Однако Лампридий выступает здесь как наследник очень давней римской традиции, восходящей еще ко временам классической республики¹⁴.

Как видно из сочинения Лампридия, за прошедшие века изменилось немного. Прежде всего, во всех указанных местах Лампридий говорит не столько о том, что было, сколько о том, как могло казаться окружающим, как они воспринимали поступки императора. Вполне возможно, что Север охотно слушал похвальные речи в честь Александра – но усмотреть в этом стремление казаться на него похожим мог только предвзятый взгляд. Таким образом, сравнения императора с Александром Великим, видимо, если и были, то были вызваны некоторой нелюбовью или, по крайней мере, настороженным отношением к нему. Это – те слухи и сопоставления, которые существовали независимо от желания и воли императора.

¹³ По мнению современного исследователя, сам этот факт был симптоматичен с точки зрения возрастания в III в. даже не эллинизма, а ориентализма (*Nadell J.B. Op. cit. P. 122*).

¹⁴ См. об этом: *Смыков Е.В. Александр Великий и римская политическая идеология // Античное общество-IV: Власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов 5–7 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 73–78.*

Наконец, во всех этих толках и пересудах, несомненно, нашло свое отражение специфическое римское отношение к образу Александра Македонского, которое на протяжении веков оставалось главным образом негативным. Римляне, естественно, относились к нему с интересом и удивлением перед его талантами, о чем свидетельствует само прозвище «Великий», которое дали ему именно они. Но при этом он оставался представителем совершенно чуждой, даже враждебной, Риму политической традиции. В условиях III в., когда произвол и деспотизм императоров стал грустной повседневностью «Вечного города», сопоставление с македонским деспотом могло приобрести новую политическую злободневность.

КАРГАЛЬЦЕВ А.В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА РИМСКОЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Христианство как религиозное течение появилось в качестве ответвления иудаизма. Проповедь Христа была напрямую связана с иудейской традицией и звучала на территории еврейского государства. В появлении нового религиозного течения внутри иудаизма не было ничего необычного (Acta Apost. 5.36), но, в отличие от политеистического Рима, иудеи, в особенности служители иерусалимского храма, ревниво следившие за чистотой своего вероучения, враждебно воспринимали любые отступления от него. К тому же ожидание мессии было связано с политическими чаяниями еврейского народа. Раздражение, вызванное как римским господством, так и периодическими религиозными притеснениями, привело к тому, что вопрос о царе, который должен создать «новый Израиль», стоял в то время очень остро. На тот момент в иудейском обществе социальная база населения, среди которого проповедь апостолов имела успех, была незначительной. Хотя «Книга деяний святых апостолов» сообщает нам о нескольких сотнях крестившихся, спокойствие иудейской элиты после распятия Христа указывает на то, что движение не получило массовой поддержки народа.

Проповедь ап. Павла имела гораздо больший успех среди иудеев диаспоры. В середине I в. еврейские общины существовали во многих крупных городах Средиземноморья, и их члены составляли значительную часть населения Рима и Александрии. Менее тесно связанные с иерусалимским храмом, а, следовательно, более открытые к контактам с населением римских городов, они оказывали значительное культурное и религиозное воздействие. Вокруг иудеев сформировалась целая группа поклонников их религии, которые в силу определённых обстоятельств не могли в полной мере принять иудаизм¹. Были или не были они «боящимися бога» не столь важно, но очевидно, что, живя в тесном контакте с большими группами евреев, многие местные жители были знакомы с иудейским вероучением. Это была единственная социальная среда, в которой христианская проповедь могла иметь успех. И единственным апо-

¹ Левинская И.А. Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000. С. 94–230; Kraabel A.T. The Disappearance of the «God-Fearers» // Numen. 1981. Vol. 28. No. 2. P. 113–126.

столом, понимавшим это, был, пожалуй, апостол Павел. Выход христианского вероучения за пределы Палестины был решающим фактором в его распространении.

Цель данной работы - рассмотреть положение иудейской диаспоры Северной Африки ко времени появления там христианства. Современная историография очень осторожно оценивает возможность существования крупной еврейской общины в конце II века в Карфагене и других крупных африканских городах, о котором, в первую очередь, свидетельствуют археологические и эпиграфические источники. Так, Я. Ле Боэк, исследовавший порядка 50 тыс. африканских надписей, смог интерпретировать около сотни из них как еврейские, при этом большую часть датировав временем после 235 г., а самую раннюю надпись - II веком².

Значительный археологический материал был получен в результате открытия в конце XIX в. крупнейшего в Северной Африке еврейского кладбища в Гамарте, городе, расположенном в нескольких километрах севернее Карфагена. Этот некрополь насчитывал около полутора тысяч захоронений в виде локул. А.-Л. Делаттре датировал большинство захоронений III в.³ Впоследствии П. Феррон обнаружил в Гамарте ещё несколько катакомб, среди украшений которых встречались характерные еврейские символы: семисвечник, шофар, лулав и этрог⁴. Размеры этого кладбища дают основание полагать, что евреи составляли значительную часть населения в небольшом городе. Очевидно также, что Гамарт был местом компактного проживания евреев вблизи Карфагена (хотя, конечно, численность евреев несравнима с населением еврейских кварталов Александрии).

² *Setzer C.* The Jews in Carthage and Western North Africa, 66–235 CE // *The Cambridge History of Judaism. Vol. 4: The Late Roman-Rabbinic Period.* N.Y., 2006. P. 68 ff. По теме см. также: *Le Boeck Y.* Inscriptions juives et judaïsantes de l'Afrique romaine // *AntAfr.* 1981. Vol. 17. P. 165–207; *idem.* Juifs et judaïsants dans l'Afrique romaine. Remarques onomastiques // *AntAfr.* 1981. Vol. 17. P. 209–229; *idem.* Les sources archéologiques du judaïsme africain sous l'Empire romain // *Juifs et judaïsme en Afrique du Nord dans l'Antiquité et le Haut Moyen-Age.* Montpellier. 1985. P. 13–47.

³ *Delattre A.-L.* La Nécropole juive de Carthage. Lyon, 1895. Отчёт экспедиции А.-Л. Делаттре - это единственный документ, содержащий подробную топографию местности и планы раскопов. В настоящее время территория кладбища частично застроена. См.: *Goodenough E.R.* Jewish Symbols in the Greco-Roman Period. N.Y., 1953. P. 63–68.

⁴ *Ferron P.J.* Epigraphie juive // *Cahiers de Byrsa.* 1951. Vol. 1. P. 175–206; *idem.* Epigraphie juive // *Cahiers de Byrsa.* 1956. Vol. 6. P. 105–117.

В рамках нашего исследования следует обратить внимание на ещё одно важное обстоятельство. Среди обнаруженных надписей две А.-Л. Делаттре интерпретирует как христианские. В одной упоминается популярный в Африке св. Стефан, а вторая содержит обращение к некой женщине как св. Деве⁵. Эти надписи позволили сначала П. Монсо, а вслед за ним и целой плеяде исследователей, говорить, во-первых, о мирных взаимоотношениях иудеев и христиан, во-вторых, об их соседском проживании в африканских городах, и о появлении христианства в рамках местной иудейской общины⁶. Однако, как показывают современные исследования, данные эпиграфические свидетельства являются весьма ненадёжными. Так, ставятся под сомнение реконструкция первой надписи и интерпретация второй⁷.

Надписи содержат ряд важных хронологических уточнений, в частности, указывают на полученное евреями в 212 г. гражданство. Ряд надгробий содержит известные языческие погребальные формулы DM (*Dis Manibus*) и DMS (*Dis Manibus Sacrum*), в попытках интерпретации которых Л.В. Рутгерс пришёл к выводу о вторичном использовании камней с погребальными надписями, которые в этом случае теряли своё первоначальное значение. Кроме того, он показал, что нигде в другом месте в еврейской диаспоре подобные надписи не встречаются, а евреи и язычники пользовались одними и теми же мастерскими⁸. Таким образом, мы видим, с одной стороны, уверенное стремление африканских евреев к ассимиляции, с другой, чёткие проявления самоидентичности, что, в случае сравнительно недавнего их появления в Карфагене и окрестных городах, вполне вероятно⁹. К этому можно добавить сравнительно бедный характер захоронений – лишь в нескольких из них были обнаружены мраморные плиты, в большинстве же они изготовлены из песчаника, покрытого краской.

⁵ *Le Bohec Y.* Inscriptions juives... P. 34, 46.

⁶ *Monceaux P.* Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe. P., 1901. Vol. 1. P. 9. Её идея нашла поддержку в работах последующих исследователей: *Labriolle P. de.* History and Literature of Christianity from Tertullian to Boethius. L., 1924; *Simon M.* Le judaïsme berbère dans l'Afrique ancienne // RHPH. 1946. Vol. 26. P. 1–31, 105–145.

⁷ *Setzer C.* The Jews in Carthage... P. 69.

⁸ *Rutgers L.V.* The Hidden Heritage of Diaspora Judaism. Essays on Jewish Cultural Identity in the Roman World. Leuven, 1998. P. 269–272.

⁹ *Barclay J.M.* Jews in the Mediterranean Diaspora: From Alexander to Trajan (312 BCE – 117 CE). Edinburgh, 1996. P. 320–335.

До нашего времени в Северной Африке сохранились развалины крупной синагоги в Наро¹⁰. Однако мы располагаем свидетельствами Тертуллиана, где в частности он называет иудеев Наро «источниками гонений» (Tert. Scorpi. 10.10). Кроме того, в трёх погребальных надписях III в. упоминается *pater synagogae* или *archisynagogos*, что также указывает на существование синагог¹¹. Таким образом, можно согласиться с выводами Я. Ле Боэка, что гипотеза о существовании иудейских общин в Северной Африке до II в. не поддерживается материальными источниками. Однако речь в данном случае идёт только о ряде старых городов преимущественно прибрежной полосы.

В литературных свидетельствах о евреях в Северной Африке содержатся поздние упоминания об известных карфагенских равнинах¹². Обширные сведения об иудеях содержатся в трудах Тертуллиана. Среди аргументов в пользу его непосредственного знакомства с иудеями можно отметить упоминания их обычаев, которые неизвестны из Библии. Например, он пишет, что «Израиль Иудейский омывается ежедневно, ибо ежедневно оскверняется» (Tert. De bapt. 15). Кроме того, апологет ссылается на споры между иудеями и христианами о Христе как мессии (Tert. Apol. 21.15), его бесславной смерти (Tert. Adv. Jud. 10) и его воскресении (Tert. Apol. 21.15); эти споры вполне могли иметь место в Карфагене, поскольку в то время шли и в других христианских общинах¹³. Тертуллиану принадлежит специальное произведение «Против иудеев», вдохновлённое, как полагают, его спорами с реальными еврейскими оппонентами¹⁴. Также он прямо указывает, что иудеи преследуют христиан, и, как уже упоминалось ранее, называет синагогу источником гонений (Tert. Scorpi. 10.10). Однако там, где Тертуллиан обращается к примерам его собственного времени, он неточен. В сочинении «О бегстве во время гонений», касаясь мучеников Смирны и их африканских товарищей по несчастью, он говорит, что христиане не подвергаются нападкам от иудеев (Tert. De

¹⁰ Sebag P. Histoire des Juifs de Tunisie: des origines à nos jours. P., 1991. P. 27.

¹¹ Найдены в городах Сетиф, Черчел и Волюбилис (см.: Le Bohec Y. Inscriptions juives... P. 19, 23, 79).

¹² Setzer C. The Jews in Carthage... P. 70.

¹³ Idem. "You Invent a Christ!" Christological Claims as Points of Jewish-Christian Dispute // USQR. 1991. Vol. 44. P. 315–328.

¹⁴ Horbury W. Tertullian on the Jews in the Light of De Spectaculis XXX. 5–6 // JThS. 1972. Vol. 23. No. 2. P. 455–459.

Fug. 6.2). К тому же Тертуллиан активно использует сюжеты из «Ветхого завета» в полемике с язычниками, в то время как далеко не все в церкви в то время положительно относились к ветхозаветному наследию. Таким образом, можно скорее согласиться с теми авторами, которые указывают на поверхностное знакомство Тертуллиана с иудеями¹⁵. В его трудах нет даже указаний, подобных тем, которые мы имеем в случае с Оригеном, Иеронимом или более поздним их соотечественником Августином, на совместную работу с раввинами над текстами «Ветхого завета» или на реально подтверждённые богословские споры.

В трудах следующего крупного христианского писателя и епископа Киприана мы не встречаем какой-либо прямой полемики с иудеями. Сразу заметим, что принадлежность Киприану антииудейских сочинений «К Квирину» поставлена под сомнение; но, даже независимо от того или иного решения вопроса об авторстве, данные труды лишены полемического напора, столь характерного для Тертуллиана. По сути, это сборники ветхозаветных цитат, составленные, по всей видимости, с целью показать единство Священного писания. В единственном послании, где Киприан прямо говорит об иудеях, он упоминает их в числе язычников, еретиков и вообще всех противников церкви (Сург. Ер. 59.2). Молчание Киприана особенно примечательно, если учесть то почтение, с которым он относился к Тертуллиану, и его несомненное знакомство с трактатом «Против иудеев». Можно предположить, что в период гонений Деция и последующей борьбы с отступниками внутри церкви проблема борьбы с иудеями отошла для карфагенского епископа на второй план; но также справедливо и то, что в случае реальных конфликтов между христианами и евреями, Киприан, несомненно, оставил бы какие-либо замечания об этом, учитывая ту обстоятельность, с которой он, подобно дневниковым записям, составлял свои послания. Приведённые археологические свидетельства показывают, что в середине III в. иудейская община в Северной Африке уже существовала, однако и в данном случае о каких-то контактах с христианами говорить преждевременно.

Произведение следующего крупного христианского писателя Северной Африки Арнобия «Семь книг против язычников» также

¹⁵ *Frend W.H.C. Martyrdom and Persecution in the Early Church: A Study of a Conflict. Oxf., 1981. P. 334–335; Aziza C. Tertullien et le Judaisme. Nice, 1977.*

указывает на слабое знакомство христиан с иудеями. Не касаясь подробно весьма поверхностного знакомства апологета со Священным писанием, заметим, что Арнобий единственный раз упоминает книги «Ветхого завета», называя их *Judaeorum litterae* (Arn. Adv. nat. III.12); он относится к ним с явным недоверием, не считая их источниками христианской веры. Апологет пишет об этом так: «Пусть никто не противопоставляет нам иудейские и саддукейские басни, как будто бы также и мы приписываем формы Богу, ибо думают, что так говорится в их писаниях и что утверждают это, как факт несомненный и удостоверенный» (Arn. Adv. nat. III.12). Примечательно в данном случае явное незнание Арнобия с религиозными взглядами иудаизма, притом что апология написана в самом начале IV в., когда можно уверенно говорить о существовании иудейской общины в Карфагене.

О влиянии евреев на богословскую мысль Африки можно в действительности говорить лишь спустя столетие, ко времени Августина. Итак, оставив за рамками Минуция Феликса и Лактанция, в этой работе мы намеренно коснулись трудов лишь тех христианских авторов, про которых известно, что они были уроженцами Северной Африки и большую часть жизни провели на родине и, следовательно, наиболее достоверно отразили в своих трудах реальную картину отношений евреев и христиан. Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что евреи появились в Африке сравнительно поздно, они были немногочисленны и не играли в культурной и религиозной жизни региона значительной роли.

Необходимость поиска социальной базы ранней африканской церкви позволяет нам обратиться к близкой к иудейской религиозной среде берберских племён, населявших предгорья Атласа. Обращает на себя внимание тот факт, что среди христиан пострадавших в ходе преследований в Медавре, имена троих - *Miggin*, *Lucitas*, *Sanae*, - очевидно, принадлежат представителям местного берберского населения¹⁶. В «Актах мучеников Скилии» также содержатся два специфических африканских имени - *Nartzalus* и *Cittinus*¹⁷. Обстоятельства казни скилианских мучеников в то же время указыва-

¹⁶ Данные имена содержатся в многочисленных надписях из Нумидии: *Frend W.H.C. Martyrdom and Persecution... P. 339.*

¹⁷ *Barnes T.D. Tertullian. A historical and literary Study. Oxf., 1971. P. 63.*

ют на наличие личной свободы или даже римского гражданства у осуждённых¹⁸.

Появление представителей коренного населения Северной Африки среди первых христиан, возможно, свидетельствует о существовании близкой к христианской религиозной традиции, которая обеспечила успех проповеди. Так, по мнению Ж. Сервье, некоторые берберские племена имели семитские корни и первоначально занимали территорию Киренаики на границе с Египтом, откуда впоследствии распространились по всему северу Африки до Марокко¹⁹. На их семитское происхождение указывает язык, близкий к хананейскому, посуда схожая с ближневосточной, а также выделение в социальной структуре отдельных священнических семей. А. Шураки полагал, что берберские племена сохранили в употреблении язык, близкий к древнееврейскому²⁰. При этом в отношении берберов можно лишь условно говорить о каком-либо еврейском влиянии. Вероятно, двигаясь на запад вдоль африканского побережья, они оказали глубокое культурное влияние на местное автохтонное население и смешались с ним²¹. В период, когда в Палестине получил распространение арамейский язык, Африка стала удобным прибежищем для еврейских переселенцев, хотя финикийская колонизация и политика Карфагенской державы препятствовали активным контактам евреев и берберов²². При этом, поясняет Ст. Гзелль, среди местного населения значительное распространение получили финикийский язык и обычаи²³. Но А. Шураки отмечает, что небольшое количество сохранившихся пунийских документов, на которые ссылается Ст. Гзелль, обнаружено на Мальте, Сицилии и Сардинии и напрямую не касается населения Африки²⁴. Пунийский язык, безусловно, господствовал в прибрежной, наиболее освоенной карфагенянами, полосе, на что, в частности, указывает Августин, говоря о необходимости пропо-

¹⁸ Сергеева Е.В. Первые христианские общины в Северной Африке // Мнемон. 2007. Вып. 6. С. 426.

¹⁹ Servier J. Les Berbères. P., 2003. P. 70.

²⁰ Chouraqui A. Histoire des Juifs en Afrique du Nord. P., 1985. P. 49–50.

²¹ Simon M. Op. cit. P. 131.

²² Chouraqui A. Op. cit. P. 49 sq.

²³ Gsell S. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. P., 1979. T. 1. P. 341. Note 3.

²⁴ Chouraqui A. Op. cit. P. 50.

ведовать на нём местному населению, однако, в более удалённых областях распространение его было меньшим²⁵.

В историографии идёт оживлённая дискуссия относительно возможного его распространения среди некоторых берберских племён. Г. Хиршберг указывает на молчание арабских источников до XII в. о существовании иудеев среди берберов, а также на отсутствие упоминания о них у еврейских писателей и в мидрашах²⁶. Первое обстоятельство можно объяснить, поскольку Ибн Халдун описывает период VII–XI вв. как время последовательной исламизации берберов. Второе, по мнению А. Шураки, обусловлено необходимостью приспособлять нормы иудаизма к кочевому образу жизни берберов, что приводило к нарушению пищевых запретов, соблюдения субботы и делало их маргинальными для остального еврейского мира²⁷.

Можно связать распространение иудаизма среди некоторых берберских племён с результатами Иудейской войны (66–71 гг.). Продолжительный конфликт между римлянами и евреями в Палестине имел важные последствия для африканских провинций, выразившиеся в значительной эмиграции из разорённой войной страны. Считается, что тридцать тысяч евреев были высланы в Карфаген Титом²⁸, и большая часть повстанцев отступила в Египет и далее, в Киренаику. Согласно Иосифу Флавию, группа фанатиков под руководством Ионатана готовила восстание против римлян в Ливии, однако оно было сразу же подавлено при участии местных евреев, а Ионатан был схвачен и казнён римскими властями (Bell. Jud. 7.11). В этой связи два обстоятельства заслуживают внимания. Во-первых, очевиден произошедший раскол внутри иудейского мира. Напуганные жестокими и энергичными действиями римлян в Палестине, евреи диаспоры всеми силами пытались продемонстрировать лояльность империи. Следовательно, религиозный фанатизм и его следствие - яростная неприязнь языческих и сектантских верований, в том числе и христианства, - перестали на какое-то время быть для них актуальными.

Сопоставляя все приведённые аргументы можно сделать вывод, что Северная Африка до III в. не привлекала серьёзного внимания еврей-

²⁵ Westcott B.F. A General Survey of the History of the Canon of the New Testament during the First Four Centuries. L., 2007. P. 64.

²⁶ Hirschberg H.Z. A History of the Jews in North Africa. Leiden, 1981. Vol. 2: From the Ottoman Conquests to the Present Time. P. 35.

²⁷ Chouraqui A. Op. cit. P. 50–67.

²⁸ См.: Neubauer A. Mediaeval Jewish Chronicle. Oxf., 1887. Vol. 1. P. 190.

ских переселенцев. Возможно, сначала этому препятствовала религиозная политика Карфагенской державы. После разрушения Карфагена экономическое запустение региона и охранительная политика римских властей также мешали процессу переселения евреев, и только последующее возрождение города и депортация иудеев из Палестины привели к появлению значительной общины в Африке. При этом, по видимому, евреи не играли значительной роли ни в экономической, ни в культурной, ни в религиозной жизни этого региона. В массе своей это были бедные переселенцы, к тому же напуганные подавлениями иудейских восстаний.

Последовавшее за этим появление христиан в Африке вряд ли случайно. Многочисленный набор противоречивых свидетельств относительно проникновения иудаизма в берберскую среду не позволяет определённо говорить об успехе иудейской миссии. При этом можно допустить, что, будучи даже незначительной, она во многом способствовала распространению христианства, а берберы выступили в качестве местных «боящихся бога», которые охотно присоединялись к церкви. В этом смысле местный иудейский прозелитизм если и имел место, то проявлялся весьма пассивно, поскольку так и не привлёк внимания христианских писателей.

Об устойчивых контактах иудеев и христиан можно, по всей видимости, говорить только начиная с IV в. Недалеко от Современного Триполи располагался основанный пунийцами город Оэ (пунический *W'jt*), существовавший и в римское время, в котором жила крупная еврейская община. Из посланий Августина следует, что в числе её членов были христианские богословы (Aurel. Aug. Epist. 71.3.5). В письме к Иерониму, которого он обвинял в недостаточном знании еврейского и в отходе от текста Септуагинты, Августин записывает реакцию епископа общины Оэ на чтение латинского перевода 4 главы, 6 стиха книги Ионы. Епископ, столкнувшийся с недовольством своих слушателей, которые обвиняли Иеронима в фальсификации Писания, обещал поставить вопрос перед еврейскими книжниками Оэ, которые осудили новый перевод. В Большом Лептисе, где находилась крупная и древняя христианская община, чей баптистерий является самым старым в Африке, археологами обнаружены свидетельства существования большой еврейской колонии. В частности, одно из мест на побережье недалеко от города известно как «Ras el Yihudi» – Мыс еврея²⁹.

²⁹ Chouraqui A. Op. cit. P. 36.

ЗИБАЕВ А.В. (САРАТОВ)

ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ ПРИНЯТИЯ МИЛАНСКОГО ЭДИКТА

В истории найдется немного событий, которые в корне меняли бы судьбы целых цивилизаций. Одним из таких можно считать принятие в 313 г. н.э. Миланского эдикта, кардинальным образом изменившего судьбы христианства, Римской империи и всей западной цивилизации. Эдикт явился началом процесса христианизации империи, а после её гибели христианство продолжило распространяться по Европе и миру. Его авторами были императоры Константин и Лициний, чья деятельность вызывала в историографии самые противоречивые оценки. Одним из наиболее проблемных аспектов их деятельности, является законодательство, легализовавшее христианство. Несмотря на то, что эта тема неоднократно привлекала внимание зарубежных и отечественных исследователей, материал источников столь интересен и неоднозначен, что продолжение исследований не утрачивает своей актуальности.

Вопрос о причинах и целях принятия Миланского эдикта неразрывно связан с поведенческой мотивацией людей в поздней античности. Проблематика поведения людей иных эпох была с особой остротой поставлена в исторической науке XX в., прежде всего в медиевистике¹. Как известно, в «борьбе за историзм», против приписывания людям прошлого современного исследователю способ мышления появилась «новая историческая наука» во Франции – «школа Анналов», чьё становление неразрывно связано с именами М. Блока и Л. Февра. В изучении истории Средних веков их усилия, несомненно, имели успех, позволив показать неадекватность традиционного понимания и объяснения тех или иных явлений прошлого. Однако в антиковедении этот новый подход не привел к каким-либо существенным изменениям, так как очевидна близость рационализма римского мира современному Западу. Это вызывает критическое отношение к источникам позднеримского периода, прежде всего к церковным текстам, поскольку они переполнены упоминаниями знамений и указаниями на чисто религиозные цели как причины тех или иных поступков субъектов исторического процесса – и отдельных личностей, и групп людей.

¹ Рудоквас А.Д. Мотивация политических действий в поздней античности // Античное общество – 2. СПб., 1996 // www.centant.pu.ru.

Применительно к поздней античности, на наш взгляд, необходимо учитывать изменения, произошедшие в мировоззрении большинства жителей Римской империи в конце III – начале IV в., когда принцип *pax deorum* стал более важен, чем прежде.

О Миланском эдикте нам рассказывают христианские писатели (Евсевий Кесарийский², Сократ Схоластик³, Лактанций) – и в то же время хранят абсолютное молчание авторы языческие⁴. Упорное нежелание язычников говорить на эту тему объясняется тем, что ничего хорошего о ней они сказать не могли, а плохого говорить не хотели⁵. Евсевий Памфил, епископ Кесарийский, был склонен считать, что основной причиной принятия Миланского эдикта явилось искреннее верование, благочестие и благодарность Богу императоров Лициния и Константина (Euseb. Hist. ec. IX.11.8). Сократ Схоластик, адвокат из Константинополя, видел в мотивах императора только благодарность Богу за победу над Максенцием (Socrat Schol. Hist. ec. I.2). Другой причиной личного характера послужило убеждение императоров о веротерпимости (Euseb. Hist. ec. X.5.2). Константин и Лициний в эдикте подчеркнули и важность обеспечения благополучия и мира Римскому государству (X.5.4).

В исторической науке по этому вопросу никогда не существовало однозначного ответа. Ещё в XVIII в. английский парламентарий и историк Э. Гиббон выдвинул следующие предположения о мотивах Константина:

² О времени написания «Церковной истории» Евсевия существует обширная литература. См., напр.: *Кривушин И.В.* Рождение церковной историографии: Евсевий Кесарийский. Иваново, 1995. С. 4; *Болотов В.В.* Лекции по истории Древней церкви. Минск, 2008. Т. I–II. С. 130–131; *Казаков М.М.* Христианизация Римской империи в IV веке // <http://www.biblicalstudies.ru>; *Barnes T.* Constantine and Eusebius. Cambr., 1981. P. 126–148 и др.

³ О Сократе Схоластике и его труде подробнее см.: *Лебедев А.П.* Греческие церковные историки IV, V, VI вв. М., 1890. С. 98–164.

⁴ По мнению А.Д. Рудокваса, с конца IV в., в связи с началом политического кризиса и полномасштабных варварских вторжений, идеологи языческой аристократии в качестве виновника всех бед стали видеть христианство. Это можно объяснить попыткой устранения противоречий между новыми общественными реалиями и традиционным миропониманием римских патриотов – язычников. Зосим явился основателем «идеологического мифа» о начале крушения империи именно со времени Константина.

⁵ *Рудоквас А.Д.* Христианский император и языческая оппозиция: (Идеологический аспект культурного переворота IV в. н.э.) // Античное общество: проблемы истории и культуры. СПб., 1995 // www.centant.pu.ru.

1) согласно философским убеждениям императора, все культы и верования объединялись в поклонении единому Божеству⁶;

2) у императора были гуманистические стремления и желание морально преобразовать общество;

3) в соответствии с политическим расчётом, Константин якобы мог обратить внимание на такое явление в христианстве, как «пассивное повиновение», то есть преклонение перед властью без всякого сопротивления⁷.

Сам автор, в конечном счёте, более склонялся ко второй версии. Позицию Э. Гиббона, сильное влияние на которого оказала философия Вольтера, можно объяснить господствующими в эпоху Просвещения идеями гуманизма.

В дальнейший период довольно широкое распространение получило суждение о чисто политических мотивах Константина. В середине XIX в. швейцарский историк Я. Буркхард, исходя из гиперкритической методологии, объяснил причину признания христианства пониманием и осознанием того, что христиане – законопослушные подданные и их можно привлечь на свою сторону прекращением гонений и признанием равноправия христианства и язычества. Константин – политик, которым движет тщеславие и стремление к достижению своих целей. Евсевий Памфил, по его мнению, не имеет право называться правдивым историком, так как его труды содержат множество искажений и домыслов⁸. Следует учитывать, что гиперкритический подход к источникам не способствует их адекватной интерпретации и, тем самым, препятствует истинному представлению об эпохе, поэтому взгляды Я. Буркхарда необходимо воспринимать с осторожностью.

Подобно Я. Буркхардту, ученые-марксисты считали принятие Миланского эдикта плодом холодного расчета, видя в этом законе желание императора, рассчитывавшего на обеспечение идеологической поддержки власти со стороны новой религии, пойти на союз с церковью⁹. Ш. Эншлен видел только отчетливое желание Кон-

⁶ В данном предположении английского историка нельзя не видеть влияние философского учения неоплатонизма. Подробнее об этом см.: *Лебедев А.П. Христианский мир и эллино-римская цивилизация*. СПб., 2005.

⁷ *Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи*. СПб., 2007. Т. II. С. 235.

⁸ *Буркхард Я. Век Константина Великого*. М., 2003. С. 284.

⁹ *Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории*. М., 1987. С. 175.

стантина приобрести новых сторонников своей власти¹⁰. А.Б. Ранович считал, что союз с церковью был необходим для будущего создания мировой монархии. Кроме того это позволило бы закрыть глаза на «гнусности» рабовладельческого строя¹¹.

Политические причины, несомненно, имели место в принятии Миланского эдикта. После эдикта Каракаллы 212 г. н.э., согласно которому римскими гражданами становились все свободные жители империи, традиционная римская религия, по сути своей чуждая значительной части населения, начала отвергаться новыми гражданами. В дальнейшем этот процесс был связан и с тем, что во время императорской чехарды III в. померкла вера в божественный и личный образ императора со стороны всех жителей империи. Императорский культ был, по сути, единственной связующей политической идеей Римской империи, но он во многом потерял свое значение после событий кризиса III в. В связи со всем этим назрела необходимость религиозных реформ, а именно – новая попытка унификации религии и идеологии¹². Унификацию религий в данном случае следует понимать как признание всех религий, даже гонимого при Диоклетиане христианства, равными по своему положению на государственном уровне. Императоры в тот момент решили оказать покровительство всем религиям.

В феврале¹³ 313 г. состоялась встреча правителя западной половины Римской империи Константина и правителя Иллирика Лициния в городе Медиолане (Милане). Союз с Лицинием был необходим для противодействия Максимиனு Дазе, в то время правившему на Востоке. В сложившейся ситуации, помимо выдачи для закрепления союза Констанции замуж за Лициния, соответствующий договор необходимо было скрепить письменным актом. Таким стал документ, обращенный от имени двух правителей к магистрату об отмене ранее действовавших ограничений «эдикта Галерия». Данное постановление было необходимо Константину как законному правителю, чтобы подтвердить положение христиан

¹⁰ Эншлен III. Происхождение религии. М., 1954. С. 187.

¹¹ Ранович А.Б. О раннем христианстве. Л., 1959. С. 444.

¹² Подробнее об этом см.: Казаков М.М. Указ. соч.

¹³ Мнение об издании Миланского эдикта в феврале 313 г. получило довольно широкое распространение, в основном в западной историографии, с середины XX в. В отечественной науке вопросом о времени издания эдикта занимались в основном в начале XX в. А.И. Бриллиантов выдвинул предположение об издании эдикта в апреле 313 г.

и церкви, которое до этого было предварительно установлено узурпатором и тираном Максенцием, сыном Максимиана Геркулия – соправителя Диоклетиана. Вскоре Лициний должен был обнародовать это постановление на подвластных ему территориях¹⁴, где христиане и церковь не пользовались значительными привилегиями. Изданное в городе Никомедии, уже во время войны с Дазой, постановление Лициния можно считать почти точным повторением содержания «Миланского эдикта»¹⁵.

Если исходить из первоначальной древнейшей формы императорских эдиктов, с формулой «*dicit*» или «*dicunt*», в виде обращения императора ко всему народу или части его, то закон Лициния и Константина, на первый взгляд, не должен называться эдиктом: это письмо к магистрату, которое в дальнейшем должно было объявляться народу¹⁶. Но, как отметил А.И. Бриллиантов, подобные «письма» не только имеют равную законодательную силу, они также вытесняют древнюю форму эдиктов¹⁷. К последующему времени относятся примеры существования «писем», в самом тексте которых содержатся названия *edictales leges*¹⁸. Если понимать «эдикт» в более широком смысле, то нет особых причин избегать этого обозначения и для данного документа.

Гонения императора Диоклетиана вносили дестабилизацию во внутреннее положение империи. По мнению целого ряда исследователей, уже при Диоклетиане находилось много язычников, которые не симпатизировали гонениям¹⁹. В тексте самого эдикта содержатся такие слова²⁰: «Когда же я, Константин Август, и я, Лициний Август, благополучно прибыли в Медиолан и *обсуждали всё, что относится к общей пользе и благополучию* (*καὶ πάντα ὅσα πρὸς τὸ*

¹⁴ Бриллиантов А.И. Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г.; О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника. СПб., 2006. С. 139.

¹⁵ В «Никомедийском постановлении» Лициния отсутствует Введение, которое есть в «Миланском эдикте», а также имеют место небольшие различия в содержании, которые не влияют на смысл.

¹⁶ Бриллиантов А.И. Указ. соч. С. 150.

¹⁷ А.И. Бриллиантов ссылается на П. Батиффоля: *Batiffol P. Les etapes de la conversion de Constantin. II: L'edit de Milan // Bulletin d'ancienne litterature et d'archeologie chretiennes. 1913. No. 4. P. 244.*

¹⁸ См. комментарий Т. Моммзена: *Mommsen T. Observationes epigraphicae. XLII: Constitutiones duae Cretenses // Ephemeris epigraphica. 1890. Vol. VII. P. 421.*

¹⁹ Болотов В.В. Лекции по истории Древней церкви. Минск, 2008. Т. III–IV. С. 25; Казаков М.М. Указ. соч.

²⁰ Перевод «Церковной истории» Евсевия приводится по изданию Санкт-Петербургской духовной академии (1848 г.).

λυσιτελεῖς τὸ χρήσιμον τῷ κοινῷ διέφερεν, ἐν ζητήσει ἔσχομεν)²¹, то среди прочего, что сочли мы во многих отношениях полезным для всех, решили, прежде всего, издать постановление, которое поддерживало бы страх Божий и благоговение, то есть даровать и христианам, и всем [другим] свободно, по своему собственному желанию выбирать веру, дабы небесное Божество, как бы Его ни называли, относилось благосклонно и к нам, и к подданным нашим» (Euseb. Hist. ec. X.V.4).

В труде «О смертях гонителей» Лактанций приводит латинскую формулировку, которая несколько отличается стилистически, но по сути говорит о том же²²: «Когда мы, Константин Август и Лициний Август, благополучно встретились при Медиолане и, совместно обратившись к вопросу о пользе и благополучии народа, обсуждали среди прочего то, что сочли полезным для большинства людей (*atque universa que ad commoda et securitatem publicam pertinerent, in tractatu heberemus, haec inter cetera quae videbamus pluribus hominibus profutura*), решили, что прежде всего следует рассмотреть интересы тех, кто сохранял богопочитание; согласно чему мы даровали христианам и всем возможность свободно следовать той религии, какую бы кто не пожелал, так чтобы божество спокойно и умиротворенно могло существовать как в небесной обители, так и у нас и среди всех, кто под нашей властью находится» (Lact. De mort. persec. XLVIII.2).

Из выделенного курсивом текста становится понятным, что одной из основных целей принятия эдикта было объявлено желание Константина и Лициния обеспечить стабильность и благополучие подконтрольных им частей Римской империи, что было необходимо для полного «умиротворения» этих территорий. Об этом же говорят В.В. Болотов и М.М. Казаков, правда, не ссылаясь на текст эдикта.

По мнению Х. Брандта, императоры хотели также дестабилизировать внутреннее положение на Востоке, вызвав недовольство населения на территориях, которые тогда контролировал Максим Даза – жестокий враг христиан²³. Развивая этот тезис, следует

²¹ Греческий текст «Церковной истории» Евсевия представлен по изданию: Eusebius Pamphilus. *Historiae ecclesiasticae libri X*. Lipsiae, 1828. Т. III. Libri VIII–X.

²² Перевод по изданию: Лактанций. О смертях преследователей / Пер. с лат. В.М. Тюленева. СПб., 1998 (с исправлениями).

²³ Brandt H. *Geschichte der römischen Kaiserzeit: von Diocletian und Konstantin bis zum Ende der konstantinischen Dynastie (284–363)*. В., 1998. S. 33.

отметить, что к тому времени, вследствие эпидемии чумы и вторжения армян на Восток, среди нехристианской части населения появилось больше сочувствующих христианам, чем было ранее²⁴, так что продолжение гонений на христиан могло вызвать недовольство язычников. Опубликование в городе Никомедия, ранее входившем в состав владений Дазы, «толерантного постановления» Лициния должно было окончательно подорвать его позиции.

Утверждение о могуществе христианской церкви к моменту издания эдикта и о возможном поиске Константином в ней союзника для укрепления власти можно оспорить. Христианская церковь и христиане не могли представлять на тот момент серьёзной политической силы по следующим причинам:

- 1) христиане не составляли значительной части населения;
- 2) во время чудовищных по своей силе гонений Диоклетиана христианская церковь понесла колоссальный урон;
- 3) ещё до гонений она вызывала некоторый интерес среди определённой части населения²⁵, но в политической жизни империи всё же не играла почти никакой роли²⁶;
- 4) в основной своей массе христиане дистанцировались от политики²⁷.

При рассмотрении мотивов принятия эдикта следует обратить внимание на численность христиан в государстве. В.В. Болотов²⁸ указывал, что к началу IV в. в Римской империи жило примерно

²⁴ Об этом свидетельствует Евсевий Кесарийский: «Среди этих безысходных бедствий они одни на деле обнаружили свою сострадательность и человеколюбие: ежедневно и безотказно достойным образом хоронили умерших (о многих некому было позаботиться), в каждом городе собирали вместе изголодавшихся людей и раздавали им хлеб, так что признали Бога христиан и стали говорить, что только христиане – люди благочестивые и любящие Бога и что они засвидетельствовали это своими делами» (Euseb. Hist. ec. IX.VIII.14).

²⁵ Вопрос о распространении христианства среди различных слоёв населения очень сложный. М.М. Казаков придерживается точки зрения, согласно которой, христиане с самых ранних этапов развития христианства происходили из различных слоёв римского общества и, что немаловажно, хуже всего были представлены на двух крайних его полюсах – среди бедноты, как рабов, так и свободных, а также в среде старой римской аристократии (Казаков М.М. Указ. соч.).

²⁶ Подробнее об этом вопросе см.: Рудоквас А.Д. Очерки религиозной политики Римской империи времени императора Константина Великого // www.centant.ru. Евсевий Кесарийский сообщает, что непосредственно перед гонениями Диоклетиана христианам позволялось даже управлять римскими провинциями (Euseb. Hist. ec. X.V.4).

²⁷ Болотов В.В. Указ. соч. Т. III–IV. С. 25.

²⁸ В.В. Болотов ссылается на Ю. Белоха: *Beloch J. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Leipzig, 1886.*

54 млн. человек: из них 28 млн. на Востоке и 26 млн. на Западе. По его подсчетам, христиане едва ли составляли больше десятой части населения. Еще меньшее количество указал А.А. Спасский²⁹: на Востоке империи они составляли лишь 1/7 или 1/8 часть, а на Западе – всего 1/20 часть. В результате можно сделать вывод, что опираться на такую незначительную часть населения, которая к тому же сторонилась участия в политической жизни, не имело бы смысла. Поэтому становится ясно, что чисто политическими мотивами принятие эдикта объяснить нельзя.

Среди повлиявших на принятие эдикта факторов можно отметить неуклонный рост мистицизма в III в н.э., что, разумеется, повлияло на поведенческую мотивацию людей того времени. Их поведение было рациональным в том смысле, что они стремились к достижению целей, которые им представлялись благом, и старались избегать того, что казалось вредоносным или опасным. Но «картина мира», существовавшая в мировоззрении человека того времени, была уже принципиально иной по сравнению с людьми предшествующих столетий, и, руководствуясь ею, он мог совершать действия, которые показались бы нелепыми его предку эпохи классической древности³⁰. Если человек в основном сознательно использовал обвинения в святотатстве и недозволенной магии в качестве инструмента политической расправы или для других подобных целей, то его потомок всерьез боялся этих явлений и искренне с ними боролся.

Исходя из этого можно констатировать, что огромную роль сыграли и личные мотивы императора. В тексте «Церковной истории» Евсевия Кесарийского содержится следующая мысль: «После такой гибели нечестивых твердая и огражденная от зависти царская власть по справедливости осталась только в руках Константина и Лициния. Истребив прежде всего враждебное Богу и *осознав дарованные им от Него блага* [τῶν ἐκ θεοῦ πρυτανευθέντων ἀγαθῶν αὐτοῖς ἡσθημένοι], они любовь свою к Нему и к добродетели, расположение к Божественному благочестию и *благодарности* [καὶ εὐχάριστον] доказали через издание законов в пользу христиан» (Euseb. Hist. ec. IX.XI.8).

²⁹ Спасский А.А. Обращение императора Константина Великого в христианство. СПб., 2007. С. 19–20.

³⁰ Рудоквас А.Д. Мотивация политических действий...

Из этого отрывка становится понятной позиция Евсевия Памфила: благодарность Богу, а также искренняя вера в него императоров послужила основной причиной принятия закона. Обращение императора в христианство является вопросом отдельного исследования. Но все-таки в тексте следует обратить внимание на слова «осознав дарованные им от Него блага». Сократ Схоластик также считал главной причиной принятия Миланского эдикта благодарность Богу за победу над Максенцием³¹: «Получив от Бога столь великие блага, Константин приносил ему *благодарение* [τὰ χαριστήρια]. Это *благодарение* состояло в том, что он прекратил гонение на христиан, вызвал их из ссылки, вывел из темниц, возвратил им забранные в казну имущества. *Сверх того он возобновлял церкви и все это делал с великим усердием* [Τὰς τε ἐκκλησίας ἀνώρθου, καί πάντα ἐποίει σὺν προθυμίᾳ πολλῇ]» (Socrat. Schol. Hist. ec. I.2).

Это свидетельство дает возможность сделать вывод об огромной роли победы над соперником в изменении отношения Константина к христианству. Следует вспомнить, что незадолго до издания эдикта он одержал победу над Максенцием. Незадолго до битвы при Мильвианском мосте император, если верить Евсевию, сначала на небе, а потом во сне увидел символ Христа – знак «Хиро» (XP), который даровал ему победу. Он мог обратить внимание на то, что его отец Констанций Хлор, не преследовавший христиан, умер своей смертью, тогда как его соправители или от страшных болезней, или в результате несчастных случаев. Судьба гонителей христианства не могла не произвести серьезного впечатления на Константина. После того император не мог не начать симпатизировать христианству и христианскому Богу. А. Демандт выдвинул предположение, что Константин и Лициний, во время встречи их в Медиолане в 313 г., изданием закона в пользу христиан «хотели сохранить Божественную милость»³². Однако это ещё не даёт оснований говорить об его обращении в христианство в то время. Константин оставался язычником. Его вступление в Рим в 312 г., скудно освещенное в источниках, даёт нам чёткое указание на его

³¹ Перевод текста «Церковной истории» Сократа Схоластика приводится по изданию Санкт-Петербургской духовной академии (1850 г.).

³² Demandt A. Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr. München, 1989. S. 68.

терпимость по отношению к старым языческим культам³³. Но само влияние произошедшего у Мильвианского моста, а также победы над Максенцием, дало начало постепенному обращению императора в христианство.

Таким образом, как и причины всех значительных событий вообще, причины принятия Миланского эдикта не имеет одного-единственного верного истолкования. Безусловно, на решение Константина повлиял целый комплекс причин и факторов как объективного, так и субъективного характера. Наиболее важными из объективных причин были:

1) необходимость обеспечения стабильности и гражданского мира на подконтрольных Лицинию и Константину территориях;

2) стремление «взорвать» Восток Максимиана Дазы, где сохраняли свою силу антихристианские законы;

3) новая попытка унификации религии и идеологии после провала предыдущих, а также подтверждение с точки зрения законного правителя положения христиан и церкви, которое до этого было предварительно установлено узурпатором и тираном Максенцием, сына Максимиана Геркулия – соправителя Диоклетиана.

В то же время мы должны учитывать и наличие субъективного фактора – благодарность императора христианскому Богу за победу над политическим противником Максенцием и стремление сохранить Его милость на будущее.

³³ *Curran J. Constantine and the Ancient Cults of Rome: The Legal Evidence // Greece & Rome. 1996. Vol. 43. No. 1 (Apr.). P. 76.*

ДАВЫДКИНА О.И. (САМАРА)

О ПРОБЛЕМЕ ОТНОШЕНИЯ РИМСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИТАЛИИ К ОСТГОТСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

В 535 году началась римско-остготская война в Италии. Война это длилась более 20 лет, несмотря на военное превосходство римлян над остготами. Одной из причин этого являются особенности отношения коренных жителей Италии как к остготам, так и к пришлым имперским войскам.

Историография данной тематики весьма обширна. Историки уделяли немало внимания как изучению эпохи Юстиниана в целом¹, так и исследованию варварских королевств². Однако цельных исследований по указанной проблеме не известно.

Остготы создали свое государственное образование на территории Италии при Теодорихе Великом, изгнав с Апеннинского по-

¹ См., напр., в отечественной историографии: Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 2003; Вальденберг В.Е. Государственное устройство Византии до конца VII века. СПб., 2008; среди зарубежных исследований: Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908; Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов-на-Дону, 1997; Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2002; Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. СПб., 2006. Т. 4; Альфан Л. Великие империи варваров. М., 2006; Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. М., 2007; Bury J.V. A History of the Later Roman Empire. N.Y., 1923. Vol. 2; *idem*. The Invasion of Europe by the Barbarians. L., 1963; Evans J.A. The Emperor Justinian and Byzantine Empire. L., 2005; O'Donnell J. The Ruin of the Roman Empire. N.Y., 2008 и др.

² Интересны такие работы как: Удальцова З.В. Раздел земель между остготами и римлянами в Италии в конце V в. // Средние века. М., 1956. Вып. 8; она же. Италия и Византия в VI в. М., 1959; Дворецкая И.А. Организация управления в Остготском королевстве // Византийский временник. М., 1962; она же. Из Паннонии в Италию (христианизация завоевателей и генезис варварской государственности в Италии VI–VIII вв. // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Н. Новгород, 1991. Т. 21; Бородин О.Р. Эволюция муниципального устройства в северо-восточной Италии в эпоху Византийского господства // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Н. Новгород, 1991; он же. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001; Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 2001; Шкаренков П.П. Королевская власть в остготской Италии по «*Variarum*» Кассиодора. М., 2003; Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003; Пфайльшифтер Г. Теодорих Великий. СПб., 2004; Baynes N.H. Justinian and Amalasantha // The English Historical Review. 1925. Vol. 40. No. 157; Jones A.H.M. The Constitutional Position of Odoacer and Theoderic // JRS. 1962. Vol. 52; Jones W.R. The Image of the barbarian in Medieval Europe // Comparative Studies in Society and History. 1971. Vol. 13. No. 4; Wolf-ram H. The Goths in Aquitaine // German Studies Review. 1979. Vol. 2. No. 2; Moorhead J. The Last Years of Theoderic // Historia. 1983. Bd. 32. Ht. 1; *idem*. Totila the Revolutionary // Historia. 2000. Bd. 49. Ht. 3.

луострова варвара Одоакра³. При вступлении в Италию они поселялись в качестве военных постояльцев («гостей»)⁴. Основная масса готов была расселена в Северной Италии, на земельных участках воинов Одоакра, в то время как на юге Италии и в Сицилии, где крупное римское землевладение сохранилось в большей степени, чем на севере, раздела земель между готами и римлянами почти не производилось⁵. Из земельных владений прежних владельцев в Северной Италии выделялись так называемые терции (*tertiae*), равные трети владения римлян (Cassiod. *Variae*. I. 14), и из этих терций составлялись наделы (*sortes*) остготов (II.16, 17). Однако основную часть земель готы получали из бывших владений Одоакра (Procop. *BG*. I.1). Такое деление соблюдалось как при Теодорихе, так и при его последователях.

После появления готов на Апеннинском полуострове общество Италии стало считать остготских королей правителями всей страны, повелителями готов и римлян (αὐτὸς ἔσχε τὸ Γότθων τε καὶ Ἰταλιωτῶν κράτος) (Procop. *BG*. I.1); и те, и другие одинаково расценивались как подданные одного государства. После смерти Теодориха от имени наследника Аталариха были обнародованы эдикты с изъявлением королевской воли, извещающие о наследовании власти законным наследником Теодориха. Эдикты были адресованы отдельно готам как федератам (Cassiod. *Variae*. VIII.5), а также жителям Италии и Далмации (VIII.4) и жителям Рима (VIII.3) как отдельным административным единицам Римской империи. Во всех эдиктах новый король призывал подданных к беспрекословному повиновению. Ряд королевских эдиктов относился к готам и римлянам одновременно (IX.8). Из них следовало, что им свойственны одинаковый образ жизни, одинаковые законы, над ними одна власть⁶.

Теодорих, как и его преемники, в своей внутренней политике открыто проводил курс, направленный на сближение с местным

³ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 395–402 (со ссылками на источники и литературу).

⁴ Неусыхин А.И. Остготское королевство в Италии // История Италии. М., 1970. Т. 1. С. 15; Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. СПб., 2006. С. 56.

⁵ Удальцова З.В. Раздел земель между остготами и римлянами в Италии... С. 46.

⁶ Дворецкая И.А. Организация управления в Остготском королевстве... С. 5.

населением⁷. Остготские короли всячески подчеркивали, что их держава остается частью Римской империи.

Многие же римляне исходили из взгляда на Остготское королевство как на неудавшуюся попытку восстановления власти римлян на Западе под верховной властью восточного императора⁸. В остготских королях видели просто военачальников на службе у римского императора, подобных тем, которых римские императоры нанимали командовать имперскими и федератскими войсками, или его восставших наместников⁹.

В действительности остготские короли являлись правителями фактически суверенного государства. Реальная самостоятельность и независимость Остготского королевства – важный фактор в оценке положения остготских королей. Сами короли, особенно Теодорих, расценивали свою власть как практически императорскую, со всеми ее прерогативами; такого же мнения придерживались многие современники. Прокопий Кесарийский называл Теодориха настоящим императором, ничуть не ниже наиболее прославленных, носивших этот титул (Procop. BG. I.1).

Амаласунта, дочь Теодориха, начав править в качестве регентши при малолетнем сыне Аталарихе, продолжала политику своего отца. Прокопий положительно оценивает ее политику по отношению к римлянам. Он говорит о том, что пока она стояла во главе правления, ни один римлянин не был подвергнут ни телесному наказанию, ни конфискации имущества. По этой причине римское население ее поддерживало. А римляне составляли подавляющее большинство населения Италии. Более того, из оценок Прокопия видим, что и при дворе Юстиниана Амаласунта имела активную поддержку (Procop. BG. I.2).

В июне 535 года началась война Восточной римской империи против Остготского королевства в Италии. Мотивировкой прихода римских войск в Италию была идея восстановления реальной власти империи в регионе. Это всячески прокламируется даже в общении с остготами. Так, объясняя действия Юстиниана готам, Ве-

⁷ Удальцова З.В. Сельское зависимое население Италии VI века... С. 86.

⁸ Moorhead J. The Last Years of Theoderic... P. 107.

⁹ Дворецкая И.А. Организация управления в Остготском королевстве... С. 7.

лизарий указывает на то, что у императора Юстиниана главнейшее стремление – быть славным и могущественным, и он возвращает римлян в страну, издревле принадлежавшую управляемой им империи (Procop. BG. I.6).

Перед неаполитанцами в 536 г. Велизарий выступает с речью, в которой напоминает горожанам, что римское войско пришло для освобождения италийцев. Сами же неаполитанцы называют готов деспотами (βαρβάρων δεσποτῶν) (Procop. BG. I.8).

Таким образом, готы рассматривались верхушкой императорских войск как захватчики, хотя Теодорих главенствовал над Италией, получив на то право от императора Зенона в 497 г.¹⁰, а полноправным хозяином признавалась Римская империя. С осажденными готами города Рима Велизарий говорит только как представитель легитимной власти. Он ясно дает понять, что, взяв Рим, он не претендует ни на что чужое. Он обвиняет готов в том, что они в прежнее время вступившие в него, овладели тем, что им совсем не принадлежало. А теперь они вынуждены против воли отдавать его прежним властителям (Procop. BG. I.20). Целью римлян было вернуть себе потерянные земли и богатства¹¹.

Велизарий в письме Юстиниану называет Италию императорской, «твоей Италией» – Ἰταλίας τε σῆς (Procop. BG. I.24). Императорских воинов Велизарий также убеждает в том, что они пришли для спасения того, что принадлежит императору (Procop. BG. I.21).

Однако жители Неаполя в 536 году отнюдь не безоговорочно впустили императорских воинов в стены города. Неаполитанцы не отождествляли себя с теми римлянами, которые пришли с Велизарием. Более того, они предполагали, что эти римляне идут войной на них (Procop. BG. I.8), так как властителями города были готы.

¹⁰ Прокопий утверждает, что Теодорих был отправлен туда Зеноном, так как последний хотел избавиться от опасного вассала и предотвратить очередную атаку готов на Константинополь (Procop. BG. II.6). Аноним Вalezия говорит о стремлении императора отблагодарить Теодориха за помощь в борьбе с Василиском (Anon. Vales. XI.49). Иордан же свидетельствует, что поход в Италию Теодорих совершил по собственной воле, получив, однако, согласие императора (Iord. Get. 290–292). Евагрий Схоластик утверждает, что Теодорих двинулся в Италию самовольно, так как узнал о заговоре императора против себя (Euaigr. Hist. Eccl. III.27).

¹¹ Удальцова З.В. Социально-экономические преобразования в Италии... С. 12.

Велизарий деньгами склонил одного из старейшин города к тому, чтобы он привлек неаполитанцев на свою сторону.

Жители с трудом, но согласились. Их пугало то, что станет с их городом, если готы будут мстить. Поэтому сразу после начала осады города римлянами неаполитанцы послали гонца к готскому королю Теодату, который находился в Риме, прося о немедленной помощи. Как только город оказался в руках воинов Велизария, там началась кровавая резня. Неудивительно, что такое поведение римской армии отталкивало горожан от воинов императора.

Жители города Рима отказались от мысли не впускать войска Велизария в город, боясь, чтобы с ними не случилось того же, что пришлось пережить неаполитанцам (Procop. BG. I.14)¹². До того, как в 536 г. началась осада Рима, остготский король Витигис считал вполне вероятным, что жители города скорее поддержат готов, чем нападавших (Procop. BG. I.11).

Но горожане были более всего обеспокоены тем, как избежать участи неаполитанцев. И именно поэтому пропустили Велизария в город без сопротивления. Но когда началась осада, горожане не поддерживали римское командование. Они помогали императорским воинам охранять Рим, но это, скорее, было вызвано тем, что в этом случае им, как и солдатам, предназначалась определенная доля съестных припасов, а в городе, который начинал голодать, это было существенно. Только после того, как Витигис учинил в 538 г. в Равенне кровавую расправу над сенаторами-заложниками, большинство местных римлян в Италии стали противниками готов (Procop. BG. I.26).

В 539 г. готы осаждают Милан. После того, как римляне сдали готам город, варвары разграбили и разрушили его до основания, избивая мужчин, способных носить оружие, не меньше тридцати тысяч, женщин обращая в рабство. Следовательно, основная масса населения этого города была уничтожена¹³. Найдя префекта претория Репарата, они изрубили его в куски и мясо его бросили соба-

¹² Евагрий Схоластик утверждает, что римляне, открыв ворота, с радостью приняли Велизария (Euaqr. Hist. Eccl. IV.19). Однако, как сам он говорит, в данном случае он пересказывает Прокопия, и уделяет крайне мало места описанию военных действий и осад. Поэтому сведения Прокопия расцениваются как более правдоподобные.

¹³ Альфан Л. Указ. соч. С. 80.

кам (Просоп. ВГ. II.21).

В 539 г. императорские войска начинают осаждать столицу остготского государственного образования – Равенну. Прокопий ничего не сообщает о поведении местного населения во время осады, так как ему, по-видимому, ничего не известно об этом. Однако ничего он не сообщает и о том, что местные жители приветствовали римлян, когда те заходили в город в качестве победителей. Прокопий, если была бы возможность, не упустил бы случая еще раз показать императорское войско в качестве благодетеля, которое освобождает от варваров исконно римские территории.

Из этого следует, что местные жители относились к готам в целом если не положительно, то, по крайней мере, не отрицательно. Это и понятно, так как Равенна была столицей Остготского государства, и благополучие жителей столицы напрямую зависело от благополучия остготской власти. Хотя, в принципе, и отношение к римлянам, которые не разграбили город, было положительным.

В целом, при прочтении Прокопия складывается впечатление, что городское население в Италии в наибольшей степени волновала собственная участь, и им было все равно, кто хозяйничает в городе, лишь бы личное имущество горожан, и тем более их жизни, оказались нетронутыми. Горожане скорее помогали не тому или другому войску, а, что само собой разумеется, себе. Всем этим и объясняется такое их безразличие.

Подтверждением этого служит и следующее. Когда императорские войска осаждали Рим, жители этого города страдали от отсутствия бань и недостатка продовольствия, и считали для себя ужасным, что они, ни в чем не повинные, переносят осаду и подвергаются столь большой опасности. Собираясь между собой, римляне открыто бранили Велизария за то, что он, взяв у императора недостаточную силу, решил двинуться против готов. То есть римлян заботило именно их положение, а не то, кто в городе правит.

Здесь весьма четко просматривается тенденция изменения отношения местного населения к пришлым римлянам и к варварам. Если в начале войны коренные жители в большей степени оставались на стороне готов, то к концу войны, если это не шло в ущерб

их интересам, жители сдавали свои города римлянам почти всегда (Agath. I.12; Malal. XV.492).

Таковыми являлись настроения жителей городов. Крестьяне же были более преданы делу империи. Так, когда римляне пришли в Пицен, среди местных жителей началась паника. Они бежали от армии (Procop. BG. II.17). Позже жителям сообщили, что армия пришла для борьбы с готами и не причинит никакого вреда местному римскому населению. И только тогда беглецы вернулись в свои дома. Жители привыкли к тому, что если поблизости появляется армия, то это неминуемо ведет к разграблению и уничтожению либо надругательству. Так делали готы. Того же жители ожидали от римской армии.

Но римская армия отличалась более гуманным отношением к местному населению. Это объясняется тем, что Велизарий сумел укрепить дисциплину. Показателен такой случай. Еще когда императорские войска во время римско-вандалской войны 533–534 г. во главе с Велизарием продвигались по Северной Африке, часть солдат начала грабить местное население в целях пропитания. Велизарий подверг их серьезному телесному наказанию (Procop. BV. I.16). В другом случае за непослушание военачальник лишил нарушителей жизни (Procop. BV. I.12). В итоге армия империи была более дисциплинирована, чем готская.

Крестьянам было все равно кому выплачивать арендную плату – поэтому им было все равно, кто будет господствовать в регионе. Хотя не в пользу готов было то, что они грабили крестьян для обеспечения пропитанием своей армии. В 546 г., когда некий влиятельный римлянин из Лукании поднял местных крестьян для того, чтобы изгнать врагов из своего района, готский король Тотила собрал для войны с ним войско из земледельцев, и две группы итальянских крестьян сражались друг с другом. Дело закончилось победой «проримских» крестьян. Когда же землевладельцы приказали им вернуться к своей работе, они сразу же подчинились (Procop. BG. III.22).

В целом, отношение рядовых готов к италийцам было варварским. Остготский король Тотила пытался наказывать за бесчинства, допускаясь к своим людям по отношению к мирному населению.

Но эти наказания не были убедительны для основной массы варваров. И они продолжали грабежи (Agath. I.14).

Таким образом, благодаря разумной политике, проводимой Теодорихом и его ближайшими приемниками в отношении коренного населения Италии, на первых порах римско-остготской войны италийцы лояльно относились к готам и даже их поддерживали. Но со временем, при хорошем отношении со стороны римских войск как к городскому, так и к сельскому населению, и по причине массовых разрушений, разграблений и жестоких надругательств готы начали терять свою популярность. Местное население все чаще оказывалось на стороне империи. Это и предрешило исход римско-остготской войны.

**АРХЕОЛОГИЯ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
ИСТОРИОГРАФИЯ,
РЕЦЕПЦИЯ**

ГОРЛОВ В.А. (МОСКВА)

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЙ АЗИАТСКОГО БОСПОРА VI–IV ВВ. ДО Н.Э.

Лепную керамику, найденную в слоях античных поселений, обычно рассматривают с двух позиций:

1) как изготовленную для собственных нужд посуду, сделанную руками варваров якобы с целью сохранения собственных местных традиций изготовления керамики;

2) как показатель торговых контактов греческих колонистов с представителями местных племён.

Лепная керамика встречается на всех ныне известных греческих поселениях как Северного Причерноморья в целом, так и Боспора, в частности. В большом количестве она встречается в слоях VI–IV вв. до н.э. таких крупных городов как Ольвия, Тиритака, Пантикапей, Патрей, Гермонасса¹, не говоря уже о поселениях на их хоре. Исключением является Фанагория, в ранних слоях которой лепная керамика отсутствует полностью².

Начиная с первой половины XX века у исследователей античных поселений Северного Причерноморья не вызывал сомнений факт наличия в составе греческих городов представителей местного населения, а индикатором их присутствия служила лепная керамика³. И действительно, с этим трудно не согласиться, рассматривая

¹ Лепной керамике из слоёв этих городищ посвящен ряд работ: *Книпович Т.Н.* Керамика местного производства из раскопа И, Ольвия. Киев, 1940; *Кругликова И.Т.* О местной керамике Пантикапея и её значении для изучения состава населения этого города // МИА. 1954. № 33; *она же.* Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI–III вв. до н.э. // МИА. 1957. № 56; *Капошина С.И.* О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. 1956. № 50; *Кастанаян Е.Г.* Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА. 1952. № 25; *она же.* Художественные элементы в лепной керамике Боспора // АГСП. М.; Л., 1955; *она же.* Лепная керамика Боспорских городов. Л., 1981; *Марченко К.К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во 2-ой пол. VII – 1-ой пол. I в. до н.э. по материалам лепной керамики. Л., 1988.

² *Горлов В.А.* Лепная керамика Фанагории VI–IV вв. до н.э. // Новые материалы и методы археологического исследования: Научная конференция молодых учёных. Тезисы докладов. М., 2011. С. 38–39.

³ Основные положения такого подхода к интерпретации лепной керамики сложились в следующих трудах отечественных антиковедов: *Книпович Т.Н.* Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской // ИГАИМК. 1934. Вып. 104; *она же.* Керамика местного производства...; *она же.* Танаис. М.; Л., 1949; *Кругликова И.Т.* К вопросу о негреческом населении Фанагории // ВДИ. 1950. № 1.

лепной материал северопричерноморских греческих городов. Представлен он повсеместно и его наличие на фоне качественной греческой посуды, импортированной из метрополии, заставляет задуматься о присутствии варваров в составе населения.

Впрочем, однозначного мнения по данному вопросу как не было, так и нет. Впервые тезис о том, что лепная посуда «могла употребляться... для кухонных нужд в любом греческом доме просто потому, что посуда эта была дешевле всякой другой и вполне отвечала своему несложному назначению», выдвинул ещё Д.П. Каллистов⁴. Это предположение поддержал и развил в своей монографии В.В. Лапин⁵. Но дальнейшего развития эта идея не получила из-за обрушившейся на работу последнего критики⁶. Несмотря на это, современные археологические исследования подтверждают многие положения, высказанные некогда В.В. Лапиным.

Так, результаты раскопок Фанагории последних десятилетий могут служить косвенным подтверждением того, что в составе города на раннем этапе его жизни если и присутствовали представители местных племён, то это ни в коем случае не подтверждается наличием лепной керамики⁷. Этот частный случай отнюдь не претендует на абсолютное доказательство идеи В.В. Лапина, позволяя, Впрочем, взглянуть на вопрос интерпретации лепной керамики боспорских поселений VI–IV вв. до н.э. с иной точки зрения.

Именно уникальная ситуация, связанная с отсутствием лепной керамики в ранних слоях Фанагории, будет предметом исследования в данной статье. Хотелось бы, прежде всего, отметить некоторую сложность, с которой сталкивается каждый исследователь, изучающий не наличие археологического материала, а, напротив, его отсутствие. Но, с другой стороны, это позволяет поставить в ходе исследования ряд вопросов, логичное возникновение которых в противном случае было бы неуместно.

⁴ Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 52.

⁵ Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.

⁶ См.: Шелов Д.Б., Брашинский И.Б. Рецензия на книгу: В.В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья // ВДИ. 1969. № 3. С. 163; Треножкин А.В. Рецензия на книгу: В.В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья // СА. 1968. № 4. С. 293; Кастанаян Е.Г. Лепная керамика Боспорских городов. Л., 1981. С. 4–11.

⁷ Горлов В.А. Указ. соч. С. 38–39.

Античный город Фанагория находится на Таманском полуострове, близ современного посёлка Сенной Темрюкского района Краснодарского края. Основанный ок. 540 г. до н.э. город долгое время входил в состав Боспорского царства и считался его Восточной столицей. Раскопки на территории города начались ещё в середине XIX в., но систематическое исследование городских слоёв и грунтового некрополя началось только с 1936 г. под руководством В.Д. Блаватского⁸. Суммировав полученные данные, содержащиеся в отчётах⁹ о раскопках с указанного времени, мы получаем следующие результаты: в слоях Фанагории VI–IV вв. до н.э. лепная керамика отсутствует.

Этот «лепной феномен» позволяет поставить сразу несколько вопросов:

1) Имелись ли у жителей Фанагории на раннем этапе их истории торговые контакты с представителями местных племён?

2) Находилась ли в составе населения Фанагории сколь-либо значительная прослойка варваров, пользующихся посудой, изготовленной по собственным традиционным технологиям?

Для начала следует определить, на чьей территории была заложена Фанагория. Долгое время считалось, что она была основана на территории синдских племён. Об этом, в частности, свидетельствуют отчёты В.Д. Блаватского «о работе Синдского отряда Таманской археологической экспедиции»¹⁰, в которых даётся описание раскопок и разведок поселений северо-западной части Синдики. О возможном расположении Фанагории на территории Синдики пишет также И.Т. Кругликова, впрочем, допуская вероятность принадлежности этой территории другим местным племенам – меотам¹¹. Этим именем со времени Геродота, как собирательным, обозначались варварские народы, живущие вблизи Меотиды (т.е. Азовского моря). Страна меотов простиралась от области синдов до реки Танаиса (античное название Дона). На сегодняшний

⁸ *Блаватский В.Д.* Отчёт о раскопках Фанагории 1936–1937 гг. // Труды ГИМ. 1938. Вып. XVI.

⁹ Были изучены отчёты указанного периода следующих авторов раскопок: В.Д. Блаватского, М.М. Кобылиной, В.С. Долгорукова, А.А. Завойкина, В.Д. Кузнецова; дополнительно отчёты о раскопках грунтового некрополя: Т.Г. Шавыриной, А.А. Масленникова, Н.И. Сударева.

¹⁰ *Блаватский В.Д.* Отчёты о работах Синдского отряда в 1950, 1951, 1952 и 1953 гг. // Архив ИА РАН.

¹¹ *Кругликова И.Т.* К вопросу о негреческом населении Фанагории // ВДИ. 1950. № 1.

день установить с какой-либо уверенностью границы Синдики не представляется возможным. Не известны также (за исключением Лабриса) и «чисто синдские» города и поселения, а среди захоронений синдской знати можно выделить лишь погребение в кургане у Цукурского лимана и известные захоронения в Семибратних курганах. На это указывает А.А. Масленников¹². Следовательно, говорить с полной уверенностью о принадлежности территории, на которой была основана Фанагория, к какому-либо конкретному племени не представляется возможным.

С другой стороны, невозможность определить непосредственных соседей города вовсе не означает полную изолированность в торговом отношении Фанагории от местных племен. К примеру, в диссертации В.В. Улитина показаны «торговые связи племён Прикубанья с античным миром в VII–I вв. до н.э. (по данным амфорной тары)»¹³; естественно, что племена Прикубанья вряд ли имели прямые торговые связи с такими центрами античного мира как Менда, Кос, Самос, Гераклея, Синопа, Фасос и, конечно же, Хиос, а, следовательно, амфорный материал попадал в меотские поселения Прикубанья через посредников, а именно – греческие колонии. Предположить, что один из крупнейших городов Боспора оставался в стороне от этой торговли, на мой взгляд, не представляется возможным. Несомненно, в античном мире торговля, основанная, прежде всего, на обмене, не могла носить односторонний характер, следовательно, отсутствие лепной керамики в Фанагории могло означать лишь то, что фанагорийцы были заинтересованы в товарах, не предполагающих продажу продуктов в лепной посуде, например в зерне.

Не менее интересными в этой связи являются исследования последних лет, связанные с разведками на фанагорийской хоре, произведённые А.А. Завойкиным и Г.П. Гарбузовым¹⁴. По их данным на фанагорийской хоре лепная керамика рассматриваемого

¹² Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981. С. 19.

¹³ Улитин В.В. Торговые связи племён Прикубанья с античным миром в VII–I вв. до н.э. (по данным амфорной тары). Автореферат дис... канд. ист. наук. СПб., 2006.

¹⁴ Частично эти материалы опубликованы, частью готовятся к публикации: Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. О состоянии хоры центров Азиатского Боспора в середине – второй половине V в. до н.э. // ДБ. 2010. Вып. 14. С. 105–130; они же. О первом этапе освоения греками Таманского полуострова // ДБ. 2010. Вып. 14. С. 184–220.

периода присутствует. Учитывая то, что на хоре сезонно живут представители самого города, то можно предположить, что местные племена вели активную торговлю с хорой Фанагории, в то время как логичнее было бы думать о стремлении местных торговцев получить большую выгоду от торговли с самим городом. Впрочем, говоря о наличии лепной керамики на хоре Фанагории, учитывая её малоизученность, не нужно упускать из виду то обстоятельство, что лепная керамика, возможно, могла появиться здесь не исключительно как продукт торговли, а как посуда греков, живших в то время на территории хоры. Подобные примеры встречаются и при раскопках на территории Греции¹⁵.

Разбирая данный вопрос необходимо, в первую очередь, понять, что могло послужить причиной отказа греков от использования собственной гончарной посуды, не говоря уже о высококачественной посуде из метрополии. На мой взгляд, ответ здесь заключается во временных перебоях в поставках посуды из метрополии, или временной невозможности жителей хоры приобрести её у фанагорийских мастеров. Следовательно, лепная керамика может рассматриваться здесь, как греческая, изготовленная для временного пользования до момента приобретения качественной гончарной. В пользу этой гипотезы говорит также и характер изготовления лепной посуды. Сделана она очень грубо, с незаглаженной поверхностью, отсутствием в большинстве случаев элементарного орнамента и с минимальными затратами на это усилий. В то время как лепная керамика представителей местных племён, имевших давние традиции изготовления лепной посуды, отличается тщательностью выделки. Конечно, прямых доказательств данной гипотезе на данный момент не существует.

Рассматривая второй вопрос, следует обратиться, прежде всего, к статьям И.Т. Кругликовой, вышедшим в 1950¹⁶ и 1951 гг.¹⁷ Автор, доказывая наличие в составе населения Фанагории варваров, опиралась, прежде всего, на отчёты 1936–1940-х гг. о раскопках, про-

¹⁵ Киселёв С.В. Рецензия на книгу А.А. Иессена «Греческая колонизация Северного Причерноморья» // ВДИ. 1948. № 3. С. 120.

¹⁶ Кругликова И.Т. К вопросу о негреческом населении Фанагории // ВДИ. 1950. № 1.

¹⁷ Она же. Фанагорийская местная керамика из грубой глины // МИА. 1951. № 19.

водившихся на территории городища В.Д. Блаватским¹⁸ и, частично, на раскопки 1947–1948 гг., проводившиеся М.М. Кобылиной¹⁹. В качестве доказательства были приведены несколько фрагментов лепной керамики: фрагмент лепного сосуда из зольного пятна в кургане № 1 близ посёлка Сенной; на южном некрополе семь обломков сосуда типа корчаги в зольнике с остатками тризны. Что же касается находок в слоях самого города, то все они происходят с раскопа «Северный город» и раскопа «Береговой», материал из которых в связи с исследованиями последних лет, а именно перенесением границ первоначального заселения города на юг, нуждается в тщательной проверке. Но даже если предположить, что указанные фрагменты относятся к эпохе VI–IV вв., их количество настолько мало и неоднозначно, что заставляет задуматься о случайности их попадания в слой. На раскопе «Северный город» было найдено 3 фрагмента (0,1 % от количества простой керамики)²⁰, а на раскопе «Береговой» 5 фрагментов (0,07 % от количества простой керамики)²¹, не говоря уже о процентном соотношении лепной керамики относительно амфорной тары. Эту же картину мы наблюдаем, изучая отчёты последующих этапов археологического изучения Фанагории. За более чем полувековой период ежегодных раскопок не представляется возможным выделить чётко датированные фрагменты и в достаточном количестве, чтобы говорить о том, что лепная керамика в Фанагории в слоях VI–IV вв. до н.э. присутствует.

Ещё одним показателем, якобы указывающим на наличие в составе населения северопричерноморских городов варваров, являются захоронения, не свойственные культурной традиции погребения греков как по ориентации костяка относительно сторон света и сопутствующему инвентарю, так и по сопровождающему покойного вооружению. В своей диссертации Н.И. Сударев²² приводит достаточно доказательств в пользу того, что отличия боспорских

¹⁸ *Блаватский В.Д.* Отчёт о раскопках Фанагории 1936–1937 гг. // Труды ГИМ. 1938. Вып. XVI; *он же.* Раскопки в Фанагории в 1938–39 гг. // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 287; *он же.* Раскопки в Фанагории в 1940 г. // ВДИ. 1941. № 1. С. 220.

¹⁹ *Кобылина М.М.* Отчёт о раскопках Фанагории 1947–1948 гг. // КСИИМК. 1949. Вып. XXVI. С. 46.

²⁰ *Кругликова И.Т.* Фанагорийская местная керамика... С. 88.

²¹ Там же.

²² *Сударев Н.И.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник. Дис... канд. ист. наук. М., 2005.

погребений от традиционно греческих вовсе не означают их интерпретацию как варварских. Автор связывает эти отличия с традициями, религией и магическими ритуалами, присущими отдельным боспорским городам. Подтверждение этому мы видим и в практически полном отсутствии лепной керамики в погребениях на некрополе Фанагории в сопутствующем инвентаре покойного, применительно, конечно же, лишь к рассматриваемому периоду VI–IV вв. до н.э. Следовательно, говорить о какой-то, сколь-нибудь значительной прослойке варваров в составе населения Фанагории, на основании имеющихся данных, достаточно трудно. Этим, на мой взгляд, может частично объясняться отсутствие лепной керамики в ранних слоях города. С другой стороны, трудно поверить в то, что во всех крупных городах Северного Причерноморья варвары, судя по количеству оставленной ими лепной керамики, составляли довольно значительный процент населения²³, в то время как Фанагория жила закрытой общиной.

Итак, подводя итоги работы, можно сформулировать некоторые выводы:

1. Отсутствие лепной керамики в Фанагории ни в коей мере не может являться однозначным показателем отсутствия торговли фанагорийцев с представителями местных племён.

2. Наличие на хоре Фанагории лепной керамики не обязательно означает присутствие там варваров.

3. Рассматривая материал раннего этапа существования Фанагории, а именно VI–IV вв. до н.э., не представляется возможным говорить о какой-то значительной прослойке варваров в составе населения города.

²³ См., напр.: *Марченко К.К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии... С. 36–37. Табл. 1–2; *Кастанаян Е.Г.* Лепная керамика Боспорских городов.

ФЕДОРОВИЧ Т.С. (КРАСНОДАР)

КУЛЬТ КИБЕЛЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Религия как часть культуры содержит в себе бесценную «закодированную» информацию о существующей в обществе, к которому она относится, системе ценностей, нормах поведения. Такая информация передается посредством воплощения духовной жизни в искусстве и материальной культуре в целом.

В этом контексте особое значение приобретает изучение культа Кибелы (Великой Матери богов), отразившего взаимодействие различных культурно-религиозных традиций. Его история охватывает огромный период времени, выходя за рамки античной цивилизации. Начало культа прослеживается еще в Малой Азии со II тыс. до н.э. Затем можно проследить проникновение образа Кибелы в эллинистические государства, а в Риме Кибела приобретает вторую родину¹. К IV в. н.э. культ превратился в один из главных соперников христианства.

Изучение культа Великой Матери Богов затрагивает важнейшие проблемы античной истории и культуры – проблему происхождения основных образов античной религии и мифологии и их эволюции, проблему религиозного синкретизма, проблему взаимоотношения восточных, античных и варварских верований.

Изучению культа Кибелы на Боспоре посвящено не очень много трудов, возможно, ввиду особенностей источниковой базы: источники весьма разнообразны, но фрагментарны (археологические, письменные). В работе внимание будет уделено археологическим находкам из Северного Причерноморья, а именно терракотовым статуэткам. Они являются произведениями искусства, а вопрос о развитии искусства на «периферии» античного мира остается неразрешенным: изготавливали ли греки на новых территориях статуэтки, посвященные Кибеле, или привозили из материковой Греции; какой была иконография этих произведений искусств? Отвечая на эти вопросы применительно к статуэткам Северного Причерноморья, можно заметить отличия по городам региона. Особый интерес представляет взаимодействие с соседями. Развитие

¹ Богатова О.В. Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности (К проблеме религиозного синкретизма в античности). Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 4.

художественных форм в данном случае является внутренне обусловленным процессом. В новой географической среде складывается собственная жизнь, которая отражается в религии и искусстве. Уникальным феноменом в этой среде является и культ Кибелы, в развитии которого проявляется синтез различных культур.

Культы как часть религии и жизни находят выражение в предметах искусства, поэтому целесообразным кажется рассмотрение именно этой стороны почитания Кибелы.

Специфическая функция искусства состоит в том, что человеческий опыт аккумулируется в процессе взаимоотношений человека с миром, а не путем усвоения готовых результатов. В искусстве запечатлевается не только итог эстетического познания явлений, но сам процесс познания мира².

Во многом мы имеем дело с памятниками, большая часть которых предназначена для частного потребления. Важно понять их в общем контексте развития искусства.

Художественная среда Северного Причерноморья неоднородна. Характер привозных изделий меняется во времени: продукция античной цивилизации преобладает в раннее время, на рубеже новой эры и далее усиливается негреческий элемент. Эта тенденция прослеживается в Ольвии. Одна из наиболее ранних статуэток сидящей Кибелы со львенком на коленях конца VI в. до н.э. найдена в некрополе Ольвии. Богиня восседает на троне с прямоугольной спинкой, в невысоком полумесяце, из-под которого на грудь спадают по сторонам шеи по три волнистых локона. Черты лица несколько смазаны, невыразительны. Фрагменты этого же типа статуэток найдены также на агоре в архаическом слое V в. до н.э. и в яме к северо-западу от теменоса. На них сохранился толстый слой белой обмазки со следами голубой и красной красок. Они относятся к позднеархаической традиции, воспроизводящей образ Кибелы на Родосе и в Галикарнассе³. К первой половине III в. до н.э. относится статуэтка ольвийского производства: богиня на троне с крестообразными выступами, в башенной короне. Подлокотники трона украшены резьбой в виде стилизованных головок львов и горизонтальных линий. В правой руке – чаша, левая – с двумя большими

² Савостина Е.А. Греческая периферия и особенности развития искусства на окраине эллинского мира // БФ. 2009. С. 83.

³ Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I вв. до н.э.). Киев, 1982. С. 81–82.

перстнями – лежит на тимпане, поставленном на подлокотник трона, на коленях влево лежит лев с приподнятой головой. Пропорции фигуры несколько удлиненные⁴.

Для позднеэллинистического времени и первых веков нашей эры характерны статуэтки Кибелы с мягким овалом лица с тонко моделированными чертами, в высоком головном уборе, с круглыми серьгами-дисками, богатой драпировкой хитона и гиматия; Кибелы, сидящей рядом с большой фигурой льва⁵.

На примере Ольвии мы можем отметить, что при переселении колонисты заимствуют образцы статуэток из метрополии. Многочисленные контакты греков с местным населением не могли не отразиться на характере скульптуры местного производства. Особенно это становится заметным в первые века нашей эры, когда усиливается степень варваризации северопричерноморских колоний. Общая линия развития местного стиля характеризуется слиянием местных и античных художественных элементов, с явным преобладанием местных в конце античной эпохи.

В результате возникает новый художественный феномен, обладающий энергией образного воздействия, недоступной идеализирующему искусству греческой классики. Таким образом, можно заключить, что искусство Северного Причерноморья должно быть включено в общий процесс стилевого развития античного искусства не как провинциальный вариант искусства материковой Греции, но как одна из его ветвей, связанных с процессами метрополии, но обладающих иным темпом развития; как самостоятельный художественный феномен, изменяющий и обогащающий общую панораму античного искусства⁶.

Искусство той эпохи представляется деревом, на котором привитое высокое греческое искусство под воздействием местного мировоззрения воплотилось в совершенно новые, самобытные и неповторимые образы⁷.

Самый популярный малоазийский культ – культ Кибелы – был перенесён в города Северного Причерноморья переселенцами-

⁴ Русяева А.С. Указ. соч. С. 83.

⁵ Там же. С. 88.

⁶ Савостина Е.А. Указ. соч. С. 84.

⁷ Паромов Я.М. Заметки о боспорском искусстве и периферии античного мира // БФ. 2009. С. 128.

ионийцами ещё в VI в. до н.э. С этого времени культ Кибелы вошёл в жизнь населения городов Северного Причерноморья.

Кибела в греческой мифологии – богиня фригийского происхождения, близкая по своим функциям богине Рее и иногда отождествлявшаяся с ней. Носила также имена: Кивева, Диндимена, Идейская мать, Великая мать богов. Мифы о Кибеле связаны с историей юного Аттиса. Богиня требует от своих служителей полного подчинения ей, забвения себя в безумном восторге и экстазе, когда жрецы наносят друг другу кровавые раны или когда неофиты оскопляют себя во имя Кибелы, уходя из мира обыденной жизни и предавая себя в руки мрачной и страшной богини. На золотой колеснице с зубчатой в виде башни короной на голове Кибела появлялась всегда в окружении безумствующих корибантов и куретов, диких львов и пантер. Она – владычица гор, лесов и зверей, регулирующая их неиссякаемое плодородие⁸.

Начало ее культа уходит в доиндоевропейский культурный и сакральный субстрат и хорошо прослеживается в культурах Малой Азии VI–IV тыс. до н.э. Примером может служить статуэтка восседающей на леопарде, как на троне, обнаженной богини с подчеркнутыми материнскими формами, прижимающей к груди леопарденка⁹.

В первой половине I тыс. до н.э. и в последующее время, этот древний культ являлся одним из самых распространенных и даже доминирующих в малоазийских центрах (Пессинунт, Мирина, Смирна, Галикарнас, Милет). Некоторые исследователи даже считают культ Кибелы знаковым в понимании вообще фригийской религии¹⁰. В материковую Грецию и Северное Причерноморье он попал уже в эллинизированном виде – Кибела отождествлялась с критской матерью Зевса, Реей, называлась Великой матерью Богов.

Однако Кибела почиталась не везде и не всегда. Среди городов Северного Причерноморья, отправляющих культ этой малоазийской богини, можно отметить следующие: Ольвия, Херсонес, Китей, Тира, Пантикапей, Мирмекий, Нимфей и др.

Что касается боспорского региона, то там культ Кибелы прослеживается с V в. до н.э. Известны две посвятельные надписи-

⁸ Тахо-Годи А.А. Греческая мифология // МНМ. 1980. Т. I. С. 23.

⁹ Молева Н.В. О культе Кибелы на Боспоре // БФ. 2007. Ч. 1. С. 47.

¹⁰ Clinton A. The Colossian Syncretism. The Interface between Christianity and Folk Beliefs at Colossae. Michigan, 1996. P. 148.

граффити того времени на чернолаковых сосудах. С IV в. до н.э. в разных городах Боспора (Пантикапее, Мирмекии, Фанагории, Горгиппии) появляются терракотовые статуэтки Кибелы, в той или иной степени воспроизводящие скульптурный прототип статуи Агоракрита. Храм Кибелы со знаменитой мраморной статуей работы Агоракрита был построен в Афинах во второй половине V в. до н.э. Именно тогда вырабатываются каноны, использовавшиеся при передаче облика этой богини на протяжении всего античного периода: суровое выражение лица, головной убор (калаф), подчеркивающий ее хтоническое значение, раздвинутые под одеждой колени. Примечательны и атрибуты Кибелы: львы в различных вариантах (особенно часто изображается львенок на коленях богини – акцент на ее материнских функциях), фиала в протянутой руке, тимпан, символизирующий мистериальный и оргастический характер культа¹¹.

В эллинистический период почитание Кибелы на Боспоре достигает своего апогея. Особенно широкое распространение он получает в народных массах невысокого социального статуса. Находки статуэток и посвящений этой богине часто имеют место в небольших домашних святилищах. Отметим также, что в позднеэллинистический период образ Кибелы в Северном Причерноморье и на Боспоре становится более сложным и синкретичным. Кроме древней и весьма определенной связи с кабирами и Аттисом, в культуре этой богини прослеживаются хтонические мотивы: отождествление с Гекатой, появление в вотивных рельефах триады: Кибела – Персефона – Гермес-Психопомп.

Наиболее ранние статуэтки Кибелы в башенной короне со всеми атрибутами из Северо-Западного Причерноморья относятся ко второй половине IV в. до н.э. Развитие образа, трактовка отдельных деталей головного убора, одежды и атрибутов упрощались. Образ Кибелы в башенной короне иногда связывается исследователями с ее ролью защитницы колоний¹².

Ольвийская статуэтка первой половины III в. до н.э., лучше других сохранившаяся, уступает привозной в технических и стилистических приемах, однако композиционно в какой-то мере пре-

¹¹ Молева Н.В. Указ. соч. С. 47.

¹² Voegh B. The Cult of Kybele around the Black Sea in the Archaic Period // БФ. 2007. Ч. 2. С. 26.

восходит ее. Богиня сидит на троне с крестообразными выступами, в башенной короне, поверх которой наброшен гиматий. В отличие от других статуэток здесь гиматий драпирует и выступы трона, закругляя острые углы и создавая впечатление рельефного изображения. Подлокотники трона украшены резьбой в виде стилизованных головок львов и горизонтальных линий. Также стилизованно украшены ножки скамеечки для ног. Молодое лицо богини с устремленным кверху взором обрамлено волнистыми прядями, ниспадающими на грудь. В правой руке она держит чашу, левая – с двумя большими перстнями – покоится на тимпане, поставленном на подлокотник трона, на коленях влево лежит лев с приподнятой головой. Богиня одета в хитон с короткими рукавами, украшенный брошью и перевязью в виде перекрещивающихся складок. Гиматий, спускаясь со спинки трона, проходит под рукой и красивыми складками лежит на коленях. Маленькая голова и несколько удлиненные пропорции фигуры могут свидетельствовать, очевидно, о том, что мастер был знаком с искусством второй половины IV в. до н.э. и его характерными признаками. Для ольвийских терракот раннеэллинистического периода характерна тщательная моделировка калафа в виде крепостной стены или башни. Позже эта особенность исчезает¹³. Бригитте Боэ, изучая рельефы из Ольвии, указывает на их связь с милетскими образцами, иногда комбинацию милетских и североионийских черт. Терракотовые статуэтки Кибелы из Ольвии и Истрии Боэ связывает с восточно-греческим типом сидящей богини¹⁴.

Применение позолоты, росписи, тщательное моделирование отдельных деталей (иногда при помощи лепки) характерны для терракот Кибелы раннеэллинистического периода. Со второй половины III в. до н.э. в Ольвии резко падает качество изготовления терракот. Многие из них вовсе не расписывались, иногда краски наносились прямо поверх глины, без предварительного покрытия белой обмазкой. Для наиболее поздних ольвийских статуэток Кибелы (II в. до н.э.) характерна обобщенность и суммарность образа.

Фрагменты терракот Кибелы, найденные в Тире, по стилистическим особенностям и технике изготовления более всего сходны с ольвийскими. По качеству и стилистическим признакам можно

¹³ Молева Н.В. Указ. соч. С. 84

¹⁴ Boegh B. The cult of Kybele around the Black Sea... С. 24–25.

предположить, что некоторые из них были завезены в Тиру из Ольвии. Однако не исключено, что они изготовлялись и в Тире, где культ Кибелы в эпоху эллинизма был хорошо известен. В IV–I вв. до н.э. в Тире существовал только частный культ Кибелы. В первых веках нашей эры наблюдается рост его популярности, что связано с римским культурно-религиозным влиянием. Данный культ приобретает государственный статус и становится в Тире одним из ведущих¹⁵.

Очень рано, с рубежа V–IV вв. до н.э., культ Кибелы прослеживается и в Китейском святилище. Богиня эта в представлении жителей Китея обладала функциями плодородия (владычица природы, дарительница плодоносных сил земли), и ее культ отправлялся там же, где и культ Деметры. Сходные черты есть и в иконографии этих богинь. В частности, торжественная поза сидящей на троне женщины. Однако в изображениях Кибелы часто присутствуют ее характерные атрибуты (тимпан, львенок), а черты и выражение лица могут отступать от греческих канонов классического времени.

В 1985 г. в слое начала IV в. до н.э. была найдена фигурка богини, сидящей на троне с фигурной спинкой (высота 9,5 см). Голова ее и нижняя часть ног отбиты. На коленях – львенок. Глина бежевая, слоистая, в изломах темно-серая. На внешней поверхности сохранились следы белой обмазки, голубой (хитон) и розовой (спинка трона) красок.

Для Китея самой поздней статуэткой, изображающей сидящую на троне богиню, является терракота, найденная в центральном святилище в развале камней, в слое I в. до н.э. – I в. н.э. Она представляет собой верхнюю часть (сохранились голова и часть спинки трона) полой фигурки, выполненной в двусторонней форме, высотой 5,5 см. Глина похожа на пантикапейскую: плотная, кирпично-красная, с мелкими белыми включениями. Внешний облик богини соответствует общегреческим традициям, присущим изображениям Деметры и Коры, сформировавшимся еще в VI–V вв. до н.э. На голове ее – полукруглая стезифана, покрытая покрывалом. Завитые локоны обрамляют лицо и спускаются на плечи. Лицо широкое с правильными чертами, плотно сжатыми губами и круглым подбородком.

¹⁵ *Бондаренко М.Е.* Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья. М., 2007. С. 29–30.

родком. В целом терракота производит впечатление более ранней, чем дата слоя, в котором она найдена¹⁶.

Находки статуэток Кибелы свидетельствуют о распространении этого культа в III в. до н.э. и в Херсонесе. О популярности культа Кибелы среди населения на территории Херсонесского государства можно судить и по находке небольшой статуэтки Кибелы из известняка в сельской усадьбе Гераклеяского полуострова. Статуэтка повторяет установившийся образ Кибелы первых веков новой эры: богиня сидит на троне в иератической позе, держа в левой руке у плеча тимпан, в правой, протянутой вперед, чашу, ноги женщины – на скамеечке. На голове ее – калаф, на коленях лежит лев. Схематично исполнены черты лица и детали одежды¹⁷. Но культ Кибелы в Херсонесе не имел официального характера и был распространен гораздо меньше, чем в Ольвии и на Боспоре, поэтому можно предполагать, что в Херсонесе функции этой богини были в какой-то форме ассимилированы богиней Девой.

Таким образом, мы попытались проследить эволюцию образа богини Кибелы в Северном Причерноморье на примере терракотовых статуэток. Иконография образа является довольно устойчивой, тем не менее, в каждом городе есть свои особенности почитания этого культа.

Достаточно большое количество статуэток, найденных в Ольвии, свидетельствует о популярности культа. Преобладает аттический тип: сидящая на троне с высокой спинкой и с выступами богиня. В Китее найдено меньшее количество статуэток. Они, скорее всего, привозные, так как сделаны из неместной глины. Образ меняется во времени, однако общегреческие каноны сохраняются. Херсонес – частный характер почитания Кибелы. Здесь богиня представлена в иератической позе с чашей и тимпаном (греческая традиция).

О существовании у местного населения Северного Причерноморья культа Великой богини свидетельствует доминанта женского образа в греко-скифском искусстве. С культом Великой богини, вероятно, связаны древнейшие памятники с изображением Иштар, Потнии Терон и ее символов, а также Горгоны, в которых скифы и

¹⁶ Молев Е.А., Молева Н.А. Терракотовые статуэтки из Китейского святилища // БИ. 2003. Вып. 3. С. 254.

¹⁷ Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Г1–11. М., 1970. С. 13.

синдо-меоты могли видеть образы своей Великой богини. Как и в случае фракийской Великой богини-матери, пантеистическая природа Великой богини варваров Северного Причерноморья обеспечила благоприятную основу для ее синкретизма с главными женскими божествами греков. Судя по всему, царская власть у скифов также имела «атрибуты женственности», которые были характерны и для ряда других архаических обществ¹⁸.

Таким образом, в Северном Причерноморье «столкнулись» образы Великих богинь: варварский – матриархальная богиня плодородия и греческий – защитница, покровительница вновь основанных колоний. Постепенно они смешались путем синтеза отдельных черт в изображении богинь.

¹⁸ *Шауб И.Ю.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н.э.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2009. С. 9.

ЧЕЛНОКОВ М.С. (САРАТОВ)

КУЛЬТ АХИЛЛА НА ОСТРОВЕ ЛЕВКА

С начала проведения организованных археологических раскопок на территории Северного Причерноморья и до сего дня культ Ахилла занимает умы исследователей, и этому можно найти объяснение. С одной стороны, сам причерноморский регион играет особую роль в истории древнегреческой цивилизации. С другой стороны, культ Ахилла имел панэллинское значение, то есть был распространен во всем древнегреческом мире.

Особой популярностью Ахилл пользовался в Северном Причерноморье. Здесь существовали посвященные герою сакральные места и святилища. Самое известное святилище Ахилла в Северном Причерноморье располагалось на острове Левка (Λευκή; Φιδονήσι; Белый; Фидониси; современный остров Змеиный). Храм привлекал в те времена многих паломников, о чем говорят различные посвящения и монеты, по которым можно судить, что верующие приезжали практически отовсюду, где только звучала греческая речь¹.

Безусловно, у исследователя, начинающего работать в данной области, может возникнуть совершенно закономерный вопрос: если Ахилл погибает под стенами Трои, а позже, в Одиссее, его тень является на зов царя Итаки, то почему его культ был столь популярен в Северном Причерноморье? И как вообще он утвердился там, ведь мифологически, казалось бы, Ахилл никак не связан с этим отдаленным регионом греческой ойкумены?

Оказывается, что достаточно рано, уже в VII в. до н.э. появляется абсолютно новая мифологическая традиция, согласно которой Ахилл умер, но был воскрешен и перенесен своей матерью, нереидой Фетидой, на так называемый Белый остров, который позже был отождествлен с реально существующим островом в Черном море – с островом Левкой.

С этой традицией мы впервые встречаемся в произведении Арктина Милетского «Эфиопида». Само произведение не сохранилось, но оно известно нам в изложении Прокла:

¹ Охотников С.Б., Островеерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993. С. 98–99. Рис. 18.

И Фетида, прибыв туда с Музами и сестрами, | оплакивает сына. И после этого, похитив сына из погребального костра, | переносит его на Белый остров. (Procl. Chrest. 198–200; перевод автора)².

Существует серьезная проблема в науке – считать ли этот миф творением эпохи колонизации Северного Причерноморья или же более древним преданием. Произведение Арктина, как уже говорилось, относится к VII в. до н.э., то есть к самому началу освоения северопричерноморских земель греками. Однако это совсем не означает, что сам миф появился в VII в. и как-то был связан с основанием колоний. Как мы увидим далее, в более поздних источниках отчетливо видна связь Белого острова с Понтом. Но в этом отрывке мы этого не находим. Отсутствие четкой локализации – архаизирующий признак, явно указывающий на то, что миф о перенесении Ахилла на Белый остров появился раньше (когда, правда, не известно)³.

Этот миф, скорее всего, возник в милетской среде не позднее VII в. до н.э., может быть и раньше. Милет, как известно, являлся метрополией для большинства северопричерноморских колоний (в том числе и Ольвии, которая была одним из главных центров культа Ахилла в Северном Причерноморье и владела островом Левка многие столетия), и его религиозные культы были, естественно, перенесены в эти колонии.

А.С. Русяева считает, что миф о перенесении Ахилла на Белый остров создавался в процессе колонизации и был призван оправдать захват греками чужих территорий, утверждая, что Ахилл с незапамятных времен является владыкой этих земель⁴. Таким образом, этот миф играл роль идеологической основы колонизации Северного Причерноморья.

Однако, по всей видимости, Белый остров изначально был мифическим островом наподобие Островов блаженных, и лишь позднее, в ходе освоения Северного Причерноморья, стал ассоцииро-

² καὶ Θέτις ἀφικομένη σὺν Μούσαις καὶ ταῖς ἀδελφαῖς
θρηρεῖ τὸν παῖδα· καὶ μετὰ ταῦτα ἐκ τῆς πυρᾶς ἢ Θέτις
ἀναρπάσασα τὸν παῖδα εἰς τὴν Λευκὴν νῆσον διακομίζει.

³ Вокруг сохранившегося фрагмента произведения Арктина «Эфиопида» уже давно ведется дискуссия в научных кругах. Некоторые исследователи видят в ней первоисточник Илиады (о споре см.: *Hooker G.T. The Cults of Achilles // Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main. 1988. Bd. 131. Ht. 1. S. 1–7; Хоммель Х. Ахилл-бог // ВДИ. 1981. № 1. С. 57. Прим. 19).*

⁴ *Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005. С. 49–50.*

ваться с небольшим островком у западного побережья Понта⁵. Об этом говорят многие источники.

Так, Пиндар во второй Олимпийской оде говорит, что Фетида перенесла Ахилла на остров Блаженных (Pind. Ol. II.71; 79–80). В четвертой Немейской оде говорится, что Ахилл царствует на светлосияющем острове в Евксинском Понте (Pind. Nem. IV.49). Таким образом, для Пиндара, жившего в последней четверти VI – середине V вв. до н.э., остров Макарон (от греч. μακάρ – блаженный) тождествен острову Левка в Понте.

В «Естественной истории» Плиния приводятся три названия этого острова: Ахиллов, Макарон и Белый (Plin. NH. IV.93), т.е. Плиний, также как и Пиндар, отождествлял остров Левку с островом Блаженных.

Для нас очень важно сообщение Дионисия Периегета. Он пишет: *«По левой стороне Евксина против Борисфена лежит в море знаменитый остров героев; его называют Белым... Здесь, говорит предание, блуждают по пустынным долинам души Ахилла и других героев. Такая награда дана Зевсом героям за доблесть: ибо доблесть получила вечную славу»* (Dion. Perieg. Orb. descr. 541–548)⁶. Мы узнаем еще одно название острова – Остров героев (νῆσος ἡρώων). Как сказал в своих комментариях к труду Дионисия Евстафий, *«этот Белый остров называется островом героев, подобно тому, как воспеваемые поэтами острова на западном океане называются островами блаженных»* (Eustath. Comm. Dion. 541).

С реальным островом в Понте Евксинском Дионисий по традиции соединил древний фольклорный рассказ о том, как Зевс награждает героев за их доблестную жизнь.

М.В. Скржинская очень хорошо показала, почему именно с Левкой был ассоциирован этот загадочный остров: *«Когда милетские мореходы открыли недалеко от устья Дуная маленький пустынный островок, они решили, что нашли мифический остров Блаженных. Других островов у этого побережья они не встретили, северные берега еще не были освоены, так что о Понте еще не знали как о замкнутом водном*

⁵ Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 25.

⁶ Здесь и далее перевод В.В. Латышева (См.: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1896).

пространстве, и он казался безбрежным океаном, в котором, по преданию, лежал сказочный остров»⁷.

Существовало два варианта мифа появления Белого острова в Понте. Согласно первому, остров был поднят для своего сына Ахилла с пучин морских Фетидой (Arrian. Periopl. 21). Согласно же второму варианту, который приведен у Филострата Флавия, остров был создан Посейдоном по просьбе Фетиды для Ахилла и Елены, а также для моряков: он запрудил ил, который несли реки Термондонт, Истр и Борисфен в море из Скифии, и образовал остров, прочно утвердив его в глубине Понта (Philostr. Flav. Heroic. XIX.16).

По сообщениям античных авторов на Левке водилось множество белых птиц, причем они подробно перечисляют их разновидности. Это очень важно для нас, поскольку эти птицы, видимо, считались священными животными Ахилла.

В схолиях к Пиндару говорится, что там гнездились цапли (Schol. Pind. IV.49). Дионисий Периегет упоминает птиц, которых называет κλωπῆτα (Dion. Perieg. Orb. descr. 544). Евстафий, пытаясь объяснить это слово, считал, что оно, возможно, обозначало либо чаек, либо аистов (Eustath. Comm. Dion. 541). У Арриана птицы на Левке – это чайки, нырки и морские вороны (Arr. Periopl. 21). Причем в его «Перипле» содержится и рассказ о том, что эти птицы каждый день омывают и очищают храм Ахилла (Arr. Periopl. 21). У Филострата это свидетельство повторяется; он, правда, обращает внимание на то, что Ахилл избрал белых птиц своими служительницами, и они очищают не храм, а рощу Ахилла (Philostr. Flav. Heroic. XIX.16). Антигон Каристский в «Своде невероятных рассказов» приводит следующее: *«Рассказывают, что и на Белом острове ни одна птица не может при полете подняться выше Ахиллова храма»* (Antigon. Hist. CXII). Филострат, между прочим, также утверждает, что ахилловы «служительницы», заботясь о роще своего хозяина, летают очень низко и *«веянием своих крыльев и брызгами капель с них они холят»* его насаждения (Philostr. Flav. Heroic. XIX.16).

Левка была покрыта густым лесом, как утверждает Павсаний (Paus. III.19.11). Филострат уточняет, что на Левке росли тополи и вязы, причем у храма эти деревья росли в порядке, а остальные *«как попало»* (Philostr. Flav. Heroic. XIX.16). Он же упоминает о су-

⁷ Латышев В.В. Указ. соч.

ществовании роши Ахилла (ἄλος; за которой и ухаживают птицы). Хотя на сегодняшний день ничто не говорит о том, что когда-то на Левке был лес, но он вполне мог быть; позже деревья могли быть вырублены.

Связь с хтонической сферой, и, соответственно, с растительным миром и идеями плодородия естественна для героев⁸. Согласно Ю-СПЕ (I².327) Ахиллу посвящали кедровые шишки. Таким образом, можно считать, что кедр, тополь и вяз были священными деревьями Ахилла.

Храм Ахилла на Левке скорее всего был возведен в самом начале колонизации Северного Причерноморья. Этому есть косвенное подтверждение в двух произведениях Еврипида: в «Андромахе» и «Ифигении в Тавриде». В первом упоминается храм Ахилла, находящийся на «белом берегу внутри Аксинского Понта» (Eurip. Andr. 1262), а во втором Белый берег, находящийся также на «негостеприимном море» (Eurip. Iphig. 438). Понт мог называться Аксинским только на раннем этапе колонизации, что доказывает раннее же возникновение храма Ахилла на Белом острове.

На острове показывали ровные пространства, служившие для упражнений героя (Schol. Pind. IV.49). Еврипид также упоминает, что на Белом острове имелись «ахилловы беги» с прекрасными рис-талищами (Eurip. Iphig. 436–437). Возможно, на самой Левке (а не только на Ахилловом Дроме) могли проводиться агоны в честь героя.

Говоря о «чертоге Ахилла», то есть его храме, Еврипид использует существительное «ὁ δῶμος» в винительном падеже (Eurip. Andr. 1261). Конечно, если только трагик не использовал это число в качестве литературного приема, то можно предположить, что кроме храма были и другие постройки; был некий храмовый комплекс (Максим Тирский упоминает, что кроме храма были «алтари» (Max. Tyr. Dialexeis. XV. 7)). Ниже мы увидим, что на острове почитался не только Ахилл, но и другие герои, что также может означать существование дополнительных храмовых строений, небольших святилищ. Однако они явно не могли быть жилыми постройками, поскольку, как говорит Филострат, строить на острове *«жилища*

⁸ Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. С. 14.

запрещено всем мореплавателям и живущим по берегам Понта, эллинам и варварам» (Philostr. Flav. Heroic. XIX.16).

В храме была статуя Ахилла древней работы (ἔθαινον; Arr. Peripl. 21). Филострат сообщает, что в храме находится изображение Ахилла и Елены, соединенных Мойрами (Philostr. Flav. Heroic. XIX.16). Также известно, что на острове был оракул (Arr. Peripl. 22).

Павсаний и Конон приводят предание о некоем кротонце, который участвовал в сражении с локрийцами (Paus. III.19.11; Conon. XVIII). Локрийцы оставляли в своем строю пустое место для своего покровителя Аякса. Автолеонт (у Конона; Павсаний передает его имя как Леоним) попытался пробиться по этому пустому месту, но был ранен Аяксом, отчего у него началась гангрена. Пифия направила Автолеонта на Белый остров, чтобы он вымолил у Аякса прощения и таким образом получил исцеление. Автолеонт действительно излечился, помолившись и принеся жертвы Аяксу и другим героям.

Еще С.Б. Островерхов и А.С. Охотников предположили, ссылаясь на этот рассказ, что «на острове функционировало специальное учреждение для исцеления. ...Приписывание святилищу Ахилла лечебных функций предполагало наличие врачей или жрецов, обладавших медицинскими познаниями»⁹.

Храму Ахилла верующие делали крупные, богатые приношения: серебро (Arr. Peripl. 22), чаши, перстни, драгоценные камни. Арриан также говорит, что в храме были посвятельные надписи как на греческом, так и на латинском языке (Peripl. 21).

Арриан утверждает, что на Левке паслись козы, которых паломники посвящали Ахиллу (Peripl. 21). Причем существовал особый порядок жертвоприношения: паломники сами привозили коз и одних приносили в жертву, а других оставляли в живых в честь Ахилла. Те же, кто попадал на остров вследствие бури, «у самого бога» просили жертвенного животного. Они сами выбирали его на пастбище и спрашивали у оракула можно ли взять его; при этом жертвовали некоторую сумму. Оракул мог дать отрицательный ответ. Тогда жертвователь добавлял к сумме до тех пор, пока не получал разрешения.

⁹ Охотников С.Б., Островерхов А.С. Указ. соч. С. 107.

Совершив жертвоприношения, по заходу солнца паломники должны были возвратиться на корабли (Philostr. Flav. Heroic. XIX.16). Если был попутный ветер, то они должны были отплыть; если же не было, то они вынуждены были ночевать на кораблях. В это время, говорит Филострат, Ахилл и Елена пировали, занимались пением, в особенности воспевали взаимную любовь, гомеровские стихи о Трое, и самого Гомера.

Паломники почитали на Левке, по всей видимости, не только Ахилла, но также его супругу – Елену (Paus. III.19.11; Conon. XVIII; Philostr. Flav. Heroic. XIX.16); его мать Фетиду (Max. Tyr. Dialexeis. XV. 7); его друзей: Патрокла (Arr. Periopl. 21; Paus. III.19.11; Max. Tyr. Dialexeis. XV.7), Аякса Оилида (у Конона – Аякс Локрийский, см.: Conon. XVIII; Paus. III.19.11), Аякса Теламонида (Paus. III.19.11), Антилоха (Paus. III.19.11); наконец, Гомера (Philostr. Flav. Heroic. XIX.16).

При храме, видимо, создавались священные песни, пеаны (Philostr. Flav. Heroic. XIX.16; Max. Tyr. Dialexeis. XV.7). Из сочинения Филострата известна одна песнь, восхваляющая Гомера. Ее якобы пел сам Ахилл (Philostr. Flav. Heroic. XIX.16).

В произведениях Филострата, Арриана и Максима Тирского есть рассказы о том, как являлся людям Ахилл. Герой являлся людям во сне либо если они находились на самой Левке, либо если они находились в море, но неподалеку от острова. Однако Ахилл мог явиться и наяву на мачте или на конце реи (Arr. Periopl. 23). *«Если кто пристанет к северной или южной стороне острова и начнет подниматься ветер, неблагоприятный для стоянки, то Ахилл возвещает об этом у кормы и приказывает укрыться от ветра, переменяв место стоянки»* (Philostr. Flav. Heroic. XIX.16).

Таким образом, ему были свойственны эпифании, т.е. он обладал способностью наглядно являться перед своими почитателями. Сравнивая Ахилла с Диоскурами, Арриан говорит, что в отличие от последних, которые могли являться повсюду, владыка Левки появлялся перед теми, кто приближался к острову (Periopl. 23).

Максим Тирский писал: *«Моряки часто видали юного мужа с белокурыми волосами, прыгающего в доспехах; а доспехи, говорят они, золотые; другие же не видали, но слышали, как он распевал пеаны; третьи, наконец, и видали и слышали. Случалось также некоторым невольно застыть на острове; такого Ахилл поднимает, ведет в палатку и угощает;*

при этом Патрокл разливал вино, сам Ахилл играл на кифаре, присутствовала также, говорят, и Фетида и хор других божеств» (Мах. Туг. *Dialexeis*. XV.7). Выше уже говорилось, как Ахилл и Елена после захода солнца пировали и пели. Пристававшие к острову утверждали, что слышали конский топот, звук оружия и крик, какой поднимают на войне (Philostr. Flav. Heroic. XIX.16). Исходя из этих отрывков, можно предположить, что жречество устраивало для паломников (конечно не для всех, а для посвященных – вспомним запрет на нахождение на острове после захода солнца) некие мистерии в честь Ахилла и всех его спутников, и мы хоть отчасти можем познакомиться с основными моментами этих мистерий.

Хотя Арриан говорит, что «людей на острове нет» (Peripl. 21), но скорее всего при храме были жрецы, ведь иначе кому было тогда следить за священной рощей Ахилла, охранять богатства храма, исцелять больных и т.д.? Есть косвенное свидетельство о том, что между жречеством Левки и святилищем Аполлона в Дельфах были какие-то связи (Paus. III.19.11; *Сопон*. XVIII), но какой характер имели эти связи, неизвестно.

Мы ознакомились с первой мифологической традицией, согласно которой Ахилл умер, но был воскрешен и перенесен на Белый остров. Однако существовала еще одна мифологическая традиция, которая, видимо, лишь впоследствии была соединена с первой.

Согласно этим мифам ахейцы собирались принести невесту Ахилла Ифигению в жертву Артемиде, но в последний момент богиня, заменив Ифигению жертвенным животным, похитила ее и перенесла в Тавриду. Ахилл, узнав об этом, решил догнать Артемиду и вернуть себе Ифигению. Герой пробежал 1000 стадий, тщетно пытаясь найти невесту. Не найдя ее, он поселился на Белом острове. Та местность, которую он пробежал, стала называться Ахилловым Дромом (Ахилловым Бегом) и ассоциировалась с современной Гендеровской косой.

Ликофрон сообщает, что Ахилл бродил в поисках Ифигении по Скифии пять лет (Lycophr. Alex. 200–201). Евстафий приводит другую версию мифа, согласно которой это был «другой Ахилл, скифский царь этих земель, который влюбился в отосланную туда Ифигению и оттащивался здесь во время ее преследования, от чего это место и названо Ахилловым».

Никандр приводит, по всей видимости, продолжение мифа об Ахилле и Ифигении: по прошествии времени Артемида «переселила Ифигению на так называемый Белый остров к Ахиллу, посредством превращения сделала ее вечно юным и бессмертным божеством и вместо Ифигении назвала Орсилохией; она сделалась сожительницей Ахилла» (Nicand. fr. 58).

Мифы этого цикла имеют одну интересную особенность, отличающую их от тех, которые мы рассматривали ранее. Согласно второй традиции, Ахилл не участвовал в осаде Илиона, а начал преследовать Ифигению. Он не погиб, а просто поселился на Белом острове, не найдя невесту. Первая традиция совершенно другая – Ахилл погибает под стенами Трои, переносится Фетидой на Белый остров, и посмертно женится на Елене. Сложно сказать, какая традиция возникла раньше. Скорее всего, они развивались параллельно.

Исследователи выделяют различные функции Ахилла. Вопрос о том, какая из них являлась преобладающей пока остается открытым. Скорее всего, Ахилл являлся многофункциональным божеством. Видимо, та или иная функция героя могла в определенный период выдвигаться на первый план, а другие до поры до времени имели второстепенное значение¹⁰.

Здесь же мне хотелось бы обратить внимание на одну функцию Ахилла, которую, кажется, исследователи пока еще не замечали. Я имею в виду функцию покровительства торговле.

Филострат Флавий приводит миф об Ахилле и купце. Однажды, купец оказался на острове Ахилла и тот попросил его отправиться в Илион и привезти оттуда такую-то девушку. Купец выполнил все, о чем просил герой. После того, как купец отъехал от острова, он услышал, как Ахилл разрывает на части девушку (Philostr. Flav. Heroic. XIX.18).

Для нас здесь важно то, каким образом Ахилл вознаграждал купца. Герой «дал ему много денег, до которых жадны купцы, объявил его своим приятелем и обещал прибыльную торговлю и благополучное плавание его кораблю» (Philostr. Flav. Heroic. XIX.18).

¹⁰ Как произошло, например, с культом Ахилла Понтарха (Владыка Понта). Ученые приводят различные объяснения того, почему эта эпikleза появилась именно в I–II вв. н.э. Однако можно предположить, что выдвигание морской функции Ахилла связано с затуханием культа Афродиты Понтии (видимо, покровительницы мореплавания), который зафиксирован в III в. до н.э. и более нам не встречается (НО. № 68).

Из источника видно, что владыка Левки не только оберегал мореплавателей (морская функция Ахилла), но также покровительствовал торговле и купцам, и вообще мог быть связан с богатством.

Кроме этого, можно вспомнить посвятельную надпись Ахиллу Герою (НО. № 90) конца I – первой половины II в. н.э. Среди различных посвящений больше не найдено посвятельных надписей Ахиллу от агораномов, которые, как известно, следили за торговлей в полисе, а также занимались обеспечением полиса зерном.

Таким образом, вполне вероятно, что у Ахилла, культ которого отправлялся на Левке, имелась еще одна функция – покровительство торговле.

Подводя итоги, можно сказать, что культ Ахилла в Северном Причерноморье имел огромное значение для жителей этого региона. Благодаря нарративным источникам мы узнали, что существовали две разные мифологические традиции об Ахилле на Белом острове и его паредре. Также нам стали известны особенности жертвоприношения Ахиллу на острове, какие благодарственные приношения совершались ему и его спутникам, какие деревья и животные могли считаться священными для Ахилла. Наконец, мы предположили, что, возможно, Ахилл покровительствовал торговле.

САПОГОВ А.С. (САРАТОВ)

АРТАКСЕРКС II В «АНАБАСИСЕ» КСЕНОФОНТА

Как отмечает Пьер Бриан, за исключением Кира и Дария I, персидские цари не слишком интересовали историков и биографов¹. Эту тенденцию можно проследить как в работах общего характера и специальных монографиях, так и в отдельных статьях, посвященных тематике, связанной с царями и царской властью в Ахеменидской державе. Настоящая работа посвящена образу персидского царя Артаксеркса II – таким, как он предстает перед нами в сочинении своего современника Ксенофонта «Анабасис».

В «Анабасисе» повествуется о событиях 401–399 гг. до н.э., когда Ксенофонт присоединился к войску персидского царевича Кира Младшего, поднявшего мятеж против своего брата, но первоначально скрывавшего от войска цель похода. В битве с царем при Кунаксе близ Вавилона Кир погиб, и поход потерял всякий смысл. Греки начали переговоры о возвращении в Элладу с Артаксерксом, а затем с присланным к ним сатрапом Карики Тиссаферном, но во время переговоров их военачальники, приглашенные в персидский лагерь, были схвачены и казнены. После этого греки, выбрав новых командиров, совершили отступление из Вавилонии в Армению, а затем к Черному морю, к которому они вышли в районе Трапезунта. Далее греки, двигаясь вдоль южного берега Черного моря и северо-западного берега Малой Азии, переправились в Европу (правда, не с первой попытки), после чего многие из них покинули войско, а оставшиеся поступили на службу к фракийскому царю. В 399 г. до н.э., когда в Малую Азию прибыл спартанский полководец Фиброн для ведения войны против персов, эти воины перешли к нему. Знаменитый поход «десяти тысяч» оказал определенное влияние на восприятие греками Персидской монархии (об этом походе упоминал в своих речах Исократ, а также Арриан в своем «Анабасисе Александра»).

«Анабасис» является тем сочинением Ксенофонта Афинского, в котором он конкретнее всего выражает свое восприятие Артаксер-

¹ Бриан П. Дарий в тени Александра. М., 2007. С. 9. См., напр.: Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985; Potts D.T. Cyrus the Great and the Kingdom of Anshan // Birth of the Persian Empire. L.; N.Y., 2005. Vol. I; Тураев Б.А. История древнего Востока. Л., 1936. Т. 2.

кса II². Другие сочинения Ксенофонта не дают настолько полной картины³. В «Агесилае» царь Персии противопоставляется спартанскому царю, который воюет с персами в Малой Азии, причем можно согласиться с П. Брианом, который отметил, что в «Агесилае» фигура царя обезличена⁴. В «Домострое» (Оес. IV) рассказывается о внутреннем устройстве Ахеменидской державы, без указания имени царя (последнее – как и в «Агесилае»). В «Киропедии» лишь кратко говорится об упадке нравов персов – современников Ксенофонта, в том числе и упадке нравов при царском дворе, о плохих сторонах нрава царя и его приближенных (Суг. VIII.8). В «Греческой истории» об Артаксерксе II говорится в связи с событиями политической истории, хотя в этом сочинении есть три примера, иллюстрирующих отношение греков к власти, богатству и силе царя (Hell. VI.1.12; VII.1.38).

Как справедливо отмечает Т. Миллер, моральное достоинство человека, по мнению Ксенофонта, определяется тем, насколько он верен своим друзьям, правдив и честен с ними, и в связи с этим персонажи «Анабасиса» делятся в сознании автора на людей, преданных друзьям, и людей вероломных⁵. Думается, что этот тезис применим и к восприятию автором и греками, участвовавшими в походе, фигуры Артаксеркса II, поскольку командиры греков были

² Артаксеркс II, известный также под прозвищем Мнемон, у Ксенофонта этим прозвищем не называется. Такое упоминание его имени встречаем у Плутарха в посвященной этому царю биографии, а ранее у Корнелия Непота (см.: *Binder C. Plutarchs Vita des Artaxerxes. Ein historischer Kommentar.* В.; N.Y., 2008. S. 84). Очевидно, опираясь на Плутарха, М.А. Дандамаев говорит, что греки прозвали царя так из-за его исключительной памяти (*Дандамаев М.А. Указ. соч.* С. 207). Однако относительно недавно Саид Эмир Аржоманд высказал интересное предположение, согласно которому прозвище Мнемон (Μνήμων) является греческой передачей слова *Вохуман* (имя духа скота, благой мысли в «Авесте»), которое Артаксеркс II взял в качестве эпитета к своему имени для выражения преданности этому божеству; автор отмечает, что никто из исследователей не придал значения греческому эпитету царя Мнемон (*Arjomand S.A. Artaxerxes, Ardašir, and Bahman // Journal of the American Oriental Society.* 1998. Vol. 118. No. 2. P. 245–248). Впрочем, следует отметить, что в надписях персидских царей, в том числе и Артаксеркса II, не встречается подобных эпитетов.

³ О Ксенофонте и его сочинениях существует обширная литература. См.: *Грбаварь-Пассек М.Е. Ксенофонт // История греческой литературы.* М., 1955. Т. 2. С. 101–126; *Фролов Э.Д. Жизнь и деятельность Ксенофонта // Уч. зап. Ленинградского ун-та.* Л., 1958. Вып. 28. С. 41–74; *Соболевский С.И. Ксенофонт, его жизнь и сочинения // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе.* М., 1993. С. 265–281; *Breitenbach H.R., Treu M. Xenophon von Athen // RE.* 1967. Bd. IX. Sp. 1569 sq.; *Dillery J. Xenophon and the History of His Times.* L.; N.Y., 1995 (с библиографией).

⁴ Бриан П. Указ. соч. С. 128.

⁵ Миллер Т. Историческая проза Древней Греции // *Историки Греции: Геродот. Фукидид. Ксенофонт.* М., 1976. С. 22.

вероломно схвачены и казнены во время переговоров, в силу чего царь (о чем еще будет сказано ниже) потерял доверие греков. В «Анабасисе» можно выделить две стороны восприятия персидского монарха: первая – это восприятие личности царя, вторая – его власти, могущества, а также силы и богатства державы царя. Соответственно, выделяются и две группы фактов, касающихся той и другой стороны восприятия.

Обратимся к той группе, которая характеризует личность царя. В «Анабасисе» Великому царю Ксенофонт противопоставляет Кира Младшего, брата Артаксеркса. П. Бриан отмечает, что у Ксенофонта (как позже при сравнении Дария с Александром у Арриана, позаимствовавшего этот прием у своего предшественника и образца) Киру Младшему противопоставляется в некотором смысле обезличенный портрет Великого царя, подобный его безымянному изображению в «Агесилае»⁶. Согласно «Анабасису», Кир, когда был еще ребенком и воспитывался вместе с братом и другими мальчиками, во всем превосходил их (An. I.9.2); дети знатных персов воспитываются при дворе: там каждый может научиться благомыслию (σωφροσύνη), а услышать или увидеть что-нибудь постыдное близ царя невозможно (αἰσχρὸν δ' οὐδὲν οὐτ' ἀκοῦσαι οὐτ' ἰδεῖν ἔστι – An. I.9.3). По мнению О. Лендла, автора комментария к «Анабасису», для греческого читателя особенно удивительным являлось сообщение о том, что Кир воспитывался вместе со своим братом и другими мальчиками⁷. Возможно, это объясняется тем, что, по представлению греков, царские дети должны были воспитываться отдельно, учитывая характер царской власти.

«Надгробная» речь Ксенофонта о Кире, после его гибели (An. I.9), характеризует его с исключительно положительной стороны. Историк говорит, что среди персов, рожденных после Кира Древнего, Кир (Младший) – «самый царственный и достойный властвовать»⁸ (ἀνὴρ ὢν Περσῶν τῶν μετὰ Κῦρον τὸν ἀρχαῖον γενομένων βασιλικώτατος τε καὶ ἄρχειν ἀξιώτατος – An. I.9.1). Указание на то, что Кир поощрял доблестных и справедливых, и «таким образом все у него велось по справедливости, и войском он располагал настоящим» (καὶ γὰρ οὖν ἄλλα τε πολλὰ δικάϊως αὐτῷ διεχειρίζετο καὶ

⁶ Бриан П. Указ. соч. С. 128.

⁷ Lendle O. Kommentar zu Xenophons Anabasis (Bücher 1–7). Darmstadt, 1995. S. 77.

⁸ «Анабасис» здесь и далее цитируется в пер. М.И. Максимовой

στρατεύματι ἀληθινῶ ἐχρήσατο – An. I.9.17), а также тот факт, что кроме Оронта, никто от Кира не перешел к царю, а от царя к Киру перешли многие, так как полагали, что у Кира будут в большем почете, нежели у царя (An. I.9.29), также выявляют положительные стороны личности царевича. Следует подчеркнуть, что этот момент был для Ксенофонта особенно важен, поскольку тема власти, в том числе подчинения власти (πειθαρχία), была одной из его любимых тем⁹; поэтому само указание на данный факт, независимо от того, насколько он был реален¹⁰, очевидно, имеет целью показать Кира как человека, достойного царской власти, а Артаксеркса, наоборот, как лишённого всяческой поддержки и не наделённого никакими достоинствами¹¹. Таким образом, через наделение Кира Младшего положительными свойствами, которыми он превосходит царя, обосновывается его право на престол.

Царь на фоне Кира практически лишён положительных качеств характера. Единственным исключением является высказывание о нём Клеарха: когда греки выразили сомнение в том, что персы сохраняют верность клятве не причинять им зла и отправить их в Элладу, он сказал им, что не понимает, зачем царю, обладающему такими богатыми возможностями, понадобилось, если он действительно задумал погубить греков, давать клятву и протягивать свою правую руку, тем самым оказываясь клятвопреступником перед лицом богов и превращая доверие (πίστις), каким он пользуется у эллинов и варваров, в недоверие (ἀπιστία) (An. II.4.7). Но после захвата и убийства греческих военачальников в лагере Тиссаферна, царь теряет у греков личный авторитет, напротив, Клеанор из Орхомена говорит о «клятвопреступничестве и безбожии» царя (τὴν βασιλέως ἐπιρκίαν καὶ ἀσέβειαν – An. III.2.4).

Когда Ксенофонт ведет речь о царской власти, о могуществе царя, его свидетельства меняют свой характер. Грек Фалин, кото-

⁹ См.: *Борухович В.Г., Фролов Э.Д.* Примечания // Ксенофонт. Киропедия. М., 1976. С. 313. Прим. 2 (здесь же даются ссылки на другие сочинения Ксенофонта, в которых рассматривается эта тема). См. также: *Фролов Э.Д.* Ксенофонт и поздняя тиранья // ВДИ. 1969. № 1. С. 108–124.

¹⁰ П. Бриан по этому поводу отмечает, что множество знатных персов предпочло поддержать Артаксеркса против Кира, а у Кира в действительности было довольно много дезертиров (*Бриан П.* Указ. соч. С. 132).

¹¹ Там же. В «Анабасисе» встречается даже эпизод, повествующий едва ли не об испуге царя перед греческим войском: отправив накануне послов с предложением сдать оружие, утром царь выступает уже с предложением союза (An. III.1.1).

рый вел переговоры со стороны царя и передал грекам его повеление сдать оружие, в ответ на слова афинянина Феопомпа о том, что у греков в данный момент ничего кроме оружия и доблести не осталось, что с оружием в руках, думается, они смогут проявить свою доблесть, оружие единственное оставшееся у греков благо, при помощи которого они еще сразятся за все персидские богатства, отвечает: «Ты безумен, если считаешь, что ваша доблесть сильнее могущества царя» (ἴσθι μέντοι ἀνόητος ὢν, εἰ οἶεи τὴν ὑμετέραν ἀρετὴν περιγενέσθαι ἂν τῆς βασιλέως δυνάμεως – An. II.1.13). Также Клеарх в переговорах с Тиссаферном говорит, что если бы греки убили Тиссаферна, своего благодетеля, то разве достигли бы они чего-нибудь кроме «войны с царем, новым и самым могущественным противником – эфедром?» (πρὸς βασιλέα τὸν μέγιστον ἔφεδρον ἀγωνιζοίμεθα – An. II.5.10).

Общая характеристика могущества Ахеменидской державы содержится в словах Тиссаферна на переговорах с Клеархом. Сатрап говорит об огромном количестве войск, о равнинах, которые греки и без войны прошли бы с великим трудом, горах, которых грекам не миновать и которые персы, заняв, сделали бы непроходимыми; о том, сколько на пути рек, на которых персы могли бы решать, сразиться с греками или нет, и таких, через которые греки не смогли бы переправиться без помощи персов; но даже если при всем этом персы потерпят поражение, все же огонь сильнее посевов (ἀλλὰ τό γέ τοι πῦρ κρείττον τοῦ καρποῦ ἐστίν) и они смогут спалить их, поставив грекам преградой голод, против которого они при всей доблести не смогут бороться (An. II.5.18–19). Это высказывание подтверждается и наблюдением самого Ксенофонта о том, что «держава царя сильна множеством областей и людей, но из-за длинны дорог и разбросанности сил слаба, особенно против скорого нападения» (An. I.5.9), и другим его наблюдением, когда Ксенофонт говорит лохагам Проксена, что пока союз с царем был в силе, он не переставал жалеть греков и завидовать царю и его приближенным, видя какой богатой и обширной страной они владеют, сколь неисчерпаемо здесь продовольствие, какое множество тут слуг, стад, золота и одежд (An. III.1.19).

Еще два факта свидетельствуют о страхе греков перед царем. Они важны, так как, вероятно, объективно отражают восприятие Ахеменидской державы не только автором, но и определенным ко-

личеством греков, в том числе и в Элладе. На переговорах с Тиссаферном эллины говорят, что не собирались идти на царя. Кир выдумывал предлоги, чтобы заставить царя врасплох, а когда истина обнаружилась, то они постыдились предать его; после смерти Кира у них нет причин воевать с царем, и если никто их не тронет, они уйдут домой (Ан. II.3.21–23). Клеарху греки говорили, что царь хотел бы погубить их, чтобы другие эллины побоялись идти войной на великого царя. Ведь никогда по доброй воле он не допустит, чтобы они пришли в Элладу и рассказали, как победили царя у самых его дверей со столь малочисленным войском и ушли, насмеявшись над ним (Ан. II.4.2–4).

Итак, в тех немногих случаях, когда факты касаются фигуры царя, Ксенофонт наделяет его негативными личными качествами. Однако когда речь идет о государстве Ахеменидов, он говорит о могуществе державы и власти царя. Думается, можно утверждать, что это в значительной степени объективно отражает восприятие эллинами – современниками Ксенофонта царской власти Ахеменидов, тем более что в первой половине IV в. до н.э., когда писался «Анабасис» и когда ко двору царя неоднократно отправлялись эллинские посольства, в том числе и для урегулирования отношений внутри Эллады, позиция царя была серьезным фактором не только внешней, но и внутренней политики греческих полисов¹².

¹² О греко-персидской дипломатии см.: Рунг Э.В. Греция и Ахеменидская держава: история дипломатических отношений в VI–IV вв. до н.э. СПб., 2008; он же. Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. Казань, 2009. С. 65–88.

ПАНКРАТОВА Е.Г. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ФАНАГОРИИ – Л.П. ХАРКО*

История археологического изучения Фанагории насчитывает вот уже более полутора веков. Однако исследователи располагают крайне отрывочными и неполными сведениями о раскопках, проводившихся в начале XX в. Благодаря имеющемуся архивному материалу из Отдела рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина, можно выявить некоторые, ранее не известные, подробности относительно организации и проведения исследований на территории этого выдающегося античного памятника.

В данной статье основное внимание будет уделено исследователю, осуществлявшему археологические работы в 20–30-х гг. XX в. – Льву Петровичу Харко.

Л.П. Харко родился в Москве 14 февраля 1899 г. В 1922 году он окончил историко-филологический факультет отделения истории и искусств МГУ. С 1924 по 1928 гг. учился в аспирантуре РАН-ИОН. Первого июля 1924 года был принят на работу в ГМИИ на должность научного сотрудника в отдел нумизматики. С 1927 по 1930 гг. по поручению Дирекции Музея Л.П. Харко работал над организацией и проведением археологических экспедиций на территории древнегреческого города Фанагории.

Как известно, наиболее масштабные раскопки на территории памятника проводились в середине XIX в. Затем объем исследований начал постепенно снижаться, так как внимание ученых привлекли другие археологические объекты. После раскопок К.Е. Думберга в 1896 г.¹ и вплоть до 20-х гг. XX в. на территории Фанагории не проводилось никаких официальных исследований.

В мае 1921 г. директору Керченского музея К.Э. Гриневичу удалось выехать в район станции Сенной и зафиксировать физическое состояние памятника. Согласно его данным, вследствие береговой абразии постепенно разрушалась прибрежная часть Фанагории и, кроме того, территория городища не охранялась государством и представляла собой благодатную почву для грабителей.

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ № 08-01-91113а/У.

¹ НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1896. Д. 58. Л. 159; ОАК 1896.

Подобное состояние столь важного для науки памятника не могло долго оставаться без внимания, потому летом 1926 г. состоялось первое археологическое обследование Таманского полуострова экспедицией Института археологии и искусствознания РАНИОН под руководством А.С. Башкирова. Группа исследователей в составе Л.П. Харко, В.Д. Блаватского, М.М. Кобылиной и др. занималась изучением восточной и юго-восточной части полуострова на предмет выявления и постановки на учет археологических объектов. Первоочередной задачей являлась фиксация топографии Фанагории и обследование разрушающихся частей акрополя и некрополей².

Для осуществления этой задачи в июле 1927 года ГМИИ совместно с «Коллективом по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов» при РАНИОН начал стационарно-археологическое исследование в районе станции Сенной. Экспедиция под руководством Л.П. Харко включала в себя еще шесть человек (С.Р. Разумовская – аспирантка РАНИОН; И.М. Лосева – научный сотрудник ГМИИ; Е.В. Веймарн, В.И. Чепелев, И.П. Снегирев – студенты этнологического факультета МГУ; С.В. Войцеховский – заведующий Темрюкским краеведческим музеем).

Работы продолжались с 5 по 18 июля и носили подготовительный характер перед дальнейшими систематическими исследованиями. За 13 дней экспедицией была осуществлена топографическая съемка предположительно центральной части городища – территории протяженностью 1,4 км вдоль Таманского залива и 0,5 км на юг, в степь. Кроме того, была выполнена детальная съемка сплошного массива возвышенной части памятника. Этот массив описывается Харко, как самое высокое место городища, разделенное «шестью широкими проходами на пять холмов»³. Именно в этом районе археологи XIX века предполагали наличие древних башен и храмов⁴.

У Харко же была своя рабочая гипотеза относительно этих возвышенностей. Он полагал, что второй холм с востока являлся глав-

² Башкиров А.С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. // Труды секции археологии РАНИОН. М., 1928. Вып. III. С. 82.

³ ОР ГМИИ. Ф. 34. Оп. 1–1927. Д. 64. Л. 68.

⁴ *Dubois de Montereux. Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkases, en Colchide, en Armenie, en Crimee.* P., 1839–43. Vol. 1–6).

ной возвышенностью городища. Наличие выемки в центре холма позволило ему сделать предположение о размещении в этом месте древнего театра. Косвенным доказательством этому могло послужить благоприятное расположение возвышенности относительно солнца. Днем оно должно было находиться с правой стороны, а вечером позади. К тому же, группа холмов с востока могла бы создать исключительно удобную для акустики обстановку. Однако Харко признавал, что никаких исторических и эпиграфических свидетельств о наличии в Фанагории театра не имеется. Тем не менее, падкие на сенсации журналисты быстро воспользовались дошедшей до них информацией. В этом же году в «Известиях», «Вечерней Москве» и «Рабочей Москве» вышли заметки примерно такого содержания: «в песках на Таманского полуострове близ станции Сенной удалось обнаружить следы огромного античного театра». В результате, в следующих номерах Харко пришлось делать опровержения подобным статьям⁵.

В результате проведенных исследований впервые была составлена топографическая карта центральной части городища с отметкой высот горизонталей и выявлением конфигурации рельефа городища. Были сделаны зарисовки панорамы городища со стороны Таманского залива, а также перспективный вид на город сверху. Проведенная археологическая разведка предоставила для исследований большое количество подъемного материала.

В ходе проведенных разведок на Фанагорийской сопке (Майской горе) под руководством С.В. Войцеховского оказалось, что северные гребни склонов горы покрыты культурными слоями, идущими вниз, по направлению к городищу. Возможно, насыпи были сделаны для облегчения въезда и выезда на курганы Фанагорийской сопки.

По результатам работ 1927 г. Харко пришел к следующим выводам. По его мнению, для подготовки к дальнейшим исследованиям необходимо: составление точной топографической карты современной местности с фиксацией на ней всех дореволюционных мест раскопок вплоть до 1927 г. и проведение ряда геологических обследований и археологических разведок на территории Фанагории. Немаловажным аспектом полевых работ он считал обеспечение преемственности современной археологии дореволюционной.

⁵ ОР ГМИИ. Ф. 34. Оп. 1–1927. Д. 64. Л. 76.

Харко полагал, что составить четкий план будущего изучения памятника можно только учитывая ошибки и достижения ученых прошлого века. Потому перед его рабочей группой встала задача систематизации всего имеющегося в ее распоряжении архивного материала.

По возвращении из экспедиции сотрудники Харко сидели в архивах Керченского музея и ГАИМКа, переписывая многочисленные дела для составления сводной «Летописи археологических раскопок Фанагории с конца XVIII в. до 1927 г.». Харко совершенно справедливо отмечает, что «ранее такие подготовительные к раскопкам работы в нашей стране не проводились»⁶.

В 1928 году работа экспедиции ГМИИ явилась продолжением изысканий 1927 года. Руководитель и состав экспедиции остались неизменными. Область исследований охватывала 114 км² в центральной части Таманского полуострова (Шимарданская бухта – Киммерийский вал, Тиздар – Пересыпь – Шимарданская бухта). В ходе работ была составлена археологическая карта указанного района, регистрирующая 629 памятников. Проведено было так же геолого-археологическое исследование пограничных частей древнего «Фанагорийского» острова. Было определено прохождение трех древних русел Кубани, деливших современный полуостров на два параллельных друг другу острова. Кроме того, на месте был проработан материал к карте прежних исследований, производившихся в данном районе с конца XVIII века до 1927 года. Масса подъемного материала, собранная на исследуемой территории, была отправлена в ГМИИ.

В октябре 1928 года по материалам двухлетней работы состоялась отчетная выставка Таманской экспедиции, приуроченная к XI годовщине Октябрьской революции. На выставке был представлен картографический и чертежный материал, фотографии, рисунки, чертежи и археологические находки (417 экз.)⁷.

Кроме того, после двух лет работы участниками экспедиции были подготовлены к изданию следующие материалы: отчет о работе за 1927–28 гг.; археологическая карта Центрального района Таманского полуострова; летопись археологических исследований в районе древней Фанагории с конца XVIII до 1927 г.; обзор ар-

⁶ ОР ГМИИ. Ф. 34. Оп. I. Д. 217. Л. 89.

⁷ НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1–1928. Д. 177. Л. 3.

хеологических памятников, найденных в районе древней Фанагории.

Раскопки 1929 г. проводились с 1 по 11 сентября. Руководство экспедицией осталось за Харко, топографическую съемку осуществлял Е.А. Столяровский, в экспедиции также приняли участие директор Керченского музея Ю.Ю. Марти, В.Ф. Гайдукевич и заведующий Таманской археологической станцией А.Г. Остроумов.

В ходе работ была сделана топографическая съемка западной части городища и района юго-западного некрополя. На берегу Таманского залива, в местах обрушения берега, было заложено несколько шурфов. Первая разведка была произведена в западной части городища на месте обнажения большого известнякового квадрата. За два дня были обнаружены остатки постройки, выложенной из плохо отесанных известняков. Постройка в плане образовывала почти квадрат, с внешней стороны стены были окружены бутовой кладкой. Площадь всей постройки равна приблизительно 9 м². «На глубине 2,8 м, на уровне пятого ряда кладки началась вода. Исследование щупом внутренних углов стен показало, что углы закруглены и выполнены в виде полуцилиндрических сплошных каналов, проходящих сверху донизу в толще кладки». Харко заключил, что, «видимо, в этих углах были укреплены в вертикальном положении стойки, предназначавшиеся для несения стропил кровли венчавшей данную постройку». Находки керамики римского времени позволили датировать объект, который Харко классифицировал как оборонительную башню, эллинистическо-римской эпохой⁸.

Южнее этого объекта была обнаружена небольшая постройка, включающая в себя три небольших помещения, располагавшихся на «бетонированной площадке, выложенной кирпичами». Внутри помещений сохранились гладкие полы из цемянки. С внутренней стороны камеры были оштукатурены; на полу найдены куски угля и зола. На 0,2–0,3 м выше уровня помещений были найдены боспорские монеты I в. н.э. На основе этого Харко датировал постройку I–II вв. н.э.

Кроме того, в 700 м от бывшего хутора Семеняки в обвале были обнаружены фрагменты известнякового пола ярко окрашенного красной краской и фрагмент мраморной плиты с изображением бе-

⁸ ОР ГМИИ. Ф. 34. Оп. I. Д. 217. Л. 97.

гущей собаки. Там же, в слое строительного мусора были найдены фрагменты штукатурки красного, желтого, черного, белого, лилового и голубого цветов с остатками расписного орнамента. Как заключил Харко, это наиболее удачное место для заведомо результативных раскопок.

На своем сентябрьском докладе в Керченском Доме Просвещения Харко поставил вопрос о необходимости национализации Фанагорийского городища, как объекта представляющего историческое и культурное значение.

Однако ситуация с раскопками Фанагории в 1930 году несколько осложнилась. В ноябре 1929 г. ГМИИ уведомил Главнауку, что собирается проводить в 1930 г. большую объединенную экспедицию в Фанагории совместно с ГАИМК и Германским Археологическим Институтом. Основная цель подобного проекта – «показать эволюцию стиля в мировом искусстве на фоне развития общественной формации и экспозиционно выявить экономические предпосылки искусства»⁹.

Позиция ГАИМК по этому вопросу была несколько иной. В июле 1930 года А.А. Миллер в своем письме в Комиссию по раскопкам и экспедициям ГАИМК выражает недовольство деятельностью ГМИИ и выступает против выдачи Харко открытого листа, мотивируя это тем, что «не целесообразно производить раскопки в разных пунктах без предварительного изучения всей стратиграфической картины». Кроме того, он настаивал на организации Таманской экспедиции ГАИМК, которая занялась бы изучением памятников Боспора. Н.Я. Марр направляет в Главнауку письмо, в котором заявляет, что «Академия категорически против выдачи открытого листа на один район двум учреждениям»¹⁰. На это он получил ответ о целесообразности объединения усилий в случае совпадения программ ГАИМК и ГМИИ.

В результате, столь грандиозный проект не состоялся, открытый лист на раскопки в Фанагории в 1930 году получил Заведующий Отделом скульптуры ГМИИ К.Э. Гриневич, а Л.П. Харко отправился в качестве помощника руководителя. Основной целью ГМИИ в этом году было проведение систематической шурфовки городища и некрополя Фанагории. Кроме того, планировалось ис-

⁹ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 42. Л. 45.

¹⁰ НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 174. Л. 15.

следование «периферийных городищ – селищ окружавших Фанагорию в древности» (хоры). Задача подобного исследования заключалась в «ознакомлении с экономикой древнегреческих колоний для подведения исторической базы под современное колхозное строительство»¹¹.

Работы проводились с 20 июля по 9 августа на берегу западной части городища, а также в юго-восточной его части, где была обнаружена гончарная печь. Вследствие того, что ограниченность средств не позволила экспедиции ГМИИ довести исследование печи до конца, права на дальнейшее изучение были переданы В.Ф. Гайдукевичу. Это было сделано не случайно, так как в то время Гайдукевич работал над монографией, посвященной античным керамическим обжигательным печам¹². Доследование печного комплекса было осуществлено в 1931 г. Керченским археологическим музеем совместно с Таманской экспедицией ГАИМК.

Затем, вплоть до 1936 г., никаких исследований на территории Фанагории не проводилось. В 1931–32 гг. ГМИИ производил археологические работы в районе Харакса в Ай-Тодоре; в 1933–35 гг. – раскопки некрополя Камыш-Буруна. Лишь в 1936 г. состоялись очередные раскопки в Фанагории под руководством исследователей из ГИМа, начальником экспедиции был назначен научный сотрудник ГМИИ – В.Д. Блаватский. Все находки из раскопок 1936 г. (самые значительные из которых: торс статуи Кибелы, статуэтка Тюхэ, водомет в виде морды льва), поступили в ГИМ.

Для выработки дальнейшей стратегии работ в Фанагории 16 мая 1937 года в ГМИИ состоялось Заседание Директората по вопросу «О Фанагорийской экспедиции». На нем присутствовали 14 человек из Московского Отделения ГАИМКа, ГИМа и античного Отдела ГМИИ, в том числе – В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина, А.П. Смирнов, И.Д. Марченко и Л.П. Харко. По сути, на этом заседании решалась дальнейшая судьба раскопок в Фанагории. Были высказаны две точки зрения – Л.П. Харко и В.Д. Блаватского. Харко, высказав свое недовольство экспедиционной деятельностью ГМИИ, отметил, что не включение в смету средств на археологические работы в Фанагории повлечет за собой выпадение ГМИИ из

¹¹ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 42. Л. 46.

¹² Гайдукевич В.Ф. Античные керамические обжигательные печи // ГАИМК. Л., 1934. Вып. 80. С. 50.

числа учреждений ведущих археологические раскопки. Харко считал, что необходимо проводить активное изучение территории Фанагории по нескольким направлениям (топографическое, геологическое и краеведческое). Согласно точке зрения исследователя, археологические работы должны заключаться в проведении разведок и закладывании шурфов.

Блаватский придерживался иного мнения. Он считал, что в части археологического изучения Фанагории, ГМИИ необходимо присоединиться к ГИМу, так как исторический музей уже начал масштабные работы на городище в 1936 году. Он предлагал распределить работы следующим образом: раскопки городища будет осуществлять ГИМ, некрополя - ГМИИ, по этому же принципу предполагалось и распределение находок. В.Д. Блаватский считал, что работы следует осуществлять путем планомерного вскрытия больших площадей.

Видимо отношения между Харко и Блаватским были напряжены до предела, так как последний заявил, что ни Фанагорийская экспедиция, ни другие исследователи Фанагории не заинтересованы в кандидатуре Харко и потому «более рационально будет не включать его в состав экспедиции и предоставить ему возможность индивидуальной поездки с целью завершения работы и написания отчета»¹³.

В результате Дирекция постановила, что проведение экспедиций ГМИИ в Фанагории целесообразно и при проведении археологических работ ГМИИ следует присоединиться к ГИМу, рабочая группа которого уже начала исследования в 1936 г. Распределение находок следует осуществлять следующим образом: предметы искусства должны поступать в ГМИИ, все остальные находки – в ГИМ. В ходе обсуждений был принят метод поочередного вскрытия больших площадей, предложенный В.Д. Блаватским. Л.П. Харко должен был в четырехмесячный срок представить письменный отчет за 5 лет раскопок в Фанагории (1927–1930 и 1937 гг.).

После долгого и сложного процесса оформления документов, поучилось так, что летом 1937 г. в Фанагорию выехали две группы исследователей. 11 августа туда отправилась экспедиция в составе исследователей из ГМИИ и ГИМа под руководством

¹³ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 49. Л. 9.

А.П. Смирнова, в составе В.Д. Блаватского, М.М. Кобылиной и др. 26 августа в Фанагорию уехал археологический отряд под руководством Л.П. Харко для завершения работ прошлых лет.

Задача Харко состояла в проверке и уточнении археологической карты центральной части Таманского полуострова и нанесении на нее новых данных относительно истории археологических открытий. Кроме того, он должен был провести археологическую разведку в прибрежной части Кеп. Намеченный план был выполнен и 11 декабря 1937 г. на заседании античного Отдела ГМИИ в присутствии В.Д. Блаватского, М.М. Кобылиной, Т.В. Блаватской и И.М. Лосевой был заслушан отчет Харко о проведенной командировке. Выполненная работа была признана удовлетворительной и перед Харко встала задача подготовки к публикации отчета об археологических раскопках в Фанагории за пять лет. Этот отчет должен бы включать в себя помимо описания работ, фотографий, зарисовок и эстампажей находок еще и летопись археологических исследований на территории Фанагории с кон. XVIII до 1937 г., а также археологическую карту Фанагории с локализацией мест прежних раскопок¹⁴. Работа по составлению была закончена в 1939 г. и принята на очередном заседании Античного отдела ГМИИ. Не остался безучастным и ГАИМК. На XI заседании сектора Древнего Причерноморья было решено опубликовать отчет Харко на свои средства, если у ГМИИ не окажется на то финансовой возможности. Однако после 1937 г. Харко больше не участвовал в раскопках Фанагории.

В 1942 г. он защитил диссертацию на тему «Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском». В следующем году Харко поступил в докторантуру ИИМКа, которую закончил в 1947 г., защитив докторскую диссертацию на тему: «Монеты Боспорского царства по археологическим данным».

В конце 1944 года Министерством культуры СССР Харко был отправлен в чине майора по специальному заданию для спасения и вывоза музейных ценностей из Варшавы, Данцига и Торны. Работая в Данцигском архиве Харко обнаружил папку, содержащую списки картин Дрезденской галереи, спрятанные немцами во время войны в штольне. Однако вывозу картин из Германии воспрепятствовали местные власти и только после передачи списка кар-

¹⁴ ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 54. Л. 5.

тин заместителю министра Константинову была организована бригада для спасения Дрезденской галереи. Некоторые из них были привезены в Москву в ГМИИ, где экспонировались на выставке, после чего были возвращены в Германию.

24 июня 1961 г. Л.П. Харко скончался, после стольких лет бескорыстной и честной работы, оставив после себя светлую память среди сотрудников ГМИИ.

СЕРГЕЕВА Н.С. (САРАТОВ)

**ГОЛЛИВУД И ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ:
К ВОПРОСУ ОБ ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.**

Американская массовая культура оказывает огромное влияние на формирование ценностей, взглядов, интересов своих читателей, слушателей, зрителей. Познания о мировом историческом прошлом уже в XX, а особенно – в XXI веке, все чаще черпаются из исторических романов, комиксов, фильмов. Главная «фабрика грез» – Голливуд – активно обращается к жанру исторического фильма, причем бурная история Вечного города на протяжении десятилетий остается одной из излюбленных тем американских кинематографистов. Первые фильмы подобной тематики появились еще в эпоху немого кино и продолжают появляться до сих пор; здесь с несомненными шедеврами массовой культуры, подобными «Клеопатре» или «Бен-Гуру», соседствуют откровенные подделки. Изображение Древнего Рима в американском кино представляет собой сложное явление, требующее тщательного изучения, однако, в отечественной науке данная проблема остается малоизученной.

Становление исторического жанра шло через развитие так называемых реконструированных хроник, появившихся на заре кинематографа, и получивших развитие в первые годы XX века. Практически одновременно с подобными хрониками создается множество фильмов, в первую очередь, о раннем христианстве («Камо грядеши», «Бен-Гур», «Последние дни Помпей» и др.). Михаил Ямпольский отмечает: «...наибольшей яркости понимание кинореализма как художественной археологии достигает в итальянских пеплумах, реконструирующих античную историю, так сказать, археологическую *par excellence*»¹. Фильмы на античные темы в 1900–1910 гг. приобретают особую популярность в Италии, но уже в начале 1920-х Голливуд захватывает первенство по производству фильмов на исторические темы. Американский кинорежиссер Сесиль Блаунт де Милль, среди работ которого «Царь царей» (1927),

¹ Ямпольский М. Кино как художественная археология // Сеанс. 2008. 33/34 // <http://seance.ru/n/33-34/vertigo33-34/kino-kak-hudozhestvennaya-arheologiya/>.

«Клеопатра» (1934), создал, по мнению советского исследователя кинематографа Р.П. Соболева, «...специфическую разновидность боевика – лжеисторический помпезный фильм о временах давно минувших, чаще всего библейских»². Расцвет же производства так называемых американских «пеplумов» приходится на 50–60-е годы. Именно конкуренция с телевидением породила в Америке новый вид коммерческого фильма – «фильм-гигант». «Это длинное (три-четыре часа) и широкое (на 70-миллиметровой пленке), обязательно цветное, стереофоническое зрелище, чаще всего на историческую (библейскую, античную, средневековую) тему, с участием десятков «звезд» – популярнейших актеров, чьи многотысячные гонорары рекламируются рядом с астрономическими цифрами затрат на декорации, костюмы, экспедиции в экзотические страны»³. Фильмы данной тематики вызвали огромный зрительский интерес, прежде всего, привлекая своей пышностью, красочностью, спецэффектами (как правило, в батальных сценах), одновременно удовлетворяя и естественную тягу к знанию исторического прошлого, которое, зачастую представляло весьма отдаленную от исторической реальности картину. Р.П. Соболев отмечает значимость эффекта от просмотра подобного фильма – зритель уйдет домой в полной уверенности, что при его просмотре приобрел новые и ценные знания по древней истории. Поэтому нередко для воздействия на массы использовался именно этот жанр, в котором можно неявно, иносказательно обратить внимание зрителя на те или иные события, подчеркнуть одни и вовсе исказить другие.

В те годы американское кино, как правило, из всей истории Древнего Рима концентрировало внимание на периоде возникновения и становления христианской религии. Как следствие, римляне предстают в роли жестоких властителей и гонителей сторонников новой веры. Анализируя это явление, исследователь «римской тематики» в американском кинематографе М. Винклер пишет: «Поскольку Понтий Пилат, местный администратор имперского римского правительства, допустил, чтобы распятие произошло, а его солдаты это осуществили, римляне являются «плохими парнями» в фантазии и народной культуре христианских обществ

² Соболев Р.П. Голливуд. 60-е годы. Очерки. М., 1975. С. 186.

³ Юрнев Р. Чудесное окно: Краткая история мирового кино. М., 1983. С. 187.

почти по необходимости»⁴. Создавая кино о римлянах I в. н. э., режиссеры не рассматривают возникновение и распространение христианства, например, в качестве основной причины упадка Римской империи; в сущности, они *исходят из позиции* христианских общин, согласно которой Рим являлся рассадником язычества, порока и жестокости. Однако римляне осуждаются в христианской традиции не только за произведенное ими распятие Христа и расправу над его последователями, но также и за чрезмерную роскошь, и за абсолютизацию военной власти, которые определяются в качестве составляющих факторов падения Рима уже Ш. Монтескье в его работе «Рассуждение о причинах величия и упадка римлян» (1734). М. Винклер отмечает, что подобный взгляд встречается и у римских историков, особенно Саллюстия, который приписывает упадок Рима роскоши (*luxuria*) и жажде власти (*lubido dominandi*) (Sall. Cat. 10.3–5; 11.1; 12.1–2).

Позднереспубликанский Рим, а особенно – пришедший ему на смену императорский, становится почти архетипическим примером общества, которое характеризуют мощь и порок. Мощь находит свое воплощение в мании величия правителей, эксплуатации рабов и абсолютизации военной силы. Порочность римлян проявляется в их тяге к роскоши, сексуальным излишествам и гладиаторским играм. Моральный упадок, разложение, близость падения – такова популяризированная характеристика императорского Рима. Однако в Голливуде именно данный период римской истории вызывает наибольший интерес, и негативный взгляд на него получил широкое распространение в американском кинематографе. Многочисленные фильмы, изображающие Рим в подобном негативном ключе, зачастую заслуживают исследовательского интереса и благодаря их взаимосвязи с современными историческими событиями. Сам Рим воспринимался американцами середины XX века двояко. С одной стороны, они видят в императорском Риме аналогию с фашистской Германией – в этом случае Рим предстает военной диктатурой, стремящейся к покорению всего мира. Возвеличивание одного народа – римлян, идея их всемогущества и особого предназначения в совокупности с императорским культом – все это не

⁴ Winkler M. The Roman Empire in American Cinema after 1945 // The Classical Journal. 1997/1998. Vol. 93. No. 2. P. 167.

могло не ассоциироваться с фашистским режимом, тем более что расцвет «пеплумов» приходится именно на послевоенное время.

Приведем только два примера, взятые из широко известных фильмов. Фильм «Бен-Гур» представляет собой экранизацию одноименного романа Лью Уоллеса, созданную американским режиссером Уильямом Уайлером в 1959 г. (первая экранизация этого романа относится еще к 1926 г.). Более чем радушно встреченный критиками (о чем свидетельствует абсолютный рекорд премии Оскар, продержавшийся 37 лет, – в виде 11 наград киноакадемии), фильм также пользовался огромной популярностью и у массовой аудитории (что ярко отражают его внушительные кассовые сборы).

Действие картины начинается в Палестине в 26 году от Рождества Христова. Главный герой – еврейский аристократ Бен-Гур встречается после долгой разлуки с другом детства римлянином Мессалой, который прибывает в Иудею в качестве военного трибуна римского легиона. Некогда родные люди, они уже не могут быть близки, каждый становится представителем своего мира, интересы которых несовместимы. В диалоге Мессалы и Бен-Гура отчетливо выступает противоборство этих миров – римского и «завоеванного Римом».

«М.: ...Твой народ покорён.

Б.-Г.: Вы можете завоевать нашу землю, убить людей, но это не конец. Мы снова поднимемся против вас.

М.: Ты тешишь себя несбыточными мечтами ...сейчас в мире есть одна сила, одна реальность, смотри на запад, не будь глупцом, смотри на Рим!»

Бен-Гур, как и его соотечественники, внешне подчиняется римлянам, но не покоряется им, он верит, что его народ еще освободится, и будет процветать. Его антагониста Мессалу заботят, прежде всего, интересы Империи, да и свои мечты связанные с возможностью приблизиться к императору, который для него является богом – богом, обладающим реальной земной властью, что для него гораздо ценнее богов небесных, поэтому он просит друга предать его соотечественников, несогласных с властью Рима. Для Бен-Гура же Рим – зло и оскорбление всего святого, он душит его и его народ, всю землю. Он говорит Мессале «Когда Рим падет, ты услышишь такой крик свободы, который мир никогда не слышал». В этой фразе, на наш взгляд, сконцентрирована та ненависть к Ри-

му, которая сохраняется на протяжении всего повествования. В книге, посвященной фильмам-лауреатам кинопремии «Оскар», Н.Н. Лавров пишет: «В истории взаимоотношений еврея Иуды Бен-Гура и его друга Мессалы, чья слепая преданность Риму превращает бывших друзей в непримиримых врагов, персонифицируются противостояние христианства и язычества, конец античности и начало новой эры»⁵. Римляне в данном фильме показаны, прежде всего, в противопоставлении с людьми нового мира – христианами. И хотя в фильме не ставится задача показать саму жизнь Христа и его деяния, тем не менее, его образ проходит красной нитью через все киноповествование.

Другой пример – шедший в советском прокате и очень популярный у нас в свое время фильм «Спартак» Стэнли Кубрика. На первый взгляд, «Спартак» не имеет прямой связи с христианской тематикой – ведь сами его события разворачиваются за семь десятилетий до рождения Иисуса Христа; однако связь с религией, основателю которой еще только предстояло родиться, прослеживается иносказательным образом. Так, голос за кадром в самом начале фильма, говорит о времени происходящих событий: «В I веке до н.э., накануне рождения новой религии христианства, которому было суждено сбросить языческую тиранию Рима и создать новое общество...». В этой фразе, на наш взгляд, очень ярко обозначено уже ставшее в какой-то мере традиционным противопоставление Рима и христианства. Мученическая смерть Спартака на кресте – как символ его непримиримости и твердости, также не может не вызывать определенных ассоциаций.

Римская республика в кинофильме, с одной стороны, достигла своего зенита, однако ее «подтачивала смертельная болезнь – рабство». Главный герой фильма, Спартак, «закованный в цепи, но непримиримый», олицетворяет рабов Рима, в которых, несмотря на их внешнюю покорность, живет мечта о свободе⁶, которая в данном фильме предстает абсолютной ценностью, ради которой стоит жить и умирать. Римляне-рабовладельцы лишают людей главного, поэтому они являются «отрицательными героями», несмотря на от-

⁵ Лавров Н.Н., Лаврова В.Ф. Премия «Оскар» (награды, рекорды, фильмы, рейтинги, жанры). Ростов-на Дону, 2002. С. 339.

⁶ Подробнее об интерпретации образа Спартака в фильме Кубрика, см.: Чиглицев Е.А. Рецепции античности в культуре конца XIX – начала XX вв. Казань, 2009. С. 212–215.

существование прямой связи с христианством, именно из-за отношения к которому римляне подвергались негативной оценке в более ранних фильмах. В сущности, изображенный в фильме позднереспубликанский Рим по своим характеристикам практически не отличается от императорского: та же безнравственность, абсолютизация силы и власти. М. Винклер отмечает: «Фундаментальная тема американских фильмов, имеющих сюжетом древний Рим – это могущество, неизбежно ведущее к порче. Стандартный образ Римской империи представляет военную диктатуру, которая беспощадно подавляет всякое сопротивление своему господству и порабощает завоеванных»⁷. Именно в «Спартаке» подобное представление достигает своеобразного апогея. Слова Марка Красса своему греческому рабу Антонину в полной мере иллюстрируют силу той деспотичной власти, которую Рим распространил на мир. «Там, мальчик, Рим великий, могущественный, и страшный в своем могуществе. Вот сила, которая держит весь мир как колосс. Ни один человек не может противостоять Риму, ни одна нация не может противостоять ему... Есть только один способ иметь дело с Римом, Антонин: ты должен служить ему, ты должен склониться перед ним, ты должен пасть ниц к его ногам, ты должен любить его...». Парадоксальное сочетание слов «должен» и «любить», отражает невозможность сопротивления мощи Рима, бегства от нее, люди «вынуждены» любить Рим, ведь никто не может ему противостоять. Визуально усиливает слова Красса римская армия, марширующая через город – именно эта сила, военная мощь во многом и олицетворяет могущество Рима. Неограниченная власть проявляется не только в военной силе, но и во вседозволенности, порождающей испорченность нравов. Слова Марка Красса приобретают дополнительную окраску, благодаря тому, что адресованы они не просто рабу, а молодому человеку, которого Красс хочет соблазнить. М. Винклер отмечает, что для пуританской Америки бисексуальность Красса, выраженная в фильме в сцене «устриц и улиток», (предшествующей речи о величии и мощи Рима), является наиболее сильным указанием на моральную испорченность, как результат их неограниченной власти⁸.

Однако со временем Америка все в большей и большей степени начинает видеть себя своеобразным наследником не только свобо-

⁷ *Winkler M. Op. cit. P. 169.*

⁸ *Ibid.*

долюбия рабов и моральной чистоты первых христиан, но и мощи и величия Римской империи, подобная позиция находит отражение и в кинематографе. Р.П. Соболев подчеркивает: «...искажение истории в «Клеопатре» соответствует представлениям о США как «новом Риме», представлениям? которые как раз в те годы были высказаны устно и начертаны письменно...»⁹. Известный российский американист А.И. Уткин приводит слова одного из американских публицистов, заявившего, что исследователи классической античности «могут возмущаться сравнением демократической Америки с тираническим Римом Августа и Нерона. Но сформировавшийся имперский лагерь указывает, что, как ни неожиданно это сравнение, Америка ведет себя подобно побеждающей империи»¹⁰. А.И. Уткин также обращается к словам иельского историка Джона Льюиса Геддиса, который заявляет: «Мы (США) – определенно империя, более чем империя, и у нас сейчас есть мировая роль»¹¹.

Новые веяния нашли отражение и в кинематографе. Вышедший в 1964 г. фильм голливудского кинорежиссера Энтони Манна «Падение Римской империи» стоит особняком в ряде картин о Древнем Риме. Он отличается от рассмотренных ранее картин не только оригинальностью подхода в изображении римлян, но и своим неуспехом среди массовой зрительской аудитории. В качестве шутки этот фильм даже называют «падением» кинематографической «Империи» продюсера С. Бронстона. Отсутствие зрительского интереса связано, на наш взгляд, с несколькими факторами. С одной стороны публика просто «устала» от фильмов подобного жанра: массовый зритель был удовлетворен полученными сведениями о Древнем Риме, чрезвычайно длительный хронометраж утомлял, а массовые батальные сцены, еще недавно вызывающие восторг уже не вызывали подобного ажиотажа. Но данный фильм не имел успеха среди зрителей, не только ввиду «изживания» жанра пеплума.

⁹ Соболев Р.П. Указ. соч. С. 186.

¹⁰ Уткин А.И. Американская империя. М., 2003. С. 27.

¹¹ Там же. Кстати, в голливудских фильмах «негласно» присутствовало и противопоставление Америки и Европы, которая в данном случае как бы воплощает фашизм и политику соответствующего режима власти. Режиссеры, создавая картины, на роли положительных героев – римлян, евреев и христиан, часто брали американских актеров – Роберта Тейлора (Марк Виниций в «Кво Вадис», 1951), Чарлтона Хестона (Бен-Гур в «Бен-Гур», 1959), Кирка Дугласа (Спартак в «Спартак», 1960). Отрицательных же персонажей нередко играли европейские актеры, например, Питер Устинов (Нерон, «Кво Вадис», 1951). Впрочем, правило это строго не соблюдалось.

М. Винклер подчеркивает, что кинозрителей 60-х годов могло бы удивить то, какими предстали перед ними римляне: это были не привычные им рабовладельцы и завоеватели, которые увлечены лишь развратом и играми. «Вместо этого зрителей приглашали идентифицировать себя с римлянами как носителями мира и цивилизации»¹². Этот по-своему революционный подход и не был принят широкой публикой – зрители на тот момент были просто не готовы видеть римлян такими, какими их представил режиссер. Возможно, сказался и еще один фактор. После завершения Второй мировой войны не прошло еще двух десятилетий, и Римская империя все еще ассоциировалась американскими зрителями, прежде всего, с гитлеровским режимом¹³.

Нетрадиционность и значимость работы Э. Манна заключается и в том, что он впервые изобразил падение Рима вне связи с историей победы христианства. До этого существовала определенная традиция изображать римлян в кино, прежде всего, как противников христианской веры. Фильмы, так или иначе связанные с этой тематикой, способствовали созданию представлений о римлянах I–II вв. лишь как о гонителях первых христиан, с которыми они жестоко расправлялись по приказу Нерона и других императоров. Сам Э. Манн писал: «Я не хотел создать другой «*Quo vadis?*»..., другого «Спартака» или вообще что-либо «другое», потому что эти истории были историями Христа. Эти фильмы создают впечатление, что христианство было единственным предметом, центральным для Римской империи, но это был лишь маленький инцидент в величии Римской Империи»¹⁴. Отойдя от главного «условия» отрицательного изображения римлян – их связи с христианством, Манн получает возможность изобразить римлян в ином ключе. М. Винклер пишет: «Рим был развитой культурой, от которой происходит многое в более поздней Западной цивилизации, и чье политическое падение было серьезной задержкой в продвижении человечества к миру и стабильности. Манн и его сценаристы сразу же давали сигнал, что кое в чем их фильм отличен от стандартной ки-

¹² *Winkler M. Edward Gibbon and The Fall of the Roman Empire // The Fall of the Roman Empire. Oxf., 2009. P. 152.*

¹³ См. об этом: *Winkler M. The Roman Empire in American Cinema... P. 172–175, 178–184.* Автор показывает параллели между Нероном в фильме «*Quo vadis?*» и Гитлером, отражение в фильмах темы холокоста и т.д.

¹⁴ *Mann A. Empire Demolition // The Fall of the Roman Empire. Oxf., 2009. P. 131.*

нематографической оценки Рима»¹⁵. Э. Манн как бы напомнил зрителям, что у Рима кроме завоевательной политики, абсолютизации силы и развращенного общества, была еще и культура. Он пишет: «Все историки говорят о созидательности Рима. Это было одно из великих событий истории – Рим дал нам великое право, великое взаимопонимание...»¹⁶.

«Падение Римской империи» – это, безусловно, своеобразный прорыв, уход от привычного изображения римлян при сохранении жанровых особенностей фильма. Однако на наш взгляд не стоит чрезмерно идеализировать изображенный в картине Рим. Ведь ключевая тема самого фильма – это падение Рима, связанное с множеством факторов и проблемами внутри римского общества. «Падение империи – не событие, а процесс, растянувшийся на триста лет. Некоторые нации не просуществовали столько, сколько угасал Рим» – такими словами начинается киноповествование, подчеркивая значимость событий, изображенных в картине.

История и причины падения великой Римской империи – это та тема, которая волновала на протяжении столетий и волнует человечество до сих пор. Обычно называют несколько причин падения Римской империи, придавая той или иной из них ведущее значение в зависимости от общих взглядов исследователя. Так, известный английский историк Рима М. Грант выделяет «тринадцать недугов, которые... в сочетании привели Римскую империю к конечному параличу. В каждом из них проявлялась главная угроза: угроза дезинтеграции»¹⁷. Спорным является и момент так называемого «начала падения». Однако независимо от строгих исторических построений, для европейского культурного сознания особое значение имеет та дата, с которой начинает свой отсчет крупнейший английский историк эпохи Просвещения Эдуард Гиббон – 181 г., смерть Марка Аврелия и воцарение его сына Коммода. Итак, образы Марка Аврелия и Коммода в данном случае оказываются ключевыми, поэтому их следует рассмотреть более внимательно – причем не реальных исторических деятелей, а именно образы, какими их знает среднеобразованный европеец уже на протяжении почти трех столетий.

¹⁵ *Winkler M. Edward Gibbon... P. 152.*

¹⁶ *Mann A. Op. cit. P. 131.*

¹⁷ *Грант М. Крушение Римской империи. М., 1998. С. 8.*

Основы их характеристики были заложены еще в античности Геродианом, греческим историком III в., но гораздо большее значение имело сочинение, условно именуемое «Авторы жизнеописаний Августов» (*Scriptores Historiae Augustae*), сборник биографий римских императоров II–III вв. Это сочинение можно отнести, скорее, к жанру исторического романа, чем к истории¹⁸, поскольку в нем содержится обилие «исторических сплетен» и неточностей. Однако именно они во многом определили дальнейшую репутацию многих правителей в культурно-историческом сознании.

Юлий Капитолин, названный в этом сборнике автором биографии Марка Аврелия, дает ему следующую характеристику: «...в течение всей своей жизни предавался философским занятиям и праведностью своей жизни превзошел всех государей» (SHA. Marc Ant. Phil. 1.1). Он отмечает, что Марк с ранних лет отличался серьезностью, получил хорошее образование, при этом чрезвычайно уважал и ценил своих наставников, и уже с детства начал увлекаться философией. Марк Аврелий занимался живописью, охотой, любил игру в мяч, ловлю птиц. Однако на философию приходилась большая часть его свободного от государственных дел времени. Император уважал сенат и мудро правил, заботясь о благополучии Рима. Историк пишет о Марке, как об удивительном человеке, который «...делал дурных людей хорошими, а хороших – превосходными, спокойно перенося даже насмешки некоторых» (12.1).

Сугубо положительная оценка «императора-философа» ярко контрастирует с портретом наследника Марка – его сына Коммода Антонина, которого автор считает скорее гладиатором, чем императором. По словам Капитолина, Марк сам опасался, что его «сын будет подобен Нерону, Калигуле и Доминициану» (SHA. Marc Ant. 28.10). В Комоде, по мнению писателя, «...как в помойной яме, соединены всякая грязь и преступление» (19.6).

Отдельная биография Коммода написана другим автором, участвовавшим в составлении жизнеописаний Августов, – Элием Лампридием. Описывая детство и юность Коммода, Лампридий перечисляет его добродетельных учителей, которые, однако, пользы, по мнению автора, не принесли – слишком уж сильны были порочные наклонности юноши. «С самого раннего детства Коммод отличался

¹⁸ Гаспаров М.Л. Послесловие // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992. С. 328.

постыдным поведением, был бесчестен, жесток, развратен, и уста его были осквернены и обещены» (SHA. Comm. 1.7). Историк отмечает, что способностями будущий властитель Рима обладал лишь в областях неподобающих императору – в танце, пении, свисте, лепке и шутовстве. Жестокость Коммод начал проявлять, по словам Лампридия, уже на двенадцатом году жизни. Внешность императора историк описывает следующим образом: «Коммод отличался хорошим телосложением. Выражение его лица было бессмысленное, какое обычно бывает у пьяниц, речь – бессвязная; волосы были всегда покрашены и сверкали золотыми блестками» (SHA. Comm. 17.3). Став императором, Коммод разогнал окружение отца и предался пьянству, развлечениям, разврату, убивая мешавших и противящихся ему людей. Кроме того, он тратил государственную казну на бесконечные гладиаторские поединки, в которых активно принимал участие (по слухам, 735 раз). Элий Лампридий приводит множество примеров распущенных и жестоких действий Коммода, полных натуралистических подробностей, – он прилюдно целовал своих любовников, устроил себе лупанар, убил огромное количество людей, при этом зачастую безо всякой на то причины: «Многих он погубил без разбора – одних за то, что они повстречались ему, одетые в платье варваров, других – за то, что они были видными и красивыми» (10.7). Отличался Коммод, по словам Лампридия, и специфическим «чувством юмора» – как-то, увидев у человека седые волосы, император счел их похожими на червяков – и приказал посадить на голову несчастного скворца, который нанес множество ударов, превратив голову в рану (SHA. Comm. 10.4). Таким образом, Коммод в описании Лампридия предстает совершенно распущенным, жестоким и, по сути, неадекватным человеком, который совершенно не имел положительных черт. Автор гиперболизировал пороки Коммода и создал облик сугубо порочного, жестокого развращенного тирана, вставшего в один ряд с Нероном и Калигулой.

Эти оценки заложили основу той традиции, в которой полторы тысячи лет спустя воспринял образы интересующих нас императоров век Просвещения – эпоха, когда поздняя античность впервые стала предметом систематического историко-культурного осмысления. Именно тогда Э. Гиббон в своем монументальном труде «История упадка и крушения Римской империи», написанном во вто-

рой половине XVIII в., попытался разобраться в причинах упадка великой империи. Само крушение Рима он связывает с множеством факторов (таких как варваризация культуры, упадок нравов, демографический спад, разрушение материальной основы, увеличение количества наемников в армии)¹⁹. История упадка, по его мнению, начинается именно со смерти «философа на троне» Марка Аврелия Антонина, на смену которому приходит его сын Коммод. Гиббон пишет «...при своем восшествии на престол этот счастливый юноша (Коммод) не видел вокруг себя ни соперников, которых нужно было бы устранить, ни врагов, которых нужно было бы побороть. На таком спокойном и высоком посту он натурально должен был предпочитать любовь человеческого рода его ненависти и добрую славу своих предшественников позорной участи Нерона и Домициана»²⁰. Таким образом, с именем Коммода в исторической традиции связывается не только образ развращенного «правителя-гладиатора», но и императора, со времени правления которого, начинается важный процесс в истории империи – ее упадок.

Пожалуй, самым уязвимым местом в оценках Гиббона было то, что он так четко привязывал начало упадка к отдельной личности. Однако явление это связано не только с личностью императора, но также и с множеством факторов, которые коренятся в самом римском обществе. Именно в этом смысле скорректировал построение Гиббона известный американский философ XX века Вил Дюрант, написавший 11-томный труд «История цивилизации». Он посвятил Римской истории особый том – «Цезарь и Христос», в котором рассмотрел историю Рима от его зарождения до падения. Его вывод: падение, равно как и возвышение, Рима являло собой не конкретное событие, а длительный процесс и было обусловлено рядом причин. «Великую цивилизацию невозможно завоевать извне до тех пор, пока она не разрушит себя изнутри»²¹, – такова центральная мысль его работы. Время правления Коммода – это начало медленного угасания и падения Рима; эта идея нашла свое вопло-

¹⁹ Как подчеркивает М. Грант, Гиббон называет около двух дюжин предполагаемых причин упадка, не выбирая из них главные. Это неудобно для читателя, «но это также говорит об осторожности историка. Для такой огромной и сложной организации, какой была Римская империя, трудно подыскать единственное простое объяснение» (Грант М. Указ. соч. С. 8).

²⁰ Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи. М., 1994. С. 20.

²¹ Дюрант В. Цезарь и Христос. М., 1995. С. 714.

щение в фильме Э. Манна, оказавшись, таким образом, перенесенной в массовое сознание.

Сам режиссер писал о фильме: «...Это история семьи. Это история, которую мы рассказали на ужасающем фоне того Рима, который начинает внутренне уничтожать самого себя»²². Однако, даже исходя из названия, фильм, на наш взгляд, все же не повествование о судьбе конкретных людей на фоне исторических событий, как, например в «Бен-Гуре», где даже имя главного героя выносится в заглавие, а попытка более глубокого рассмотрения происходящих в римском обществе процессов. Но проследить, выявить и ярко продемонстрировать их зрителю можно лишь обращаясь к конкретным героям и жизненным ситуациям, что и делает Манн. На наш взгляд, отличает этот фильм и то, что на первый план выходит не личная судьба героев, а судьба Римской империи. Если в ранее рассмотренных картинах мы наблюдали противопоставление рабов и завоевателей, римлян и христиан, то в данном фильме акцент делается на различности самих римлян. Фильм построен на своеобразном контрасте правления двух императоров и условно разделен на две части – время правления Марка Аврелия как счастливое для Рима и воцарение Коммода, которое приводит к проблемам во внутренней и внешней политике. Выявив сложившиеся образы императоров в культурно-исторической традиции, нам бы хотелось рассмотреть, какими они представлены в фильме.

В кинопроекции Марка Аврелия практически не находит отражения глубина его философских взглядов и идей. Лишь в нескольких диалогах и сцене, где он обращается к самому себе, мы можем услышать суждения «философа на троне» о предназначении человека, жизни и смерти. В самом начале фильма Аврелий размышляет о неясности будущего – он говорит о своем детстве, в котором боялся, что проведет жизнь в темноте и день никогда не наступит; с годами его страх только усиливался, и сейчас ему хотелось бы верить, что солнце все же будет продолжать вставать. В этом монологе отчетливо выступает страх Аврелия за будущее Рима, он как бы предчувствует надвигающиеся перемены. Подобное изображение тесно связано и с культурно-историческим обликом Аврелия; так Геродиан отмечает, что императора на склоне лет тревожила судьба империи – во многом это было связано и с его

²² Mann A. Op. cit. P. 132.

опасениями за деятельность ее будущего императора, Коммода. Однако если исторически, несмотря на подобные опасения, Марк Аврелий назначает своим наследником Коммода, то в кинофильме он желает видеть императором полководца Ливия, который, по его мнению, больше подходит на роль императора. Заинтересованные в том, чтобы во главе империи стал Коммод, решают убить Аврелия, пока тот не огласил своего наследника. Заговорщиками было решено отравить Марка Аврелия яблоком, разрезанным ножом, одна сторона которого была смазана ядом. Интересно, что в «Истории Августов» также описывается подобный способ убийства, однако по слухам примененный самим Марком. Таким образом, этот перенос, на наш взгляд, используется для того, чтобы «стереть» с образа Марка приписываемое ему преступление и усилить положительную характеристику его образа. Как и в историко-культурной традиции в фильме антиподом Марка является Коммод. Безнравственный, упрямый, жестокий – все его пороки и отрицательные качества достигают апогея, когда он становится императором. Получив власть, он коренным образом меняет политику Марка Аврелия, мечтающего о мире и едином Риме – заявляя «Пусть провинции забудут о снисхождении моего отца» и приводя свои высказывания в действия. Создателями фильма в большей степени был сделан акцент на негативную сторону политической деятельности Коммода, а не на его развращенность и безнравственность, как это было в «Истории Августов». Рассматривая феномен падения Римской империи, Манн, вероятно, хотел подчеркнуть, что не только порочность императора, но и его неразумное управление империей повлияли на дальнейшую судьбу Рима. Экранный Коммод, безусловно, отрицательный герой, ведь именно его деятельность, по мнению Манна (опирающегося на Гиббона), привела к упадку империи. Актер Кристофер Пламмер внешне не похож на исторического Коммода – он имеет короткие, темные волосы и носит бороду. Из сочинений же Геродиана и других исторических источников, а также по сохранившимся изображениям, мы узнаем, что Коммод имел вьющиеся светлые волосы (или покрытые золотой пылью). Облик императора, созданный в «Падении Римской империи» скорее схож с внешностью стереотипного кинематографического злодея. На наш взгляд, создателями фильма был специально создан подобный образ, чтобы визуально усилить отрица-

тельный облик императора. Роль же Марка Аврелия, как отмечает М. Винклер исполнил популярный актер Алек Гиннес, известный ролями «хороших парней»²³. Таким образом, используя внешние особенности и характерные амплуа актеров, создатели фильма, на наш взгляд, стремились, как можно ярче показать контраст между императорами.

Ставший самой нестандартной американской кинокартиной, повествующей об античном Риме, фильм Энтони Манна является одновременно и последним крупным голливудским проектом, посвященным данной тематике. К истории и проблемам Римской империи в американском киноискусстве снова обращаются лишь на рубеже XX–XXI вв., когда на экраны выходит фильм Ридли Скотта «Гладиатор» (2000), затрагивающий исторические и общечеловеческие темы и предлагающий уже иное прочтение событий правления последних Антонинов.

«Гладиатор» можно условно назвать ремейком «Падения Римской империи», однако Ридли Скотт, изображая события того же времени и тех же самых исторических персонажей, что и Манн, уже не называет это падением Рима. Возможно потому, что и «главным героем» здесь уже является римлянин, а не Римская империя. Само название «Гладиатор», на наш взгляд, выбрано случайно и связано с несколькими аспектами. С одной стороны, оно призвано обратить внимание массового зрителя на то, что это будет захватывающий фильм с гладиаторскими поединками – характерным атрибутом популяризированного образа Древнего Рима. С другой стороны, оно олицетворяет сложный жизненный путь римского полководца Максима, волей судьбы ставшего гладиатором. Сам слоган фильма: «Генерал, ставший рабом. Раб, ставший гладиатором. Гладиатор, бросивший вызов империи» – акцентирует внимание на том, что фильм, прежде все – история жизни конкретного героя.

Если в «Падении Римской империи» мы наблюдаем, противопоставление Марка Аврелия и Коммода, то в «Гладиаторе», скорее, контрастируют Максим и Коммод. Марку Аврелию же уделяется гораздо меньше экранного времени и его образ во многом связан с возможностью развития сюжетной линии – пожелав оставить трон Максиму, император тем самым лишил бы престола Коммода, ко-

²³ *Winkler M. Edward Gibbon... P. 152.*

торый, стремясь не допустить этого, убивает собственного отца и приказывает уничтожить Максима и его семью. Максим в какой-то мере предстает образом идеального римлянина, преданного своему государству и истинному императору – Марку Аврелию. Он любит Рим и сражается за него, мечтая о его благополучии, для него, как и для Аврелия важны понятие чести, мужества, отваги, достоинства, от них он не отказывается, даже оказавшись на арене Колизея. Коммод, также как и ранее, предстает жестоким, порочным человеком, отрицательность его образа достигает апогея в той сцене, где он собственными руками убивает своего отца ради получения власти и испытывает порочное влечение к родной сестре. Таким образом, в фильме сохраняются ставшие уже традиционными образы Коммода и Марка Аврелия.

Э.Д. Фролов пишет: «*«Гладиатор»* – красочный фильм, дающий яркое художественное воспроизведение картин из жизни древнего Рима. Но ценность фильма не только в его красочности, но и в его духовном настрое, в воспроизведении извечных истин, идей-антиподов, благородства и низости, чести и позора, хрестоматийная ясность которых отнюдь не мешает им оставаться актуальными во все времена»²⁴. Таким образом, в фильме на первый план выходят не кризис в истории Римской империи как это было в «*Падении Римской империи*», а общечеловеческие проблемы, показанные в контексте римского общества. Российский киновед С.В. Кудрявцев также отмечает: «*Последний личный поединок на арене Максима и Коммода* – это соперничество не за жизнь или смерть и даже не за судьбу Рима, а типичное для творчества Ридли Скотта иносказательное столкновение надмирных сил Добра и Зла»²⁵. Таким образом, в фильме «*Гладиатор*» внимание акцентируется, прежде всего, на личной судьбе главного героя в контексте римского общества, что коренным образом отличает его от «*Падения Римской империи*», и отчасти возвращает к «*Бен-Гуру*», в котором также на примере личной судьбы показаны происходящие в римском обществе масштабные исторические события.

Но Э. Манн, создавая свой фильм, стремился не просто разобраться в причинах упадка великой империи, точно воссоздав ис-

²⁴ Фролов Э.Д. Новый опыт историко-художественной интерпретации античности: фильм Ридли Скотта «Гладиатор» // Фролов Э.Д. Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб., 2004. С. 406.

²⁵ Кудрявцев С.В. 3500. Книга кинокритиков. М., 2008. Кн. 2. С. 1408.

торическую реальность (исторических неточностей у него более, чем достаточно!), но и обратить внимание зрителя на актуальность происходивших в то время событий. По его словам, «причины создания «Падения Римской империи» столь же актуальны сегодня, сколь они были исторически актуальны, когда писал Гиббон. ... Прошлое подобно зеркалу. Оно отражает то, что случилось на самом деле, и в отражении падения Рима находятся те же самые элементы, что и в том, что происходит сегодня, то самое, что приводит к падению наши империи»²⁶. Эти слова можно и даже нужно применять к нашей современности. Подход Э. Манна примыкает здесь к подходу В. Дюранта, который писал, что «...развитие в древности ситуации, которая аналогична нашей, может ободрять нас или служить предостережением. Здесь, в борьбе римской цивилизации с внешним и внутренним варварством, мы видим нашу собственную борьбу; римские трудности, связанные с биологическим и моральным упадком, – это указательные знаки на нашем собственном пути»²⁷. Для попытки понять происходящие события и проблемы настоящего необходимо обращаться к мировому историческому и культурному опыту, в том числе и к историческому и культурному опыту Римской империи. В этом смысле фильм Э. Манна оказывается гораздо более мудрым, чем имевший несравненно больший кассовый успех «Гладиатор» Ридли Скотта.

Кинокартина Энтони Манна, таким образом, продолжает отличаться по своей проблематике не только от предшественников, но и от новых продолжателей жанра пеплум. Это различие очень выразительно проявляется в финальных сценах двух фильмов. Римская империя начинает свое падение – и небо в «Падении Римской империи» чернится облаками, поднимающимися от костров со сгорающими варварами, предвещая падение Рима. В конце фильма «Гладиатор» мы наблюдаем восход солнца, «обещающий» новый Рим, свободный от тирана.

²⁶ *Mann A. Op. cit. P. 131.*

²⁷ *Дюрант В. Указ. соч. С. 8.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акопян Павел (pavel-aa@mail.ru) Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Баранов Дмитрий (baranovdmitry2@gmail.com) Воронежский государственный университет.

Бычкова Марина (libra11@bk.ru) Саратовский государственный технический университет.

Востриков Игорь (igor-vostrikov@bk.ru) Казанский (Приволжский) Федеральный университет.

Вьюшкин Максим (maxim.viuschi@mail.ru) Казанский (Приволжский) Федеральный университет.

Горлов Вильгельм (vilgelm.samara@rambler.ru) Институт археологии РАН.

Давыдкина Олеся (zachekay@mail.ru) Самарский государственный университет.

Денисова Валентина (crazysquirrel-07@mail.ru) Саратовский государственный университет.

Зибаев Антон (zibaew@mail.ru) Саратовский государственный университет.

Змитрякова Юлия (juliazmitr@gmail.com) Казанский (Приволжский) Федеральный университет.

Каранаев Михаил (karanaevmk@mail.ru) Казанский (Приволжский) Федеральный университет.

Каргальцев Алексей (kargaltsev@gmail.com) Санкт-Петербургский государственный университет.

Клемешева Мария (klemmascha@mail.ru) Саратовский государственный технический университет.

Корнилов Юрий (Pirr2000@yandex.ru) Казанский (Приволжский) Федеральный университет.

Кузягина Людмила (luse n@mail.ru) Казанский (Приволжский) Федеральный университет.

Никитина Кристина (rockstin@mail.ru) Саратовский государственный университет.

Панкратова Евгения (pankratova0484@yandex.ru) Институт истории материальной культуры РАН.

Рахимова Алина (alina_rahimova90@mail.ru) Саратовский государственный университет.

Сапогов Александр (as_sapogov@mail.ru) Саратовский государственный университет.

Сергеева Наталия (love_nataschka@mail.ru) Саратовский государственный технический университет.

Смыков Иван (delta07sev@mail.ru) Саратовский государственный университет.

Улямаев Тимур (timur_u216@mail.ru) Саратовский государственный университет.

Федорович Татьяна (taniaist@mail.ru) Кубанский государственный университет.

Фрешер Юлия (YulyaFresher@ya.ru) Саратовский государственный университет.

Хрусталеv Вячеслав (vyacheslav-hrust@mail.ru) Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Челноков Матвей (motyakrut@mail.ru) Саратовский государственный университет.

Черкасова Светлана (cherkasova-sv@mail.ru) Самарский государственный университет.

Научное издание

ANTIQVITAS IVVENTAE

Сборник научных трудов студентов и аспирантов

Ответственные за выпуск *Е.В. Смыков, А.А. Савинов*

Оригинал-макет подготовила *Н.Б. Чурекова*

Подписано в печать 04.04.11. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Баскервиль+Палатино Линотип+Георгия. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,88 (16,0). Уч.-изд. л. 11,17. Тираж 7 100.

ООО Издательский Центр «Наука».
410600, Саратов, Пугачевская, 117, к. 50.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК